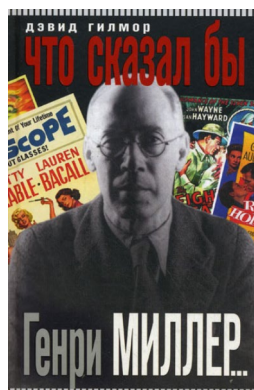

Дэвид Гилмор Что сказал бы Генри Миллер...

Аннотация

Кто может стать лучшим учителем для собственного сына? Только безработный кинокритик, ни секунды не задумываясь, скажет, что это КИНО.

Сын ненавидит школу? Можно ее бросить. Но при этом он должен смотреть три фильма в неделю. Из тех, что выберет для него отец. «Бешеные псы» и «В джазе только девушки», «Завтрак у Тиффани» и «Последнее танго в Париже», «Крестный отец» и «Основной инстинкт», «Ребенок Розмари» и «Римские каникулы», Франсуа Трюффо и Акира Куросава, Мартин Скорсезе и Брайан де Пальма... Фильмы, долгие разговоры о жизни и сама жизнь: романтические драмы, ветреные подружки, трагические разрывы и душевные муки. Все то, что бывает только в кино.

Книга ранее выходила под названием «Киноклуб».

Дэвид Гилмор Что сказал бы Генри Миллер...

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пару лет назад мой сын заглянул ко мне как-то днем заморить червячка. Обычно мы так встречаемся с ним раз или два в неделю. Задача вести его по жизни — или, по крайней мере, думать, что я этим занимаюсь, — уже давно передо мной не стоит, как и его следование моим пожеланиям. Ему уже перевалило за двадцать. Теперь мы обычно просто рады возможности поговорить друг с другом. Мы с ним вовсе не друзья; мы — отец с сыном. Это немного разные вещи, но так оно и должно быть.

Так вот, когда мы с ним на кухне обедали, он спросил меня, о чем я тогда писал. Я сказал, что работаю над книгой о том, как пережить разрыв отношений с женщиной, и в общих чертах рассказал ему о своей задумке. Он вежливо выслушал меня, потом заметил:

— Это жуткая мысль, пап. У тебя ведь все книги об этом, да?

Если удастся дожить до такого дня, когда дети начинают тебя критиковать, становится немного не по себе. Плохого в этом ничего нет, но это немного странно.

— О чем же, тебе кажется, мне надо тогда писать? — спросил я его.

Он немножко подумал, положил бутерброд на тарелку и произнес:

— Почему бы тебе не написать книжку о тех трех годах, когда после того, как я бросил школу, мы смотрели с тобой кино? Отличное это было время. И назвать бы ты ее мог, знаешь как? Сейчас, погоди... Назови ее «Киноклуб».

Как вы понимаете, мы с сыном поменялись ролями. Теперь он высказывает мне свои пожелания, и, если мне хватает сообразительности, я им слеую. На этот раз я поступил

именно так.

*Дэвид Гилмор
Торонто, октябрь 2008 г.*

~

Посвящается Патрику Крину

Мне ничего не известно об образовании, кроме одного: самая большая и самая существенная трудность, известная людям, по-видимому, связана с тем, как воспитывать детей и как им давать образование.

— МИШЕЛЬ ДЕ МОНТЕНЬ

ГЛАВА 1

КАК-ТО НА ДНЯХ Я ПРИТОРМОЗИЛ НА КРАСНОМ СИГНАЛЕ СВЕТОФОРА и увидел, что мой сын выходит из кинотеатра. Рядом с ним шла его новая подружка. Кончиками пальцев она держала его за рукав куртки и что-то нашептывала ему на ухо. Я не разглядел, какую они там смотрели картину, — яркую вывеску над входом в здание скрывала густая крона раскидистого дерева. В тот момент я вдруг поймал себя на том, что почти с болезненной тоской вспоминаю те три года, что мы провели вдвоем — только сын и я, — просматривая фильмы, беседуя на крыльце; это было волшебное время, которого отцу обычно так не хватает в жизни уже почти взрослого ребенка. Сейчас я вижу с ним реже, чем тогда (так это и должно быть), но то время было просто замечательное. Для нас двоих те годы стали большой удачей.

Когда я сам был мальчишкой, мне казалось, что есть такое место, куда попадают плохие ребята, когда их выгоняют из школы. Оно должно было находиться где-то за краем земли, как кладбище слонов, только там полным-полно тоненьких белых мальчишечьих косточек. Вот почему, я уверен, меня до сих пор мучают ночные кошмары, когда снится, как я готовлюсь к сдаче экзамена по физике, как судорожно, с нарастающей тревогой листаю страницы учебника, где речь идет о векторах и параболах, потому что *никогда раньше обо всей этой галиматье я вообще не имел никакого представления!*

Тридцать пять лет спустя, когда оценки моего сына в девятом классе стали неуклонно ухудшаться, а в десятом он вообще скатился в категорию неуспевающих, я испытал нечто похожее на двойной ужас. Во-первых, потому что это происходило на самом деле, а во-вторых, из-за тех воспоминаний, которые так прочно засели у меня в памяти. Я поменялся жильем с Мэгги, моей бывшей половиной («Мальчику надо жить с мужчиной», — сказала она мне). Я переехал к ней в дом, а она — в мой лофт¹, слишком маленький, чтобы там мог постоянно обитать тяжело ступавший парень под два метра ростом. Мэгги все это затеяла, подумал я тогда, чтобы его домашние задания вместо нее делал я.

Но это не помогло. Каждый вечер я неизменно задавал своему сыну Джеси вопрос:

— Это все, что тебе задали на дом?

И он с неизменным энтузиазмом мне отвечал:

— Да, пап, это все!

Когда в то лето Джеси на неделю уехал к матери, в его спальне я нашел около сотни разных домашних заданий, которые он рассовывал по всем щелям, куда их только можно

¹ Лофт (*англ.* loft) — нестандартная жилая квартира в перестроенном промышленном здании.

было спрятать. Получалось вроде бы, что школа делала из него жуликоватого врунишку.

Я поговорил с Мэгги, и мы послали его в частную школу, из которой иногда по утрам нам звонила смущенная секретарша и спрашивала:

— Где ваш сын?

К концу дня, откуда ни возьмись, на крыльце появлялся мой долговязый отпрыск. Где он шляется? Может быть, тусовался с рэперами в каком-нибудь торговом центре на окраине или еще в какой-то дыре, но только не в школе. Получая от нас такой нагоняй, что мало не покажется, он искренне каялся, несколько дней вел себя вполне прилично, потом все начинало крутиться по новой.

Джеси был простодушным парнишкой, очень гордым, казалось, он просто не в состоянии заниматься тем, что ему не по душе, причем пересилить себя он не мог, даже если осознавал, какими будут последствия. А последствия эти иногда просто поражали. От его табелей успеваемости взвыть можно было, утешением не могли служить даже отзывы преподавателей. Люди к Джеси относились по-доброму, причем все, с кем бы он ни сталкивался, — даже полицейские, которые задержали его за то, что он краской из баллончика бомбил стены школы, где учился раньше. (Его опознали соседи, скептически настроенные в отношении граффити.) Высадив Джеси около дома из машины, страж порядка сказал:

— Если бы, парень, я был на твоём месте, мне бы в голову не пришло нарушать закон. Ты просто не создан для этого.

В конце концов, как-то днем, когда я пытался втолковывать ему латынь, мне показалось странным, что у него нет никаких записей, никаких учебников, вообще ничего, кроме смятого клочка бумаги с несколькими нацарапанными на нем предложениями о римских консулах, которые ему надо было перевести. Помню, как Джеси сидел напротив меня за столом, понурив голову, этот подросток с белым лицом, не тронутым загаром, на котором даже малейшее огорчение проявлялось так же явственно, как если бы он с силой хлопнул дверью. Было воскресенье — день, который ненавидят все подростки, потому что выходные кончаются, домашняя работа не сделана, город кажется серым, как океан в пасмурный день, ветер гоняет по улицам опавшую листву, в тумане маячит понедельник.

По прошествии нескольких минут я спросил Джеси:

— Где твои записи, сын?

— Я оставил их в школе.

Языки давались ему легко, он понимал их внутреннюю логику, их изучение не должно было бы создавать для него никаких проблем (к тому же у него было ухо актера). Но когда я видел, как Джеси мается над учебником, становилось ясно, что он понятия не имеет, с какого бока подступаться к тому, что там написано.

— Я никак в толк не возьму, почему ты не принес свои записи домой, — пожал я плечами. — Без них ведь работать гораздо труднее.

Джеси уловил в моем тоне нотки раздражения, начал нервничать, и мне самому от этого стало тошно. Он меня боялся. Мне это было невмозготу. Я никак не мог понять, нормально это в отношениях между отцом и сыном, или я сам с присущей мне несдержанностью и врожденным нетерпением был источником его тревоги.

— Ладно, — вздохнул я, — не бери в голову. Все равно мы с этим совладаем. Мне нравится латынь.

— Тебе латынь нравится? — с энтузиазмом спросил Джеси (энтузиазм в тот моменту него вызывало все, что не имело прямого отношения к его записям).

Некоторое время я наблюдал за пишущим сыном, смотрел на его пальцы с желтыми пятнами от никотина, сжимавшие ручку. Почерку него был отвратительный.

— Пап, а как бы ты стал ловить и похищать сабинянку? — полюбопытствовал Джеси.

— Я тебе потом как-нибудь расскажу.

Пауза.

— А «шлем» это глагол? — снова спросил он.

Так это и тянулось, пока тени уходящего дня скользили по выложенным плиткой кухонным стенам. Кончик ручки покачивался над пластиковой столешницей. Постепенно мне стало казаться, и это было очень странное ощущение, будто в комнате тихо звучал какой-то слабый звук. Откуда он доносился? Его издавал Джеси? Что бы это могло быть? Я всмотрелся в сына. Это был звук щемящей тоски, сомнений здесь быть не могло, точнее, гнетущей скуки, производимый каждой клеткой его тела, убежденного в совершенной нелепости стоявшей перед ним задачи. По какой-то неведомой мне причине в течение этих нескольких секунд у меня было такое чувство, что все это происходит *в моем собственном существе*.

Надо же, подумал я, вот так и проходит его день в школе. Совладать с *этим* просто невозможно. Внезапно, с очевидностью того, что дважды два — четыре, до меня дошло, что битву за школу мы проиграли.

В тот же миг я понял — точнее, нутром своим почувствовал, — что из-за всей этой ерунды могу потерять Джеси, что в один прекрасный день он встанет со стула по другую сторону стола и скажет: «Хочешь знать, где мои записи? Хорошо, я тебе скажу. Я их заткнул себе в задницу. И если ты от меня к чертовой матери не отвяжешься, я их и тебе в задницу заткну».

Потом уйдет, хлопнув дверью, — и поминай как звали.

— Джеси, — мягко сказал я.

Он знал, что я за ним наблюдаю, и это доставало его так же, как чувство, что он вот-вот снова попадет в какую-нибудь передрыгу. То, чем он сейчас занимался, скользя глазами по странице учебника, как-то должно было ему помочь избежать этой неминуемой опасности.

— Джеси, положи ручку на стол. Оторвись, пожалуйста, на секунду от своих занятий.

— Что? — не понял он.

Парень такой бледный, подумал я. Эти сигареты проклятые всю жизнь из него высасывают.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении, — сказал я. — Пожалуйста, подумай и скажи мне, хочется тебе ходить в школу или нет.

— Пап, ну, записи у меня в...

— Да забудь ты об этих записях. Я хочу, чтобы ты подумал о том, хочется тебе продолжать ходить в школу или нет.

— А что?

Я чувствовал, как у меня быстрее стало биться сердце, кровь прихлынула к лицу. Я попал в совершенно непривычное для себя положение, никогда раньше я такого даже представить себе не мог.

— Если тебе не хочется больше ходить в школу, бог с ней.

— Что значит «бог с ней»?

Сказать бы это как-то, как-то вымолвить.

— Если тебе больше не хочется ходить в школу, ты туда ходить не обязан.

У Джеси округлились глаза.

— Ты мне разрешаешь не ходить в школу?

— Если тебе так хочется. Но ты, пожалуйста, подумай над этим несколько дней. Это важ...

Он встал со стула. Он всегда вставал со стула, когда волновался. Длинные ноги и руки Джеси не могли оставаться в покое, когда он был возбужден. Парень оперся о стол и тихо, будто опасаясь, что кто-то может его услышать, сказал:

— Мне для этого не нужно несколько дней.

— Ты не торопись, подумай некоторое время. Я настаиваю на этом.

Позже в тот же вечер я для храбрости пропустил пару стаканчиков вина и позвонил матери Джеси к себе в лофт (квартирка моя располагалась под крышей жилого дома, переделанного из здания кондитерской фабрики), чтобы поделиться с ней этой новостью. Мэгги была высокой, не лишенной привлекательности актрисой, самой доброй женщиной из

всех, которых я знал. «Неартистичной» актрисой, если можно так выразиться. Но она совсем недолго встречалась с самым слабым из известных кинодраматургов, который жил в картонном домике в Лос-Анджелесе.

— Это случилось потому, что ему не хватает чувства собственного достоинства? — предположила Мэгги.

— Нет, — ответил я, — думаю, все из-за того, что он ненавидит школу.

— С ним, должно быть, что-то не так, если он ненавидит школу.

— Я ненавидел школу.

— Вот, наверное, от тебя Джеси это и передалось.

Некоторое время мы продолжали в том же духе, потом она расплакалась, а меня понесло: я стал нести такую околесицу о глобальных проблемах, которая сделала бы честь Че Геваре.

— Тогда пусть ищет себе работу, — сказала Мэгги.

— Ты считаешь, имеет смысл менять шило на мыло и вместо школы, от которой его тошнит, посылать парня на работу, от которой его вывернет наизнанку?

— А что ему еще остается делать?

— Не знаю.

— Может быть, он тогда мог бы где-нибудь работать на добровольных началах? — предложила она.

Я проснулся среди ночи, моя жена Тина ворочалась во сне с боку на бок. Посмотрев в окно, я обратил внимание на то, что луна висит в небе неестественно низко — она, должно быть, заблудилась и ждала звонка из дома. А что если я не прав, мелькнула мысль. Что если у меня от всех этих дел крыша поехала, и я хочу из них выпутаться, позволяя сыну разбить себе жизнь?

Так, наверное, оно и есть, подумал я. Джеси надо что-то делать. Но что именно? Что я могу ему предложить, чтобы не повторилась школьная катастрофа? Книги он не читает, спортом заниматься не любит. А что он любит? Кино смотреть. Я тоже. Надо сказать, когда мне было уже под сорок, несколько лет я довольно бойко вел одну телепередачу в качестве кинокритика. Почему бы мне теперь не тряхнуть стариной?

Три дня спустя я пригласил Джеси поужинать во французский ресторан «Ле Пареди», где столики были покрыты белыми скатертями и сервированы массивным столовым серебром. Сидя на каменном парапете, сын ждал меня у входа и курил. Ему никогда не нравилось находиться в ресторане в одиночестве. Его это смущало, ему казалось, что все смотрят на него как на неудачника, у которого нет друзей.

Я обнял сына, ощутив молодую жизненную силу, исходившую от его тела.

— Давай-ка возьмем бутылочку винца и поболтаем.

Мы зашли в ресторан. Кто-то подходил, чтобы пожать нам руки. Ритуалы взрослых Джеси явно льстили. Даже то, что бармен адресовал ему шутку про Джона-Боя из сериала «Уолтоны»². В ожидании официанта мы молча сидели, слегка расслабившись. Мы оба ждали чего-то значительного — до тех пор говорить было не о чем. Я попросил Джеси заказать вино.

— Корбье, — тихо проговорил он, — это ведь на юге Франции, да?

— Точно.

— Это то, которое год выдерживают?

— Ты прав.

— Корбье, пожалуйста, — с улыбкой сказал он официантке, давая тем самым девушке понять, что он важничает, но ему такое дурачество по душе. *Господи, какая же у него очаровательная улыбка!*

² Чтобы не загромождать текст и для удобства пользования примечания, касающиеся фильмов и имен, объединены в списки и помещены в конец книги. — *Ред.*

Мы подождали, пока нам принесут вино.

— Сделай вид, что это ты меня пригласил, — сказал я.

Джеси понюхал пробку, неловко налил в бокал вина и, словно опасаясь чего-то, пригубил напиток.

— Не знаю, — произнес он с таким видом, будто в последний моменту него сдали нервы.

— Знаешь, — возразил я. — Только тебе надо расслабиться. Если не нравится, так и скажи.

— Я на взводе.

— Ты просто вдохни аромат вина, и сразу все станет на свои места. Первое впечатление всегда правильное.

Джеси понюхал напиток.

— Да ты нос-то понижее опусти.

— Все в порядке, — заметил он.

Официантка поднесла бутылку горлышком к носу и вдохнула.

— Рада тебя снова у нас видеть, Джеси. Твой папа нас постоянно посещает.

Мы оглядели зал ресторана. Недалеко от нас ужинала престарелая пара из Этоубико³, зубной врач с женой, — их сын получил диплом бизнес-менеджера в каком-то университете в Бостоне. Они нам приветливо помахали. Мы им ответили. *А что, если я не прав?*

— Ну, так что, — спросил я после паузы, — ты подумал о том, что мы с тобой обсуждали?

Я заметил, что Джеси хочет встать, но здесь это было неудобно. Он бросил взгляд из стороны в сторону, как будто обстановка ресторана его раздражала. Потом подался ко мне, словно хотел поделиться большим секретом.

— Честно говоря, — выдохнул он, — я бы вообще хотел больше никогда не ходить в школу.

Внутри у меня что-то сжалось.

— Ну, хорошо.

Джеси смотрел на меня, не говоря ни слова. Он ждал, пытаясь сообразить, что окажется *quo* в *quid pro quo*⁴.

— Но в нашем договоре есть одно условие, — продолжил я. — Ты можешь не ходить на работу, и ты не обязан платить за квартиру. Спать можешь каждый день хоть до пяти часов. Но — никаких наркотиков. Если что-то об этом узнаю, договор тут же теряет силу.

— Хорошо, — согласился он.

— Я с тобой не шучу. Если только свяжешься с этой дрянью, будешь платить за весь этот чертов *дом*.

— Ладно.

— Но это не все, — добавил я (чувствуя себя, как следователь в сериале «Коломбо»).

— А что еще? — Джеси был весь внимание.

— Я хочу, чтобы ты смотрел со мной три фильма в неделю. Выбирать их я буду сам. Это будет твоим единственным образованием.

— Ты шутишь, — после непродолжительной паузы сказал он.

Времени я даром не терял. Уже на следующий день усадил Джеси на синюю кушетку в гостиной — он сидел слева от меня, — задернул шторы и показал ему ленту «Четыреста ударов» Франсуа Трюффо⁵. Мне подумалось, что это неплохое начало для знакомства с

³ Этоубико (*Etobicoke*) — район на западе Торонто.

⁴ Услуга за услугу (*лат.*).

⁵ См. список имен в конце книги. — *Ред.*

европейским некоммерческим кино, которое, я был уверен, будет казаться ему скучным, пока он не поймет, как надо смотреть такого рода фильмы. Их лучше воспринимать так же, как исключения из правил грамматики.

Я рассказал сыну (мне хотелось быть как можно более лаконичным), что Трюффо попал в кинематограф с черного хода. Его выгнали из школы («Это ожидало и тебя!»), он скрывался от призыва в армию, подворовывал, что плохо лежало, но обожал кино и все детство провел в парижских кинотеатрах, которых в послевоенной французской столице было в избытке, причем всегда пробирался туда без билета.

Когда Трюффо было двадцать, один сочувствующий издатель предложил ему поработать кинокритиком, и примерно шесть лет спустя это привело к тому, что он снял свою первую картину. «Четыреста ударов» (что, по сути, значит «грешить по молодости» или «отдать дань увлечениям молодости») — это автобиографический взгляд на неприкаянные годы юности самого Трюффо.

Чтобы найти актера, который будет играть его в подростковом возрасте, новоявленный двадцатисемилетний режиссер дал объявление в газету. По прошествии нескольких недель пробоваться на роль Антуана пришел темноволосый парнишка, сбежавший из интерната в центральной Франции и на попутках добравшийся до Парижа. Его звали Жан-Пьер Лео.

Теперь Джеси слушал меня внимательно. Я сказал ему, что за исключением сцены в кабинете психиатра весь фильм немой — звук добавили позднее, — потому что у Трюффо не было денег на звукозаписывающую аппаратуру. Я обратил внимание Джеси на знаменитую сцену, когда все дети класса исчезают за спиной учителя во время прогулки по Парижу. Затем вкратце рассказал сыну о том потрясающем эпизоде, когда мальчик Антуан говорит с женщиной-психиатром.

— Посмотри на усмешку мальчика, когда она спрашивает его о сексе, — заметил я. — И не забывай, что сценария никакого не было, они все импровизировали.

Я вовремя поймал себя на том, что говорю с сыном как школьный учитель, и включил видеоплеер, чтобы показать Джеси фильм. Мы просмотрели его до самого конца, включая тот длинный эпизод, когда Антуан бежит из исправительной школы — бежит через поля, мимо крестьянских домов, по яблоневым садам до самого ослепительного океана. Складывается впечатление, что герой никогда его раньше не видел. Океан такой *необъятный*! Кажется, он простирается в бесконечность. Мальчик спускается по деревянным ступеням к самому берегу, проходит по песку туда, куда докатываются волны, потом слегка оборачивается и смотрит в камеру. Действие замирает — конец фильма.

Через некоторое время я спросил Джеси:

— Ну, и как тебе?

— Скучновато.

Я решил пойти дальше.

— Ты заметил сходство между положением Антуана и твоим собственным?

Он на секунду задумался и сказал:

— Нет.

Тогда я задал ему такой вопрос:

— Как тебе кажется, почему у него такое странное выражение лица в конце картины, в последних кадрах?

— Не знаю.

— Как он выглядит?

— Его что-то беспокоит, — ответил Джеси.

— Что его может тревожить?

— Не знаю.

— Ты представь себе, Джеси, в каком он оказался положении: парень сбежал из интерната, ушел из семьи. Он свободен.

— Может быть, его тревожит вопрос о том, что ему теперь делать? — предположил сын.

— Что ты имеешь в виду?
— Может быть, он хочет сказать: «Ну, ладно, это я сделал. А что дальше?»
— Хорошо, тогда я задам тебе еще один вопрос, — гнул я свою линию. — Тебе не кажется, что между его положением и твоим есть что-то общее?
Джеси ухмыльнулся.
— Ты хочешь спросить, что я собираюсь делать теперь, когда мне не надо ходить в школу?
— Да.
— Не знаю.
— Так, может быть, парнишка выглядит таким озабоченным, потому что его беспокоит то же самое. Он тоже не знает.
Немного подумав, Джеси сказал:
— Когда я ходил в школу, мне было страшно получать плохие оценки, потому что это грозило мне неприятностями. А теперь, когда я в школу не хожу, меня беспокоит, что я себе всю жизнь поломал.
— Это хорошо, — кивнул я.
— Что же в этом хорошего?
— То, что ты не хочешь смириться с перспективой скатиться на самое дно.
— Но постоянно чего-то бояться и о чем-то беспокоиться мне тоже не хочется. А тебя что-нибудь тревожит?
Непроизвольно я глубоко вздохнул.
— Да.
— Значит, как бы ты хорошо ни жил, у тебя все равно всегда есть проблемы?
— Все дело в том, с *какими* ты сталкиваешься проблемами, — ответил я. — Те проблемы, что стоят передо мной сейчас, мне нравятся больше, чем те, с которыми мне приходилось сталкиваться раньше.
Джеси устремил взор в окно.
— От всего этого мне хочется курить. Хотя потом меня будет беспокоить вопрос о раке легких.

На следующий день, чтобы расслабиться, я решил показать ему «Основной инстинкт» с Шерон Стоун. И опять я сделал короткое вступление, так, ничего особенного. Правило, которым я руководствовался, было простым — только самая суть. Захочет Джеси знать больше — сам попросит меня продолжать.

— Пол Верховен, — сообщил я. — Нидерландский режиссер. Приехал в Голливуд после того, как выпустил в Европе несколько успешных картин. Прекрасные визуальные эффекты, замечательное освещение. Снял пару отличных фильмов — очень жестоких, но смотрятся на одном дыхании. Лучший из них — «Робокоп». (Мой монолог становился похожим на азбуку Морзе, но я боялся наскучить сыну.)

Потом добавил:

— Еще он снял один из самых плохих фильмов — классический банально-слезливый триллер под названием «Шоугёлз».

Мы стали смотреть. Смуглокожая блондинка во время полового акта зверски закалывает мужчину похожим на стилет ножом для колки льда. Начало впечатляющее, заводит с пол-оборота. Но спустя пятнадцать минут трудно удержаться от вывода о том, что фильм этот снят не *об отморозках*, а *отморозками*. От него так и несет кайфом, который у школьников с немывтыми ушами вызывают кокаин и лесбийский «декаданс». Но нельзя не признать, что смотрится картина захватывающе. Она будит в душе чувство не лишнего приятности благоговейного страха. Зрителя не покидает ощущение, что вот-вот должно случиться что-то важное или мерзкое, даже если ничего не происходит.

И еще диалоги. Я сказал Джеси, что написал их Джо Эстерхас, бывший журналист, которому заплатили три миллиона долларов за тексты такого содержания:

Детектив. Как долго вы с ним встречались?

Шерон Стоун. Я не встречалась с ним. Я его трахала.

Детектив. Вы сожалеете о том, что он мертв?

Шерон Стоун. Да. Мне нравилось его трахать.

Джеси не мог оторваться от экрана телевизора. Он, наверное, по достоинству оценил и «Четыреста ударов», но здесь было что-то другое.

— Можем мы на минутку поставить на паузу? — спросил он и побежал в туалет, чтобы справить малую нужду. Сидя на кушетке, я услышал, как хлопнула крышка унитаза, потом донесся такой звук, будто нашей уборной решил воспользоваться конь.

— Джеси, ради Бога, закрой дверь! (В тот день мы оба узнали много нового.)

Дверь со стуком захлопнулась. Топая по полу ногами в носках, придерживая штаны на поясе, сын быстро вернулся и шумно угнездился на кушетке.

— Скажи, пап, это ведь вправду *отпадный* фильм.

ГЛАВА 2

КАК-ТО ДЖЕСИ ПРИВЕЛ ДОМОЙ ДЕВОЧКУ. Эту обворожительную вьетнамскую красоточку звали Ребекка Нг.

— Рада с вами познакомиться, Дэвид, — сказала она, глядя мне прямо в глаза.

Дэвид?

— Как дела у вас сегодня идут?

— Как сегодня у меня идут дела? — повторил я ее вопрос как последний идиот. — Пока ничего, все нормально.

Нравится ли мне жить в этом районе? Да, спасибо, жаловаться не на что.

— У меня здесь тетя живет через пару улиц, — сообщила Ребекка. — Очень милая. Прибабахи у нее, конечно, еще как в Старом Свете, но она очень милая.

— *Как в Старом Свете?*

Ребекка Нг (фамилию молодой девушки надо было произносить как Нинг) была одета точно куколка: белоснежные джинсы без единого пятнышка, бордовая блузка со стоячим воротничком, кожаная куртка, битловские сапожки. Складывалось впечатление, что за все эти вещи Ребекка платила сама, работая после школы в каком-нибудь бутике в Йорквилле⁶, а по субботам подавая напитки менеджерам, предусмотрительно снимавшим обручальные кольца перед тем, как зайти посидеть в баре гостиницы «Four Seasons Hotel»⁷, — если ей не приходилось отделяться от их назойливых домогательств. Когда она повернула голову, чтобы сказать что-то Джеси, я уловил аромат ее духов. Тонкий запах, совсем не из дешевых.

— Такие, значит, дела, — подытожила Ребекка.

Сын повел ее вниз в свою спальню. Я чуть было не остановил их, потому что вести девочку в логово Джеси было просто нельзя. Там не было ни окон, ни естественного освещения. Только кровать с зеленым одеялом, местами прорванным; разбросанные по полу вещи; валявшиеся где ни попадя компакт-диски; прислоненный к стене компьютер; «библиотека»: книга Элмора Леонарда, подписанная автором (но не прочитанная), роман «Миддлмарч» Джордж Элиот (подарок, с надеждой сделанный Джеси его матерью) и подшивка журналов в стиле хип-хоп, с обложек которых круто и хмуро глядели чернокожие парни. На ночном столике стояли стаканы для воды. Когда их отрывали от стола, раздавался

⁶ Йорквилл (*Yorkville*) — один из центральных районов Торонто, известный своими роскошными магазинами.

⁷ «Four Seasons Hotel» — сеть гостиниц высшего класса в 34 странах мира. Первая из гостиниц была открыта в Торонто в 1961 г.

звук, напоминающий пистолетный выстрел. Из-под пружинного матраса кровати высовывался случайно засунутый туда журнал «для взрослых» (с телефоном *1-800-Шлюхи*). Как-то между прочим Джеси сказал мне:

— У меня с порнографией нет проблем.

— А у меня есть, — заявил я. — Поэтому спрячь его куда-нибудь подальше.

Рядом в комнате-прачечной на цементном полу квасилась половина полотенец, которые были в доме. Но я хранил спокойствие. Мне казалось, что теперь не время вести себя с сыном как с ребенком.

— Вы, ребята, взяли бы себе молока с булочками, а мне надо пойти покосить проклятую траву во дворе перед домом.

Скоро пол стал слегка вибрировать от звуков бас-гитары. Звуки голоса Ребекки перекрывали музыку, потом стал доноситься голос Джеси, более глубокий и искренний. Послышались взрывы хохота. Господи, подумал я, она поняла, как с ним может быть забавно.

— Сколько этой девочке лет? — спросил я, когда Джеси вернулся, проводив Ребекку до станции метро.

— Шестнадцать, — ответил он. — Но у нее уже есть приятель.

— Могу себе представить.

Джеси как-то неуверенно улыбнулся.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего особенного.

Теперь он казался настороженным.

— Ну, а если у нее есть приятель, — снова спросил я, — почему она встречается с тобой у тебя дома?

— Она симпатичная, правда?

— Конечно. И ей об этом тоже прекрасно известно.

— Ребекка всем нравится. Все парни хотят показать, что тусуются с ней. А она не против проводить с ними время.

— А сколько лет ее приятелю?

— Он ее возраста. Хотя и порядочный болван.

— Это говорит в ее пользу, — со знанием дела заметил я.

— Почему?

— Делает ее еще более привлекательной.

Джеси посмотрел на свое отражение в зеркале над кухонной раковиной. Чуть склонил голову набок, втянул щеки, поджал губы и сурово насупил брови. Он себя представлял себе именно таким. Как будто никогда по-другому и не выглядел. Со стороны могло показаться, что его волосы, густые, как мех у енота, вот-вот встанут дыбом.

— Но парень, который был до него, разменял четвертак, — сообщил он. (Сыну явно хотелось еще поговорить о Ребекке.)

Когда Джеси не без доли сожаления оторвал взгляд от зеркала, его лицо снова обрело нормальное выражение.

— Ему двадцать пять лет?

— За ней, пап, много разных ребят ухлестывает. Слетаются к ней, как мотыльки на свет.

В этот момент он показался мне мудрее, чем я в его возрасте. У меня было больше романтических иллюзий. (Хотя вряд ли это можно назвать большой заслугой.) Но вся эта история с Ребеккой Нг подействовала мне на нервы. Как будто я увидел, как Джеси садится в очень дорогую тачку. Даже запах новой кожи можно было почувствовать.

— Я, по-моему, не выглядел так, будто пристаю к ней или что-то в этом роде, правда? — Джеси посмотрел на меня.

— Нет, этим даже не пахло.

— Не казалось, что я был на взводе или как-то напрягся?

- Не заметил. А что, ты был на нервах?
— Я только тогда напрягаюсь, когда пристально на нее смотрю. А так все путем.
— Мне показалось, ты отлично держался.
— Ты, правда, так считаешь?

Снова стало заметно, что он как-то обмяк после этой встряски в минорном ключе от неясных своих переживаний, догадок и сомнений, которые будут его одолевать с неумолимостью силы тяготения. Как мало я могу ему дать, мелькнула мысль, только эти попытки подбодрить его, как яблочные дольки, которыми кормят в зоопарке редкое животное.

Через стенку была слышна возня нашей соседки Элеоноры. Она чем-то гремела на кухне, чай себе заваривала, слушала радио. Звуки одиночества. Прислушиваясь к ним урывками, думая о собственных проблемах, я вдруг вспомнил первое «свидание» Джеси. Тогда ему было лет десять-одиннадцать. Я стоял, скрестив руки, и наблюдал, как он, почистив зубы, прыснул моим дезодорантом себе под мышками, надел красную футболку с короткими рукавами и вышел из дому. Я решил за ним проследить, а чтобы он меня не засек, прятался за деревьями и кустами. (Его худенькая фигурка, освещенная солнечными лучами так, что черная шевелюра казалась пламенной, смотрелась великолепно.)

Через некоторое время он появился на асфальтированной дорожке, ведущей к дому на возвышении в викторианском стиле, а рядом с ним шла девочка. Ростом она была чуть выше моего сына. Я следил за детьми, пока те двигались к улице Блур, а когда они зашли в забегаловку «Время кофе», решил свою слежку прекратить.

— Пап, ты ведь не считаешь, что мы с Ребеккой друг другу не подходим, правда? — спросил Джеси, снова глядя на себя в зеркало и гримасничая.

— Все тебе подойдут, кто понравится, — ответил я сыну, хоть сердце мое при этом екнуло.

* * *

В ту зиму у меня было полно свободного времени. Я вел непродолжительную документальную передачу, которую никто не смотрел, но срок моего контракта подходил к концу, и продюсер проекта уже перестал отвечать на мои многочисленные электронные письма, в которых я пытался выведать его дальнейшие планы. У меня складывалось малоприятное ощущение, что моя карьера на телевидении близится к концу.

— Ты всегда можешь поискать себе работу как все нормальные люди, — говорила мне жена. Но меня это пугало. Мне трудно было себе представить, как я с протянутой рукой буду просить кого-нибудь принять меня на работу, когда мне уже за пятьдесят.

— Мне кажется, люди смотрят на это по-другому, — возразила она мне. — Ты просто человек, которому нужна работа. Все так делают.

Я позвонил нескольким своим бывшим сослуживцам, которым очень нравилось, как я работаю (так мне казалось). Но все они уже занимались другими делами, жили с другими женами, имели от них детей. Они говорили со мной приветливо и дружелюбно, но по тону можно было понять, что мои проблемы им до фонаря.

Я приглашал в рестораны людей, с которыми не виделся уже много лет: старых школьных и университетских приятелей, знакомых, с которыми мы от души оттягивались на Карибах. Спустя двадцать минут я глядел на вилку и думал, что больше этого делать не надо. (Уверен, что мои гости полностью разделяли мое мнение.) Меня изводили мысли о том, как жить дальше. Перспективы мои выглядели весьма печально, особенно по прошествии пяти — десяти лет. Мои иллюзии о том, что «все как-нибудь устроится» и «закончится благополучно», постепенно развеивались.

Я провел кое-какие неутешительные подсчеты. Если представить себе, что никто не даст мне никакой работы, денег хватит еще года на два. Можно, правда, перестать ходить в рестораны, тогда протяну подольше. (А если помру, тогда деньги можно будет растянуть до

бесконечности.) А что потом? Подменять кого-нибудь в школе? Но этим я уже лет двадцать пять не занимался. От подобных мыслей у меня сосало под ложечкой. Вскакивать по будильнику в половине седьмого из кровати с колотящимся сердцем и таким ощущением, будто во рту кошка нагадила; натягивать рубашку, повязывать галстук, надевать пропахший нафталином пиджак; нестись в метро, от которого с души воротит, к какой-то кирпичной школе в отдаленный район, о котором я знаю только понаслышке, идти по коридору в здании, где от яркого света рябит в глазах, чтобы услышать в кабинете завуча: «Так это вы когда-то вели передачи на телевидении?»

От таких видов на будущее мне уже в одиннадцать утра хотелось хорошенько набраться. Несколько раз я так и поступал, после чего меня, как похмелье с бодуна, неизменно преследовал Малькольм Лаури. *Ты плохо распорядился своей жизнью.*

Как-то раз я проснулся слишком рано и забрел в незнакомый ресторан. Когда мне принесли счет, сумма показалась неестественно маленькой, — было ясно, что официантка ошиблась, и мне совсем не хотелось, чтобы она за это расплачивалась своими чаевыми. Я подозвал молодую женщину к столику.

— Мне кажется, вы с меня слишком мало взяли, — сказал я.

Она бросила взгляд на счет.

— Нет, нет, это льготные расценки для пожилых посетителей, — задорно пояснила официантка.

Льготные расценки полагались тем, кому перевалило за шестьдесят пять. Но еще трагичнее было то, что на меня тихо накатила волна благодарности. Ведь как-никак на яичнице с ветчиной для ранних посетителей я уже сэкономил почти два с половиной доллара.

Погода на улице хмурилась. Пошел снег, мокрые снежинки липли на окна. Маленькую автомобильную стоянку через улицу скрыл туман. Виднелись только два красных огонька задних подфарников парковавшейся машины. Именно в этот момент позвонила Мэгги Хушулак, мать Джеси. Она только что налила себе стаканчик красного вина в моем лофте и хотела, чтобы кто-нибудь составил ей компанию. Зажглись уличные фонари, вокруг ламп удивительно красиво светились туманные ореолы. Вдруг мне стало как-то уютно, выдался чудесный вечер для беседы родителей об их обожаемом чаде: о том, как он ест (плохо), как он занимается спортом (вообще никак), о его курении (одно расстройство), о Ребекке Нг (час от часу не легче), о наркотиках (об этом мы ничего не знаем), о чтении (он вообще ничего не читает), о кинофильмах (сегодня он посмотрел «К северу через северо-запад» Хичкока), о пьянстве (на вечеринках), о сущности его души (мечтатель).

Когда мы с ней говорили, меня вдруг осенила мысль о том, что мы друг друга все еще любим. В этой любви не было ничего чувственного или романтического — все это ушло в прошлое, но нас сближало что-то более глубокое. (Когда я был моложе, мне не верилось, что *может* существовать нечто более глубокое.) Нам доставляло огромное удовольствие быть вместе, голоса друг друга действовали на нас умиротворяюще. А еще я был твердо уверен, что *кроме* Мэгги в мире нет никого, с кем бы я мог говорить о сыне, как мне того хотелось — в мельчайших подробностях: что он говорит мне по утрам, какой он умный, каким красивым он кажется мне в новой спортивной футболке. («Ты совершенно прав! Ему *так* идут темные тона!»)

Никто другой не смог бы слушать больше тридцати секунд эту чепуху — от нее кого угодно потянуло бы выброситься из окна. Мне подумалось о том, как же должно быть печально тем родителям, как много они теряют, когда их взаимная ненависть настолько сильна, что лишает их возможности вести такие чудесные разговоры об их детях.

— Ты сейчас с кем-нибудь встречаешься? — полюбопытствовал я.

— Нет, — ответила Мэгги, — мне никто не нравится.

— Ничего, найдешь еще себе кого-нибудь по нраву. Я тебя знаю.

— Я в этом не уверена, — Мэгги невесело улынулась. — Мне кто-то недавно сказал, что женщине моего возраста скорее грозит убийство от руки террориста, чем новый брак.

— Надо обладать особым тактом, чтобы говорить тебе такие вещи. Кто же это тебе такое заявил?

Мэгги назвала имя одной актрисы, чем-то смахивающей на утку, с которой она репетировала «Гедду Габлер»⁸.

— У нас была читка пьесы, а в конце режиссер, парень, которого я знаю целую вечность, говорит: «Мэгги, ты как односолодовый виски».

— Ну?

— И знаешь, что она сказала?

— Что?

— Она сказала: «Это что, тот, который самый дешевый?»⁹

После непродолжительной паузы я заметил:

— Ты, Мэгги, играешь лучше ее, и она тебе этого никогда не простит.

— Ты всегда найдешь, чем меня утешить, — проговорила она, и в голосе ее что-то дрогнуло. У нее всегда глаза были на мокром месте.

В ту же туманную ночь или спустя два-три дня — никак не могу припомнить точно, когда это было, — около четырех часов утра раздался телефонный звонок. Он настолько органично вписался в мой сон (летний домик, мама готовит мне на кухне сэндвич с кетчупом — все из прошлой жизни), что я не сразу сумел проснуться. Но телефон продолжал настойчиво трезвонить, и я снял трубку. Звонила Ребекка Нг. Так странно было, что девочка такого возраста не спит глубокой ночью, и уж совершенно непонятно, почему она решила позвонить в такую рань.

— Ребекка, вообще-то в четыре утра у нормальных людей перезваниваться не принято, — попенял я ей.

— Извините, — произнесла она голосом, в котором не слышалось и намек на сожаление. — Я думала, у Джеси свой телефон.

— Да если б даже и был... — начал было я, но высказать молодой девушке все, что было на уме, язык не повернулся. Я, наверное, осекся так, будто меня паралич разбил.

Когда подростки просыпаются по утрам, обычно с ходу на них наскакать не принято. Как правило, родители ждут, пока детки почистят зубы, сполоснут лицо, выйдут из спальни, сядут за стол и съедят свой омлет. А после этого уже можно предъявлять им претензии. Им, например, можно сказать:

— Какого черта мне сегодня ночью не дали нормально выспаться?

— Я ей приснился, — Джеси пытался приглушить восторг, прорывавшийся в его словах, но светился он так, будто сорвал большой банк в покер.

— Это она тебе сказала?

— Она *ему* об этом сказала.

— Кому?

— Своему другу.

— Ребекка сказала своему приятелю, что ты ей приснился?

— Да. (Голос у Джеси начинал звучать как в пьесе Гарольда Пинтера.)

— Господи.

— А что? — насторожился сын.

— Джеси, ты ведь знаешь, что значит, когда женщина говорит тебе, что видела тебя во сне?

— Что? — он сам знал ответ, но хотел услышать его от меня.

— Это значит, что ты ей нравишься. Это ее маленькая хитрость, так Ребекка хочет дать

⁸ «Гедда Габлер» (1890) — драма Генрика Ибсена.

⁹ Односолодовый виски считается лучшим, самым дорогим сортом этого шотландского спиртного напитка.

тебе понять, что думает о тебе. Что она *действительно* думает о тебе.

— Так оно и есть. Мне кажется, я ей нравлюсь.

— Я в этом не сомневаюсь. *Мне* ты тоже нравишься... — я смолк, не зная, как закончить фразу.

— И?..

— Это подло, — сказал я, — и жестоко. Тебе бы понравилось, если бы твоя девушка сказала тебе, что видела во сне другого парня?

— Она бы такого не сделала.

— Ты хочешь сказать, что, если бы она была с тобой, ей бы никто другой просто не смог присниться?

— Да, — кивнул Джеси, однако особой уверенности в его голосе не прозвучало.

— Я хочу тебе втолковать, сын, что если девушка так себя ведет со своим бывшим приятелем, то она так же будет обходиться и с тобой.

— Ты так думаешь?

— Я не думаю. Я *знаю*. Посмотри на свою маму — она всегда по-доброму и с уважением говорит о своих старых приятелях. Вот почему она тебе никаких гадостей обо мне не наговаривала и меня по судам не таскала.

— Она бы никогда до такого не опустилась.

— Именно это я и пытаюсь тебе внушить. Если твоя мама так не поступала с другими, значит, и со мной так не поступит. Вот почему я решил, что тебя должна родить она, а не какая-нибудь другая женщина.

— А ты что, знал, что вы разбежитесь?

— Я тебе хочу сказать, что нет ничего зазорного в том, чтобы с кем-нибудь переспать, но ребенка рожать от кого угодно нельзя.

Больше Джеси мне вопросов не задавал.

У меня сохранился список кинофильмов (на желтых карточках, магнитиками наклеенных на холодильник), которые мы смотрели, поэтому я знаю, что уже в первые несколько недель я показал Джеси «Преступления и проступки». Режиссерские работы Вуди Аллена того периода чем-то напоминают *в спешке сделанное домашнее задание*, как будто ему хотелось как можно скорее от них отделаться, чтобы перейти к чему-то другому. Но это что-то другое к разочарованию Аллена оказывалось следующей картиной. Как закручивающаяся вниз спираль. Но, как бы то ни было, сняв больше тридцати фильмов, он, возможно, выполнил свое жизненное предназначение; может быть, тем самым он получил право впредь делать все, что ему заблагорассудится.

И тем не менее, было время, когда Аллен один за другим снимал замечательные фильмы. Многие смотрели «Преступления и проступки» единожды, и — так бывает, когда читаешь рассказы Чехова, — с одного раза не все могли оценить ленту по достоинству. Мне всегда казалось, что эта картина позволяет зрителю увидеть мир глазами Вуди Аллена — как место, где людей, похожих на ваших соседей, и *вправду* иногда убивают, а бездельники и растяпы находят себе сногшибательных подружек.

Я сказал Джеси заранее о том, как искусно выстроен фильм, как здорово продумано развитие истории отношений врача-окулиста (Мартин Ландау) и его истеричной любовницы (Анжелика Хьюстон). Достаточно лишь нескольких мастерских кадров, чтобы понять, насколько далеко зашли мужчина и женщина — от безумного увлечения друг другом до убийственного разлада.

Какое сложилось впечатление о картине у Джеси? Он сказал: «Мне кажется, в настоящей жизни мне бы Вуди Аллен понравился». На этом мы и остановились.

Потом я показал ему документальный фильм «Вулкан: исследование о жизни и смерти Малькольма Лаури». «Вулкан» — лучший документальный фильм, который я видел в жизни, это все, что я могу сказать о нем. Когда больше двадцати лет назад мне впервые довелось вести передачи по телевидению, я спросил у старшего продюсера, слышала ли она об этом

фильме.

— Ты что, шутишь? — она вскинула брови. — Именно из-за него я и пришла на телевидение. — Она наизусть могла цитировать из фильма целые отрывки, вот такие, например: «Если ты не пьешь как я, тебе никогда не понять красоту старухи, которая в баре при магазине играет в семь утра в домино».

Фильм рассказывает о том, как состоятельный парень, Малькольм Лаури, в двадцать два года уехал из Англии, постоянно поддавая, мотался по свету, обосновался на некоторое время в Мексике и начал там писать рассказ. По прошествии десяти лет, пропустив с миллион рюмашек, он превратил этот рассказ в величайший роман, посвященный питию — «У подножия вулкана», причем в ходе этого процесса едва сам не сошел с ума. (Совершенно непонятно, почему большая часть этой книги была им написана в жалкой лачуге в десяти милях к северу от Ванкувера.)

Есть такие писатели, сказал я сыну, жизнь которых вызывает не меньшее удивление и восхищение, чем то, что они сумели написать. В их числе я упомянул Вирджинию Вульф (она утопилась), Сильвию Плат (которая покончила с собой, отравившись газом), Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда (спившегося по глупости и слишком рано умершего). К их когорте можно отнести и Малькольма Лаури. Его роман — одно из самых романтических литературных творений, восхваляющих самоуничтожение.

— Мне страшно становится, — добавил я, — при мысли о том, как много юношей в твоём возрасте напиваются вдрызг, смотрятся в зеркало и им кажется, что оттуда на них глядит Малькольм Лаури. Сколько ребят думали, что занимаются чем-то более важным, более поэтическим, а на деле просто разбивали себе жизнь. — В доказательство своих слов я прочитал Джеси отрывок из романа: — «Я представляю себя великим первопроходцем, — писал Лаури, — который открыл удивительную землю, откуда нет пути назад, чтобы поведать об этом миру. Но название этой земли... ад».

— Господи! — произнес Джеси, откинувшись на спинку кушетки. — Ты считаешь, он и вправду так думал? Он в самом деле *видел* себя таким?

— Да.

Мой сын немного подумал и сказал:

— Я знаю, это, конечно, не так, но складывается впечатление, сам не пойму почему, будто тебе хочется куда-то уйти и разом со всем покончить.

Тогда я попросил его обратить особое внимание на текст к этому документальному фильму, который по качеству нередко не уступает прозе самого Лаури. Одним из примеров этого может служить описание канадским режиссером Дональдом Бриттенем того, как Лаури поместили в психиатрическую больницу в Нью-Йорке: «Здесь содержались существа, продолжавшие жить, несмотря на то что привести их в нормальное состояние уже не было возможности. Этот мир не имел ничего общего с обеспеченным буржуазным укладом жизни, при котором, даже когда падают, знают, где подстелить мягкую соломку».

— Ты считаешь, я еще не дорос до того, чтобы читать Лаури? — Джеси посмотрел на меня.

Хороший вопрос. Я знал, что на нынешнем этапе его жизни он потеряется уже на первых двадцати страницах этой книги.

— Перед тем, как ты станешь его читать, тебе надо знать и о некоторых *других* книгах, — ответил я.

— О каких?

— Чтобы понять это, люди ходят в университет, — объяснил я.

— А без университета прочитать *другие* книги нельзя, что ли?

— Можно. Но обычно люди их не читают. Некоторые книги читают только тогда, когда тебя заставляют их читать. В этом и заключается смысл системы образования. Когда ты учишься, тебе приходится знакомиться с массой вещей, которые просто так тебе бы и в голову пришли.

— Разве это хорошо?

— По большому счету да.

Иногда, возвращаясь домой с работы, Тина видела, как я пытаюсь выманить Джеси наверх из его логова зажатой в руке булочкой — как будто дрессирую дельфина в аквариуме.

— У мальчика очень заботливые родители, — иногда замечала она.

Этот послеобеденный ритуал не мог не вызывать у нее горькое чувство досады, потому что сама она, чтобы кончить университет, работала и летом, и на каникулах, и даже в выходные.

Теперь мне хотелось бы сказать пару слов о Тине. Лет пятнадцать назад, когда я впервые увидел ее в отделе новостей, она явно куда-то торопилась. В голове мелькнула мысль: «Она слишком хороша. Нечего и думать о ней».

Тем не менее, мы флиртовали несколько недель. Но мои ухаживания закончились после ее сурового замечания о том, что «со мной забавно пропустить рюмочку-другую», но «на роль близкого приятеля я не гожусь».

— В моем возрасте, — заявила она, — я не могу себе позволить роскошь через пару лет оказаться перед разбитым корытом, к которому приведут наши отношения.

Прошло несколько лет. Выходя как-то днем из отделения моего банка в подземном торговом центре, я столкнулся с Тиной у эскалатора. Время слегка удлинено ее лицо — выглядела она не лучшим образом. Я почему-то с надеждой подумал, что личная жизнь у нее не складывается, и решился на вторую попытку. Мы несколько раз встречались в разных местах, и как-то вечером, когда мы откуда-то возвращались, я взглянул на Тину и решил, что должен на этой женщине жениться. Как будто во мне сработал какой-то механизм самосохранения, как в холодную ночь включается отопление. Внутренний голос сказал мне: «Женись на этой женщине и тогда умрешь счастливым».

Когда я сказал об этом Мэгги, она отвела меня в сторону и прошептала:

— Не прошляпай хоть этот шанс.

После этого я показал Джеси ленты «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса («Совсем неплохо, но точно не лучший фильм в мире») и «Ночь игуаны» Джона Хьюстона («Дерьмо»). Затем — кинокартину «В порту».

Я начал с риторического вопроса: действительно ли Марлон Брандо самый великий киноактер всех времен и народов?

Потом сел на своего конька. Я объяснил сыну, что на первый взгляд «В порту» — фильм о борьбе с коррупцией в нью-йоркских доках, но *на самом деле* это картина отражает быстрое развитие новой манеры актерской игры в американском кинематографе, получившей название «метод». Результаты, при которых актеры воплощают персонаж, связывая его с опытом реальной жизни, могут быть слишком персонализированы и самоуверенны, но они просто бесподобны.

Я продолжал рассказ, сказав Джеси о том, что этот фильм можно рассматривать с разных позиций. (Картина получила восемь «Оскаров».) Если подходить к его оценке прямолинейно — с точки зрения содержания, можно сказать, что он представляет собой увлекательную историю о молодом человеке (Брандо), который столкнулся с проблемой глубокого морального кризиса. Позволит ли он злу остаться безнаказанным, несмотря даже на то что оно совершено его друзьями, или заявит о нем во всеуслышание?

Есть и другая трактовка этой картины. Ее режиссер Элиа Казан умудрился сделать одну из тех непоправимых ошибок, которые потом пятном остаются на всю жизнь: в 1950-е годы он выступил как добровольный свидетель в Комитете по расследованию антиамериканской деятельности сенатора Джозефа Маккарти¹⁰. В ходе проводимых

¹⁰ Американский сенатор-республиканец Джозеф Маккарти в 1952 г. возглавил постоянный сенатский подкомитет по расследованиям, который при участии Комитета по расследованию антиамериканской деятельности и ФБР развернул кампанию борьбы против подрывных коммунистических действий, в ходе которой пострадали многие общественные и политические деятели, а также государственные служащие. В 1954 г. был созван сенатский комитет по расследованию деятельности самого Маккарти, в результате чего он

Комитетом «расследований», пояснил я, актеров, сценаристов и режиссеров регулярно заносили в черные списки за связь с коммунистической партией и тем самым калечили им жизни.

Казану дали прозвище Казан-губошлеп за то, что он выслуживался перед «компетентными органами» и стучал на кого ни попадя. Критики писали, что фильм «В порту», по сути, был снят как искусная апологетика предательства собственных друзей.

Заметив, что взгляд Джеси становится отсутствующим, я решил закруглиться и попросил его посмотреть ту сцену, которую Марлон Брандо и Ева-Мари Сэйнт играют в парке: он берет ее перчатку и надевает, она хочет уйти, но не может, потому что ее перчатка у него. Когда Казан говорил о Брандо, он всегда останавливался на этом эпизоде. «Вы это видели?» — спрашивал он обычно у тех, кто брал у него интервью, тоном человека, который собственными глазами видел нечто такое, что в обычной жизни просто не может произойти, но, тем не менее, это случилось.

Вот так у нас все шло своим чередом. Я показал Джеси «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Беспокойное сердце» с Мэрил Стрип, «Третий человек» по Грэму Грину. Одни фильмы сыну нравились, другие заставляли его скучать. Но в любом случае это устраивало Джеси больше, чем платить за жилье и искать работу. Когда я показал ему «Вечер трудного дня», мой парень меня просто поразил.

Я сказал ему, что для тех, кто не вырос в начале 1960-х, трудно себе представить ту роль, которую сыграли «Битлз». Музыкантам еще и двадцати не исполнилось, а их уже принимали повсюду, где они появлялись, как римских императоров. Несмотря на свою поистине историческую популярность, они обладали удивительным даром, который позволял вам чувствовать себя так, будто вы единственный, кому дано оценить их подлинное величие в полном объеме, и это ошеломительное открытие каким-то непостижимым образом принадлежит только вам одному.

Я рассказал Джеси о том, как был на концерте «битлов» в Торонто на стадионе «Мэйпл лиф гарденз» в 1965 году. Никогда больше я не видел ничего подобного, не слышал таких криков, меня не слепило столько вспышек, как тогда, когда Джон Леннон пел «Длинную прогулку»¹¹. Девчушка, стоявшая рядом со мной, так резко выхватила мой бинокль, что вместе с ним чуть не оторвала мне голову.

Я рассказал Джеси, как в 1989 году сам брал интервью у Джорджа Харрисона, когда тот выпустил свой последний альбом; как, ожидая в приемной музыканта, я чуть было не упал в обморок, когда обернулся и вдруг увидел его — стройного мужчину средних лет с густыми черными волосами.

— Подождите минутку, — произнес он таким же тоном, как и в телевизионной передаче Эда Салливана¹², — мне надо причесаться.

Я рассказал сыну, как они были «правы», снимая «Вечер трудного дня»¹³, — и о мелькающих черно-белых кадрах, и о том, что ребята были одеты в черные костюмы с белыми рубашками, которые тут же вошли в моду, и о съемках ручными кинокамерами, что придавало фильму документальный характер, ощущение реальной жизни. Этот будоражащий стиль шестичасовых новостей во многом оказал влияние на целое поколение режиссеров.

был снят со своего поста.

¹¹ Оригинальное название песни «Long Tall Sally».

¹² С 1948 по 1971 г. по телеканалу Си-би-эс каждый воскресный вечер транслировалась передача «Шоу Эда Салливана» («The Ed Sullivan Show»), в которой выступали оперные певцы и рок-звезды, композиторы, балетные танцоры, артисты цирка и т. д.

¹³ Оригинальное название фильма «A Hard Day's Night».

Я ему рассказал о нескольких восхитительных эпизодах: Джордже Хариссоне (лучшем актере из всей группы, по мнению режиссера этого фильма Ричарда Лестера) в сцене с дурацкими молодежными рубашками; Джоне Ленноне, который принюхивается к бутылочке кока-колы в поезде, как будто нюхает кокаин. (Тогда эта шутка дошла не до многих.) Но мой самый любимый эпизод, конечно же, тот, где «битлы» сбегают вниз по ступеням железной лестницы, вырываются на волю и дурачатся в чистом поле, а за кадром звучит песня «Любовь нельзя купить»¹⁴. Эта сцена действует на меня с неотразимым очарованием, она и по сей день будоражит меня, переполняет все мое существо, так что возникает чувство, будто мне вот-вот откроется какая-то непостижимая истина, которая где-то совсем рядом, но все же не во мне. За все эти годы мне так и не удалось постичь это чудо, но всякий раз, когда я смотрю «Вечер трудного дня», совсем рядом с собой я ощущаю его непостижимое до конца присутствие.

Перед тем как начать смотреть картину, я сказал Джеси, что в 2001 году — всего несколько лет назад — здравствующие «битлы» выпустили подборку лучших хитов группы. Пластинка тут же заняла первое место в рейтингах *тридцати четырех разных стран*. В Канаде, в Штатах, по всей Европе. И эта группа перестала существовать тридцать пять лет назад!

А потом я сказал ему то, о чем мечтал всю свою жизнь:

— Дамы и господа, «Битлз»!

Джеси с вежливым молчанием посмотрел картину, а когда фильм кончился, лаконично сказал:

— Какой кошмар! — И добавил: — А самый жуткий из них — Джон Леннон. (И с поразительной точностью передразнил музыканта.) Совершенно разнузданный тип.

Я потерял дар речи. Музыка, сам фильм, его прелесть, его стиль... Но самое главное — это же, черт побери, «Битлз»!

— Погоди-ка минуточку, ладно? — Я перебрал свои «битловские» диски, выудил из стопки пластинку «Help!» и включил песню «Это только любовь»¹⁵, чтобы Джеси послушал (при этом палец мой был поднят вверх, чтобы внимание сына не отвлекалось ни на долю секунды).

— Ты подожди, не спеши, — кричал я в упоении. — Подожди и послушай! Вслушайся в этот голос, он же за душу берет! — Заглушая музыку, я прокричал ему: — Разве это не лучший вокал из всех в рок-н-ролле?

Когда песня кончалась, я рухнул на свое место на кушетке. Выдержав благоговейную паузу, уже нормальным голосом (меня все еще пронимают эти восемь тактов в середине) я произнес:

— Ну, так что ты об этом думаешь?

— У них хорошие голоса.

Хорошие голоса?!

— Но как они действуют на тебя? — не выдержал я.

Джеси бросил на меня осторожный, оценивающий взгляд — глаза у него были точь-в-точь как у матери.

— Честно?

— Честно.

— Никак. — Пауза. — Они вообще никак на меня не действуют. — Жестом утешения он положил мне руку на плечо. — Ты прости меня, пап.

Мне показалось, что на его губах чуть заметно играла снисходительная улыбка. Неужели я уже превратился в высокопарную старую калошу?

¹⁴ Оригинальное название песни «Can't Buy Me Love».

¹⁵ Оригинальное название песни «It's Only Love».

ГЛАВА 3

КАК-ТО УЖЕ БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ, примерно в шестом часу, до того не увидев сына в течение всего дня, я спустился по лестнице и постучал в дверь его логова.

— Джеси, — спросил я, — можно войти?

Он лежал на боку под одеялом, повернувшись лицом к стене. Я включил стоящую у кровати лампу и присел на край кровати.

— Я принес тебе что-то вкусненькое, — сообщил я сыну.

Он повернулся ко мне.

— Пап, я не могу есть. Правда.

Я показал ему пакет, в котором лежала булка.

— Тогда я сам откушу кусочек.

Джеси бросил на пакет голодный взгляд.

— Ну, что? — спросил я, доставая булочку. — Что у нас новенького?

— Ничего, — буркнул он.

— Что, с Ребеккой не ладится? — продолжил я допрос, уже начав жевать.

Джеси буквально подскочил на кровати и сел. Волосы у сына топорщились так, будто в него ударила молния.

— У нее был оргазм, — шепотом проговорил он.

Настала моя очередь встрепенуться. Не смог сдержаться. Я совершенно не был настроен на беседы такого рода со своим шестнадцатилетним сыном, по крайней мере, на обсуждение столь деликатных подробностей. (Для этого у него были приятели.) Но я не мог не заметить, что, произнеся эти слова вслух, выдавив их из себя, он будто освободился от яда, сжигавшего его изнутри.

Чтобы скрыть замешательство, я откусил такой большой кусок булки, что от нее почти ничего не осталось.

— А знаешь, что она сказала потом? — в свою очередь спросил Джеси.

— Нет, не знаю.

— Она сказала: «Ты, Джеси, мне действительно нравишься, но когда я тебя обнимаю, я обнимаю тебя как друга».

— Она так и сказала?

— Слово в слово. Клянусь тебе, папа. Как будто я подружка ее, гомик какой-то или еще кто.

— Знаешь, что я думаю? — сказал я, выдержав паузу.

— Что? — Сын ждал моего ответа, как преступник ожидает приговора в зале суда.

— Мне кажется, — я прочистил горло, — что она просто маленькая сучка, которой доставляет удовольствие тебя изводить, и, кроме неприятностей, ты ничего от нее не дождешься.

— Ты, правда, так считаешь?

— Правда.

Джеси откинулся на подушку, как будто до него снова дошла вся жуть положения, в котором он оказался.

— Знаешь, — продолжил я, — мне сейчас надо выйти, кое-какие дела сделать, а ты подумай еще раз хорошенько обо всей этой истории...

— Ты, наверное, прав.

Обдумав ситуацию и тщательно взвесив все, я спокойно сказал:

— Мне бы не хотелось обсуждать с тобой такие вопросы, мы ведь не приятели, мы — отец с сыном, и я считаю нужным тебе об этом напомнить. Девушки не испытывают оргазм с парнями, которые их физически не привлекают.

— Ты точно это знаешь?

— Да, — уверенно ответил я, после чего подумал: «Это в самом деле так? Хотя какое

это имеет значение? Эта проблема сегодня для нас далеко не самая насущная».

Я повел Джеси в кинотеатр «Камберленд», чтобы посмотреть «Сексуальную тварь» с Беном Кингсли. У меня сложилось такое впечатление, что сын не столько смотрел кино, сколько напряженно думал в темноте зрительного зала о Ребекке Нг и об этой ситуации с «дружескими объятиями». По дороге домой я сказал ему:

— Мы обо всем поговорили, что ты хотел сегодня обсудить?

— Да, обо всем, — ответил он, глядя мимо меня.

Дверь захлопнулась — не надо совать нос не в свое дело. Остаток пути до станции метро мы прошли в напряженном неловком молчании. Когда мы беседовали, проблем такого рода не возникало никогда, а сейчас появилось такое чувство, что мы высказали все, что хотели, и сказать друг другу нам больше нечего. Может быть, несмотря на свой юный возраст, Джеси интуитивно чувствовал, что я не могу сказать ему ничего такого, что могло бы в корне изменить положение вещей. Это могла сделать только Ребекка. Вместе с тем, казалось, он совсем забыл о том, как работает его собственная нервная система, и когда он облекает в слова те чувства, которые его обуревают, это отчасти приносит ему облегчение. Джеси замкнулся, ушел в себя. И я почувствовал странное нежелание настырно ломиться туда, куда меня не приглашают. Мой сын вырослел.

Погода — как всегда бывает, когда на сердце кошки скребут, — была гнусная. По утрам шли дожди, днем небо было бесцветное. Перед самой нашей дверью машина сбила белку, так что нельзя было ни войти в дом, ни выйти из него, непроизвольно не бросив взгляд на пушистый комок в крови. Во время семейного обеда вместе с его матерью и моей женой Тиной Джеси как-то вяло ел бифштекс с картофельным пюре (его любимое блюдо), старался быть вежливым и раскрепощенным, но было заметно, что он слегка напряжен. Выглядел он неважно, как ребенок, которому нездоровится, пил слишком много вина. Причем в глаза бросалось не столько количество выпитого, сколько *темп*, с каким он опустошал бокал, явно стремясь ускорить действие алкоголя. Так иногда пьют запойные пьяницы. Я решил, что за этим его пристрастием надо будет проследить внимательнее.

Когда я смотрел на Джеси через стол, в голове проносились обрывочные образы — один печальнее другого. Сын представлялся мне уже немолодым таксистом, колесившим по улицам в дождливую ночь в провонявшей марихуаной машине, где рядом с ним на сиденье валяется сложенная бульварная газетенка. *И я ведь сам — черт бы меня драл — сказал ему, что он может делать все, что ему взбредет в голову: за квартиру; сказал, можно не платить, разрешил ему дрыхнуть весь день до одури. Это же надо, какой я крутой папашка!*

А что, если ничего из этого не выйдет? Если тем самым я бросил его в колодезь, из которого нет спасения, и его ждет лишь череда занятий, от которых с души воротит, где пахнет совсем не деньгами, а одной только дешевой выпивкой? Что, если именно я уготовил сыну такую судьбу?

Позже вечером я подошел к нему, когда он в одиночестве курил на крыльце.

— Знаешь, — сказал я, садясь на плетеный стул у входа, — то, что ты делаешь, я хочу сказать, то, что ты в школу не ходишь, жизнь тебе не облегчит.

— Знаю, — кивнул Джеси.

— Мне просто хотелось убедиться в том, — продолжил я, — что ты сам знаешь, что делаешь, и отдаешь себе полный отчет в тех трудностях, с которыми сталкивается в жизни человек, проучившийся только девять классов.

— Я знаю, — повторил он, — но думаю, что жизнь у меня все равно сложится.

— Ты так считаешь?

— Да. А ты нет?

— Что *нет* ?

— Ты не думаешь, что у меня в жизни все будет путем?

Я смотрел на сына, вглядывался в его вытянутое, открытое, доверчивое лицо и думал, что мне легче сдохнуть, чем добавить ему в сердце печали.

— Мне кажется, у тебя будет *замечательная* жизнь, — ответил я. — В сущности, я в этом уверен.

Стоял весенний день. Джеси, еще вялый со сна, нетвердыми ногами поднялся по ступенькам в кухню около пяти часов. Я хотел сделать ему замечание, но промолчал. Такой у нас был уговор. У меня была назначена встреча — надо было выпить с одним малым, который грозился дать мне работу в журнале (вопрос о деньгах стоял все так же остро), но я решил позволить Джеси посмотреть какой-нибудь фильм, а уже потом уходить. Я поставил «Гиганта» с Джеймсом Дином в роли молодого ковбоя. Пока титры скользили по пастбищам крупного рогатого скота, Джеси ел булочку и громко сопел, что вызывало во мне непроизвольное раздражение.

— Это кто? — спросил он с полным ртом.

— Джеймс Дин.

Пауза.

— Крутой парень.

Мы уже почти дошли до той сцены, когда Рок Хадсон уговаривает чем-то похожего на лиса Дина продать ему небольшой участок земли, недавно полученный им в наследство. В комнате находятся еще три-четыре человека — деловые люди в пиджаках и при галстуках, — и все они хотят того же: чтобы этот отщепенец продал свой участок. (Они подозревают, что там есть нефть.) Хадсон предлагает Дину кучу денег. Нет, отвечает ковбой, сдвигая шляпу на глаза, ему очень жаль, но очень уж хочется иметь кусочек земли, пусть маленький, но свой. Не ахти что, но мое.

И пока Дин, который сидит, развалившись и постреливая из стороны в сторону глазами, говорит, он вертит в руках смотанный кусок веревки с камнем на конце для стреноживания скота.

— А теперь — смотри, — подал я голос. — Смотри, как он выходит из комнаты, как движется его рука, будто сметает снег со стола. Как будто он говорит этим деловым ребятам: «А не пойти бы вам всем к чертовой матери».

Это один из тех кадров в кино, которые настолько странны, настолько неожиданны, что, когда смотришь их в первый раз, трудно поверить собственным глазам.

— Вот это да! — Джеси даже приподнялся на кушетке. — Мы можем это посмотреть еще раз? (Благоговение — чувство, которое можно испытывать при чтении Чехова, но в данном случае фраза «Вот это да!» вполне соответствовала впечатлению от игры Джеймса Дина.)

Мне уже надо было выходить. По дороге к двери я сказал:

— Посмотри до конца, тебе понравится.

Гордый собой, я не без удовольствия подумал, что Джеси обязательно досмотрит фильм до конца. Когда позже вечером я вернулся домой (работу так и не получил, но истратил одиннадцать долларов на такси), мой сын сидел за кухонным столом и с аппетитом уплетал спагетти. Причем он ел макароны с открытым ртом. А я уже тысячу раз говорил, чтобы он этого не делал. Если парень не научится вести себя за столом, вряд ли из него получится что-то путное.

— Джеси, — сказал я с укором, — закрывай, пожалуйста, рот, когда жуешь.

— Прости.

— Я ведь тебе уже много раз об этом говорил.

— Я так делаю только дома, — пытался он оправдаться.

Мне не хотелось снова поднимать эту тему, но я не сдержался.

— Если ты так делаешь дома, то когда-нибудь забудешь *не* делать этого в другом месте.

— Да ладно, — отмахнулся он.

— Так что ты об этом думаешь? — спросил я после непродолжительной паузы.

— О чем?

— О «Гиганте».

— Ах, об этом... Я его выключил.

Я слегка опешил.

— Знаешь, Джеси, ты сейчас, скажем прямо, не очень обременен всякими обязательствами и вполне мог бы досматривать такие картины, как «Гигант», до конца. Это единственное образование, которое ты получаешь.

После этой моей тирады воцарилось неловкое молчание. Я судорожно искал выход из того замкнутого пространства собственной непогрешимой правоты, в которое сам себя загнал.

— Ты знаешь, кто такой Деннис Хоппер? — наконец спросил я.

— Это парень, который играет в «Апокалипсисе сегодня».

— Я как-то брал у него интервью. Спросил, кто его любимый актер. Думал, он назовет Марлона Брандо. Все говорят, что Марлон Брандо лучший. А Хоппер так не сказал. Он сказал, что ему больше нравится Джеймс Дин. Знаешь, что он еще сказал? Он сказал, что лучшая актерская игра, какую он видел в жизни, это сцена, которую сыграл Джеймс Дин в эпизоде с куском веревки.

— Ты шутишь.

— Нет, я говорю серьезно. — Я выдержал паузу и продолжил: — Ты ведь знаешь, кто такой Джеймс Дин, да? Он сыграл в трех фильмах, а потом погиб в автомобильной катастрофе.

— Сколько ему тогда было лет?

— Немногим больше двадцати.

— Он что, пьяный был?

— Нет, вел машину на слишком большой скорости. «Гигант» стал его последним фильмом. Сам он так его и не увидел.

Джеси на секунду задумался.

— Пап, а ты как думаешь, кто самый лучший актер?

— Брандо, — ответил я. — Из-за той сцены «В порту». Это ведь целиком его импровизация, когда Брандо взял у девушки перчатку и натянул себе на руку. Лучшее этого придумать ничего нельзя. Нам надо будет посмотреть ее еще раз.

Я продолжал что-то говорить, точнее, повторил сыну то, что говорили студентам наставники в университете: когда вы смотрите по второму заходу, на самом деле вы видите в первый раз. Вам нужно знать, чем все кончится, чтобы по достоинству оценить всю прелесть того, как это развивается с самого начала.

Джеси не знал, как реагировать, еще не вполне придя в себя после моего выговора за «Гиганта», а потому сказал:

— Конечно.

Сначала я выбирал картины для просмотра произвольно, без всякой продуманной системы. Они, конечно, должны были быть хорошими, по возможности, классическими, но обязательно интересными, чтобы отвлечь сына от его мыслей увлекательным сюжетом. Специально показывать ему фильмы типа «Восемь с половиной» Феллини не было никакой особой нужды, по крайней мере, тогда. Они должны были прийти со временем — эти фильмы. (Или не должны.) Я оказался неподготовленным к тому, как Джеси воспринимает удовольствие, и к его представлению о том, что именно его доставляет. Но с чего-то надо было начинать. Если хочешь вызвать у кого-то интерес к литературе, не надо сразу давать этому человеку читать «Улисса»¹⁶ — хотя, если положить руку на сердце, надо сказать, что

¹⁶ «Улисс» («Ulysses») — наиболее известный роман Джеймса Джойса, который он писал на протяжении 7 лет (с 1914 по 1921 г.). Чрезвычайно сложное в стилистическом и смысловом отношении литературное произведение, оказавшее большое влияние на развитие мировой литературы наряду с произведениями таких новаторов модернизма, как Кафка, Пруст и др.

жизнь без «Улисса» представляется даже в чем-то забавной.

На следующий вечер я поставил сыну «Дурную славу» Альфреда Хичкока — на мой взгляд, лучшую из всех работ режиссера. Ингрид Бергман — само очарование, невероятно ранимая в этой роли — сыграла дочь немецкого шпиона, которого «одолжили» банде нацистов, обустроившейся в Южной Америке. Кэри Грант сыграл ее американского куратора, который влюбился в нее, несмотря на то что сам решил выдать ее замуж за главаря банды. Его горечь, ее робкие надежды на то, что он изменит свой план и сам женится на ней, придают сюжету невероятное романтическое напряжение. Но, в принципе, это классический приключенческий фильм. Выяснят ли нацисты, в чем заключается подлинная миссия героини Бергман? Успеет ли герой Кэри ее спасти? Последние пять минут зритель смотрит картину на одном дыхании.

Начал я с краткого представления Хичкока. Джеси, как всегда, сидел на кушетке с левой стороны с чашкой кофе в руке. Я сообщил ему, что Хичкок был английским режиссером, что он легко западал на некоторых блондинок, игравших в его фильмах, и порой от этого дурно пахло. (Мне хотелось привлечь внимание сына к рассказу.) Потом сказал, что Хичкок снял полдюжины шедевров, и добавил, возможно, не к месту, что любой, кто с этим не согласится, скорее всего, не любит кино. Я попросил сына обратить внимание на пару деталей в фильме, в частности, на лестницу в доме злодея в Рио-де-Жанейро. Какова ее длина? Сколько времени надо было, чтобы спуститься по ступеням? Я не сказал ему, почему задал этот вопрос.

Еще я попросил Джеси внимательно послушать изящные, порой наводящие на размышления диалоги, памятуя при этом, что фильм был снят в 1946 году. И сказал, чтобы он обратил внимание на знаменитую сцену, снятую камерой, которая из-под самого потолка бального зала медленно опускается к группе людей, приглашенных на бал, а потом движется дальше — к сжатой руке Ингрид Бергман. Что она в ней сжимает? (Ключ от винного погреба, где в винных бочках спрятаны свидетельства нацистских злодеяний.)

Я упомянул о мнении некоторых известных критиков, которые считают, что Кэри Грант вполне мог бы быть лучшим из *всех* киноактеров, поскольку умел «одновременно воплощать добро и зло».

— Ты знаешь, что значит *одновременно*? — я посмотрел на Джеси.

— Да, да.

Я показал ему статью Полин Кейл о Гранте, опубликованную в журнале «Нью-Йоркер». «Может быть, он и не так много может делать, — писала Кейл, — но он способен делать то, что еще никогда и никому не удавалось делать с таким блеском, и так, что его цивилизованная толерантность и остроумное признание собственной глупости нас просто чаруют».

Потом я заткнулся и включил кино, — в свое время мне очень хотелось, чтобы мои университетские учителя чаще поступали именно так.

Пока строительная бригада работала в церкви через улицу (переделывая ее в роскошное жилье), из динамика доносилось следующее:

Ингрид Бергман (*целуя Гранта*). Это очень странный роман.

Грант. Как это понимать?

Бергман. Может быть, потому что ты меня не любишь.

Грант. Я скажу тебе, когда не буду тебя любить.

Джеси бросал на меня взгляды, улыбался, кивал, до него доходил смысл этой сцены. Потом мы вышли на крыльцо — сыну хотелось выкурить сигарету. Некоторое время мы смотрели, как работают строители.

— Ну, так что ты думаешь? — спросил я Джеси как бы между прочим.

— Неплохо. — Он затаился. На противоположной стороне улицы стучал молоток.

— Ты обратил внимание на ту лестницу в доме?

— Да.

— А ты видел, какой она стала в *конце* фильма? Когда Кэри Грант и Бергман хотят убежать из дома, а мы не знаем, удастся им ускользнуть оттуда или нет?

Джеси проглотил наживку.

— Нет, не заметил.

— Лестница стала *длиннее*, — сказал я. — Для этой заключительной сцены Хичкок достроил второй пролет. Знаешь, зачем он это сделал?

— Зачем?

— Потому что так по ней дольше спускаться. Понимаешь, для чего ему это было надо?

— Чтобы сделать действие более напряженным?

— Теперь тебе ясно, почему Хичкок стал таким знаменитым?

— Потому что он мастерски умеет нагнетать напряжение?

Я понял, что теперь самое время остановиться, потому что сегодня кое-чему я Джеси уже научил. Надо, чтобы это осталось у него в голове. Поэтому я сказал:

— На сегодня все. Урок окончен.

Так и не поняв, светились его ясные глаза благодарностью или мне это только показалось, я повернулся, чтобы вернуться в дом.

— погоди, пап, вот еще что, — задержал меня сын. — Те кадры, такие известные, где в бальном зале камера приближается к руке Ингрид Бергман, сжимающей ключ...

— Их знает всякий, кто хоть когда-нибудь занимался кино, — вставил я.

— ...Съемки, конечно, неплохие, — продолжил мой сын, — но, честно говоря, они не произвели на меня особого впечатления.

— Неужели?

— А на тебя?

Немного подумав, я ответил:

— На меня тоже.

И зашел в дом.

ГЛАВА 4

У ДЖЕСИ БЫЛА ПОДРУЖКА Клэр Бринкман — эдакая веснушчатая, жизнерадостная прелестница, обожавшая родителей, любившая ходить в школу, возглавлявшая клуб любителей классической музыки, выступавшая в любительском театре, игравшая в хоккей на траве, летавшая по всему городу на роликовых коньках. Я, правда, немного опасался, что Джеси потеряет к Клэр интерес, потому что ей были не по душе всякие тусовки. Кроме того, ей трудно было конкурировать с приведением — призраком Ребекки Нг, витавшим в доме по ночам.

В тот июнь мы втроем поехали на Кубу — Мэгги, Джеси и я. Разведенная пара, решившая провести отпуск с любимым сыном. Моя жена — единственный человек, у которого была постоянная работа, осталась в моей квартирке, где жила Мэгги. Для посторонних — как и для немногих скептически настроенных друзей Тины — такой семейный вояж, должно быть, казался странноватым, но Тина все понимала правильно, отлично зная: то время, когда мы с Мэгги то и дело ныряли друг к другу в койку, давно ушло в прошлое. Но факт оставался фактом: моя нынешняя жена жила в доме моей бывшей жены, пока я с ней и сыном оттягивался на Карибах, — жизнь порой приносит странные сюрпризы.

Все решилось буквально в последний момент. Выкинув в то утро из головы призраков с привидениями, я несколько минут от отчаяния колотил мебель и изводил Тину нытьем о безработице (работа в документальной программе на телевидении благополучно завершилась), потом снял телефонную трубку — кто-то оставил мне сообщение на автоответчике. Сообщение мне наговорил толстый, краснолицый, пассивно-агрессивный южноафриканец по имени Дерек Х. Он снимал часовой документальный фильм — только представьте себе на минуточку! — о виагре и звонил, чтобы выяснить, не хотел бы я поддержать его в прессе. Мне за это обещали пятнадцать тысяч долларов, поездки в

Филадельфию и Нью-Йорк, а также путешествие на две-три недели в Гонконг, где, по выражению Дерека, старики в прямом смысле слова из кожи вон лезут, чтобы «затрахать себя до смерти».

Мы договорились о встрече, я познакомился с членами съемочной группы, выбрал себе в Бангкоке номер в гостинице с видом на реку и обсудил график работы. Поездка была назначена на начало июля. Потом я всем пожал руки.

В тот вечер я был в таком возбуждении, что в стельку напился и уже не стоял на ногах, когда меня посетила мысль о поездке на Кубу с Джеси и его матерью.

В день отъезда к нам в присущей ей манере, то есть на роликах, заскочила Клэр Бринкман, чтобы попрощаться. Она объявилась именно тогда, когда за нами должна была приехать машина. Меня беспокоили покрасневшие глаза девочки.

Мы сняли пару экстравагантных комнат в гостинице «Эль Парк» в старой Гаване. Бассейн там находился на крыше, в комодке лежали плотные махровые халаты, каждое утро в ресторане был накрыт шведский стол в римском стиле. Мэгги нервничала, когда думала о расходах, — она ведь была когда-то простой девочкой с фермы в прериях, и сердце ее начинало трепетать, даже если междугородная телефонная связь использовалась больше минуты, — но я был непреклонен. К тому же разве нам часто доводилось куда-то ездить вместе с сыном? А ведь совсем скоро ему вообще уже не захочется путешествовать с родителями.

Это случилось в третью ночь пребывания на Кубе. Днем я водил Джеси в Музей революции, где мы видели шхуну, на которой Кастро с шестнадцатью революционерами прокрался обратно на Кубу, там же экспонировалась фотография мертвого Че Гевары. Потом мы все втроем пообедали на балконе какого-то ресторанчика с видом на Прадо, изрядно при этом выпив. После этого неуверенной походкой прошли по улице Обиспо, чтобы присовокупить еще пару глотков «Мохито» на ночь под зазорные ритмы в битком набитом помещении, полном насекомых. Когда мы возвращались в гостиницу, у меня от жары и возлияний слипались глаза. Было где-то около трех утра. Мэгги ушла в свою комнату. Мы с Джеси еще некоторое время смотрели телевизор. Пора было спать.

— Пап, можно я еще немного посмотрю телевизор, приглушив звук? — попросил Джеси.

— Ты бы лучше вместо этого что-нибудь почитал, — ответил я.

Мы выключили свет. Я чувствовал, что парень мой никак не может заснуть, никак не успокоится. В конце концов, я включил свет.

— Джеси!

Уснуть он не мог — был слишком возбужден. Может быть, ему пройти немного, сигарету выкурить? А если вон там, через улицу, на той скамейке посидеть, что у самого парка? Ты же меня будешь видеть отсюда, пап! В конце концов, он меня уговорил.

Он быстро оделся и торопливо вышел из номера. Я некоторое время лежал, выключив свет. Потом встал, включил свет снова, подошел к окну и распахнул его. Кондиционер выключился, в комнате было тихо. Вдруг все стало слышно до странности отчетливо: стрекот цикад, приглушенные голоса, говорившие по-испански, шелест шин медленно ехавшей машины. За дверью по коридору гулко проехала тележка, позвякивая чашками.

Я стоял у окна, глядя на темный парк. В густой тени двигались какие-то фигуры. Между деревьями неспешно прогуливались проститутки, останавливались у статуи, чтобы выкурить сигарету. За статуей маячил купол Музея революции.

Я увидел Джеси, когда он появился внизу на тротуаре в своих мешковатых штанах и бейсболке, повернутой козырьком назад. Он закурил, как это бывает в кино, и выглядел соответственно (я успел разглядеть выражение его лица — таким же оно было, как когда он смотрелся в зеркало), потом зашагал через улицу к скамейке, стоявшей у самого парка. Когда из густой тени парка появился темнокожий мужчина в желтой рубашке, я едва удержался от того, чтобы крикнуть сыну о возможной опасности. Мужчина направился прямо к Джеси и протянул ему руку. Я ждал — хотел увидеть, пожмет мой сын руку незнакомца или нет. Они

обменялись рукопожатием. Это была ошибка. Неизвестно откуда появились еще два кубинца. Они улыбались, кивали, указывали пальцами куда-то вверх по улице, но стояли к Джеси слишком близко. Потом неожиданно (я глазам своим не мог поверить) Джеси вместе с кубинцами направился в глубь парка, причем они с трех сторон его окружали.

Я оделся и спустился на лифте в вестибюль гостиницы. Помещение было большое, с высокими потолками и выложенным мрамором полом, прохладно там было, как на катке, тихо играла музыка, у входа стояла пара охранников в серых костюмах с ручными рациями. Они приветливо мне улыбнулись и распахнули дверь. Как только я вышел из гостиницы, меня обдало волной жаркого воздуха.

Я перешел улицу и углубился в парк. Ко мне тут же решила пристроиться проститутка. Она материализовалась как джин из бутылки, поднявшись со скамейки и направившись в мою сторону. Я вежливо отказался от ее услуг и пошел дальше через парк, глядя по сторонам в надежде увидеть Джеси. Он, наверное, свернул со своими новыми приятелями на одну из боковых улочек. Но на какую?

Я двигался параллельно восточной стороне парка, проходя мимо такси и местных трехколесных фургончиков «коко», когда сквозь деревья заметил ведущую к городскому театру улицу. В конце она была ярко освещена. Я вышел на эту улицу и дошел до бара на открытом воздухе. Там никого не было, кроме Джеси, который потягивал пиво, и трех жуликов, сидевших вместе с ним за столиком. На лице сына было озабоченное выражение, как будто он стал, наконец, догадываться, что здесь что-то не так. Я подошел ближе.

— Мне надо с тобой сейчас же поговорить.

Жуликоватый тип в желтой рубашке посмотрел на меня.

— Ты — его папаша?

— Да, — ответил я и, обратившись к Джеси, повторил: — Я должен с тобой поговорить.

— Да, конечно, — кивнул он, встал и отошел от стола на нетвердых ногах.

За ним последовал тот же тип в желтой рубашке и встал рядом, пытаясь понять, о чем мы говорим.

— Эти парни тебе не друзья.

— Я только зашел пива выпить.

— Дело кончится тем, — сказал я тверже, — что тебе придется платить гораздо больше, чем за пиво. Ты этим парням что-нибудь покупал?

— Пока нет.

Из-за стойки вышел хозяин — коренастый, очень спокойный мужчина. Его, казалось, ничем нельзя было удивить. Он подошел к Джеси и взял его за рукав рубашки.

— Что вы делаете? — спросил я, начиная нервничать.

Мужчина ничего не ответил. Он пошел обратно в бар и потянул за собой Джеси, продолжая держать его за рубашку. Сердце мое тревожно забило, предвещая недоброе. Такие, значит, дела. Такие вот пироги, черт бы их драл.

— Сколько мы вам должны? — обратился я к бармену по-испански.

Он с Джеси уже был в баре.

— Десять долларов, — ответил мужчина.

— Дороговато будет за пиво, — заметил я.

— Такова цена.

— Вот, возьмите, — я положил на стол пять американских долларов и повернулся к Джеси. — Пойдем.

Но хозяин бара не отставал.

— Он еще заказал ром. Я ему уже сделал.

— Вы хотите сказать, вы уже *налили*? — не понял я.

— Это одно и то же.

— Ты прикасался к напитку? — спросил я Джеси.

Мой сын испуганно покачал головой.

— Иди за мной, — сказал я ему, и мы вышли на улицу.

Жулики увязались за нами. Один из них встал прямо передо мной.

— Парень заказал выпивку, — процедил он сквозь зубы. — Теперь ему надо платить.

Я попытался пройти мимо кубинца, но тот мне не позволил.

— Сейчас я позову полицию, — пригрозил я.

— Давай, вперед, — оскалился жулик, но отошел в сторону.

Мы снова пошли своим путем, жулик крутился рядом, дергал меня за рукав, его приятели следовали чуть сзади. Я сказал Джеси:

— Не останавливайся, что бы ни случилось.

Мы прошли через парк, мы уже почти бежали, Джеси не отходил от меня ни на шаг, и когда впереди замаячила дверь гостиницы, я крикнул ему:

— Бежим!

Мы проскочили через улицу к фасаду здания и прошмыгнули в боковую дверь гостиницы. Но жулики ввалились в вестибюль сразу же за нами. Не останавливаясь, я бросил типу в желтой рубашке:

— Валил бы ты отсюда, да поскорее.

Но он, казалось, ничего не боялся. Открылась дверь лифта, кубинец попытался проскользнуть внутрь кабины вслед за мной и Джеси, остальные жулики слонялись по вестибюлю.

Откуда ни возьмись, появились охранники. Некоторое время они говорили по-испански, потом дверцы лифта захлопнулись. Мы поднялись на три этажа. Джеси молчал, точно воды в рот набрал, только бросал на меня встревоженные взгляды. Посмотрев на себя в зеркало, он снова скорчил рожу. Джеси казалось, что я вроде как опустил его, что, собственно, я и сделал, но ему было невдомек, что на самом деле эта история вызвала у меня прилив энергии. Как ни банально это может прозвучать, я чувствовал себя так, будто вскочил на коня и поскакал спасать сына. Я сослужил ему хорошую службу, защитил его, исполнил свой долг. В сущности, в глубине души я даже был рад, что дело обернулось именно таким образом. После определенного возраста дети уже особенно не нуждаются в помощи родителей, которым и хотелось бы из кожи вылезти, чтобы помочь им, да только детям это уже без надобности.

Мы были слишком взбудоражены, чтобы ложиться или смотреть телевизор. Честно говоря, мне до чертиков хотелось промочить горло.

— Слушай, а может, нам куда-нибудь прошвырнуться, пива выпить, если найдем? — предложил я.

Мы переждали минут десять — пятнадцать, потом спустились вниз и выглянули на улицу — подонка в желтой рубашке не было видно. Мы быстро дошли до края парка, прошли мимо торгового центра до улицы Обиспо и по узенькому переулку направились в сторону океана. Старый город был окутан тихим жарким маревом.

— Здесь любил поддавать Эрнест Хемингуэй, — сказал я, когда мы проходили мимо «Эль Флоридиты». — Теперь это западня для туристов — 10 долларов за кружку пива, но тогда, в пятидесятые, этот бар считался лучшим в городе.

Мы прошли мимо пары забранных решетками кафе, где всего несколько часов яблоку негде было упасть и окутанных сигарным дымом завсегдаев будоражили задорные гитарные переборы. Потом миновали старомодную аптеку, всю заднюю стену которой чуть не до потолка скрывали ряды полок темного дерева, уставленные массой глиняных баночек с притирками и примочками.

Скоро мы стояли в самом начале улицы у старой гостиницы «Амбос Мундос», где останавливался Хемингуэй.

— Здесь, на пятом этаже, он написал несколько самых плохих своих работ, — сообщил я.

— Его стоит читать? — изобразил интерес Джеси.

— О чем, *черт возьми*, ты там думал, Джеси? — выпалил я. — Куда тебя понесло с

этими отморозками?

Он не ответил. Было ясно, что мысль моего сына суетливо снует в мозгу по всем его закоулочкам, чтобы отыскать хоть мало-мальски убедительный ответ.

— Ну, скажи мне, пожалуйста, — мягко попросил я сына.

— Я думал, это будет что-то вроде приключения. Сигарету выкурить, пива попить в незнакомом городе. Понимаешь?

— А тебе не показалось, что там что-то не то? Ты не задал себе вопрос, почему эти парни были с тобой так любезны в три утра?

— Мне не хотелось их обидеть, — ответил он. (Какой же он еще маленький, пронеслось у меня в голове. Такой высокий мальчик, так хорошо говорит. Как же легко это может ввести в заблуждение.)

— Эти парни всегда делают так, что другие начинают себя считать в чем-то виноватыми. Они все дни напролет только этим и занимаются. Работа у них такая.

Мы прошли дальше по улице. Над головами желтым светом светили фонари, балконы смотрели вниз, на них неподвижно висело сушившееся белье, точно ждавшие кого-то люди.

— Если собрался читать Хемингуэя, — сказал я после паузы, — почитай «И всходит солнце». Еще кое-что из его рассказов. Все остальное у него кажется слегка наигранным.

Я огляделся. В воздухе стоял запах старого, разрушающегося кирпича, с другой стороны авениды Дель Пуэрто было слышно, как волны океана бьются в стену набережной. Открытого бара нигде не было видно.

— Говорят, в Гаване можно получить все что угодно в любое время суток, — проговорил я. — Значит, врут.

В гостинице «Амбос Мундос» портье беседовал с симпатичной девушкой.

По узкой мощенной булыжником улице мы прошли к востоку до ветхих жилых домов пастельных тонов, увитых толстой виноградной лозой. Ярко светила полная луна. Звезд не было — только эта единственная яркая монета среди черного неба. Идеальная ночь. Мы вышли на площадь, с одной стороны которой стоял приземистый грязновато-коричневый собор, а с другой располагалось небольшое освещенное кафе, причем три или четыре столика были вынесены ближе к центру площади. Мы сели за один из них. Из ярко освещенного чрева кафе возник официант в белом пиджаке и подошел к нам.

— *Señores?*¹⁷

— *Dos cervezas, por favor*¹⁸.

И вот в четыре часа утра нам принесли две холодные как лед бутылочки пива.

— Мне жаль, что там, у гостиницы, так все получилось, — подал голос Джеси.

— Во всем мироздании есть два принципа, которые нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, — проговорил я непринужденно (ликуя в душе от того, что мы оказались в нужном месте в нужное время). — Первый из них состоит в том, что ты никогда *не получишь ничего путного* от подлеца и подонка. Второй гласит: когда незнакомец подходит к тебе с протянутой рукой, он вовсе не собирается становиться твоим другом. Ты меня слышишь?

Нам так хотелось пить, что пиво, казалось, испарилось из бутылок в мгновение ока.

— Давай, может быть, еще по одной? — Я поднял два пальца, чтобы было видно официанту, и пошевелил ими в жарком, спертом воздухе. Официант подошел.

— Как вам удастся держать пиво таким холодным? — полубопытствовал я. — Уж и не помню, когда я так душевно проводил время.

— *Qué?*¹⁹

¹⁷ Господа (*исп.*).

¹⁸ Два пива, пожалуйста (*исп.*).

¹⁹ Что? (*исп.*)

— Все в порядке, *no importa*²⁰.

На высившемся невдалеке дереве защebetала птичка.

— Первая утренняя пташка сегодня, — сказал я, взглянув на Джеси. — У тебя все в порядке с Клэр Бринкман? — Сын напрягся, слегка нахмутив брови. — Ладно, не мое дело, — я расслабленно махнул рукой. — Это я так, чтобы поддержать разговор.

— А что?

— Она выглядела слегка расстроенной, когда мы уезжали, вот и все.

Он с ожесточением свинтил с бутылки пробку. На секунду я представил себе, увидев этот жест, какой Джеси, когда выпивает со своими приятелями.

— Пап, можно с тобой поговорить откровенно?

— В рамках разумного. Без пошлости.

— Клэр, знаешь, она вроде как со странностями. — На лице Джеси появилось выражение, словно ему представилось что-то такое же неприятное, как крыса в новом доме.

— Ты бы с ней был как-то мягче. У нее сейчас не самое легкое время.

С ее отцом, скульптором, я учился в университете. Несколько лет назад он повесился на веревке для сушки белья. Он много пил, болтал, что бог на душу положит, в общем, человек был не самый приятный. Решив на себя руки наложить, он даже не подумал о том, как это отразится на его детях.

— Я знаю эту историю, — кивнул Джеси.

— Тогда держи себя с Клэр соответствующим образом.

Еще одна птичка зачирикала — на этот раз за собором.

— Просто она мне не очень нравится. Я бы и хотел, чтоб было по-другому, но не получается.

— Ты что, Джеси, считаешь себя в чем-то виноватым? Ты так выглядишь, будто спер бабушкино ожерелье.

— Нет.

— Несправедливо злиться на Клэр потому, что она тебе больше не нравится. Хоть я и понимаю, какое это искушение.

— А у тебя было когда-нибудь такое чувство?

— Это разочарование.

Мне казалось, на этом дело и кончится, но складывалось такое впечатление, будто в тот момент Джеси был подключен к теме тоненьким проводком, за который надо было дернуть, чтобы вышло все остальное — чем бы оно ни было. Для этой цели, наверное, вполне подходило молчание.

Небо к этому времени уже окрасилось в густой синий цвет, а по линии горизонта пролегла яркая красная полоса. Удивительная красота царит во всем мире, подумал я. И тут же возник вопрос: так случилось по воле Господа или по совершенно случайному стечению обстоятельств за миллионы и миллионы лет эволюции? А может быть, просто потому, что мысли об этом приходят в голову в четыре часа утра, когда чувствуешь, что ты счастлив?

Я снова подозвал официанта.

— У вас есть сигары?

— *Si, señor*²¹.

Голос официанта эхом разнесся по пустой площади. Он взял две сигары из стоявшей на стойке бара банки и принес их нам. Десять долларов за штуку. Но где еще можно было достать сигару в такую рань?

— Я созванивался с другой девочкой, — сообщил Джеси.

— Да ну? — Откусив кончик сигары, я передал ее сыну. — С кем же это?

²⁰ Не имеет значения (*исп.*).

²¹ Да, господин (*исп.*).

Он назвал имя, которого я не знал. Мне показалось, что Джеси выглядит так, будто хочет что-то от меня утаить или в чем-то обмануть.

— Я звонил ей всего пару раз, — продолжил он.

— Ну-ну.

Джеси затаился сигарой и отвел взгляд в сторону.

— Я еще слишком молодой, чтобы заикливаться только на одном человеке, ты так не считаешь?

— На самом деле, речь ведь не о том, правда?

В следующий момент до нас донеслись звуки гитары. Какой-то парень сидел на ступенях собора, неспешно перебирая струны. В синеватом свете утра он показался мне сошедшим с картины Пикассо.

— Ты так считаешь? — ответил Джеси вопросом на вопрос. — Ты когда-нибудь видел что-то настолько... — он подыскивал подходящее слово, — ...настолько совершенное?..

Некоторое время мы продолжали молча курить, аккорды гитары зависали в теплом летнем воздухе.

— Пап, — внезапно сказал Джеси.

— Да.

— Я звонил Ребекке.

— Ясно. — Я выпустил клуб дыма. Птичка прочирикала свою трель. — Значит, не другой девочке, о которой ты мне сказал.

— Мне просто не хотелось, чтоб ты считал меня неудачником. Чтоб ты не думал, что я только по Ребекке Нг сохну.

Цвет небес, прежде синих, постепенно становился голубым, луна поблекла, гитара продолжала бренчать.

— Пап, а я *сохну* по Ребекке? — спросил Джеси.

— Нет ничего зазорного в том, Джеси, чтобы сохнуть по женщине.

— А у тебя такое было?

— Пожалуйста, сынок, — я улыбнулся, — не тяни меня за язык.

— Маме я ничего не говорил. Она начнет плакать и говорить о чувствах Клэр. Тебя это удивляет?

— Ты имеешь в виду Ребекку? Нет. Я всегда думал, что в этой пьесе будет второй акт.

— Ты так считаешь? Думаешь, это правильно?

От такой мысли он пришел в восторг, а я вдруг почувствовал, что меня охватил ужас, как будто я смотрел, как он ведет разгоняющуюся машину прямо на глухую цементную стену.

— Хочешь, я скажу тебе одну вещь?

— Конечно.

— Любовные отношения, которые с крови начинаются, обычно кровью и кончаются.

Подошел официант, взял стулья, стоявшие у соседнего столика, и отнес их в кафе.

— Господи, папа, что ты такое говоришь!

ГЛАВА 5

ВЕРНУВШИСЬ С КУБЫ, я был очень удивлен тем обстоятельством, что на автоответчике не было ни одного сообщения от Дерека Х. Первые съемки документального фильма о виагре предполагалось начать уже через месяц, а у нас еще не было окончательного варианта сценария. Я переждал день-другой и отправил Дереку жизнерадостное послание по электронной почте. (Не без доли омерзения составив его в бесцеремонно-фамильярной приятельской форме.)

Ответ последовал незамедлительно. Дереку Х. предложили снять двухчасовой фильм о Нельсоне Манделе, обеспечив при этом не только неограниченную возможность общаться с самим героем фильма и его женой, но даже с некоторыми из заключенных, с которыми он

сидел в тюрьме. Далеко не последнюю роль в съемках фильма играл фактор времени — Манделе уже стукнуло восемьдесят четыре, и мне все стало ясно как день. В конце разговора Дерек сказал, что очень сожалеет, но у него «совсем нет больше времени».

Так меня давно не прокатывали. Особенно мерзко я себя чувствовал после нашего «триумфального» путешествия на Кубу. Возникло такое чувство, что меня поимели. Ключнув на предложение заведомой халтуры, я чувствовал себя идиотом. Мне вспомнились собственные слова, обращенные к Джеси на кафедральной площади, и тот напыщенно-миссионерский пыл, с которым я тогда ему сказал: «Ты никогда *не получишь ничего путного* от подлеца и подонка».

Я ходил из угла в угол по гостиной, до хруста в суставах сжимал кулаки и клял себя на все лады. Джеси молча слушал мои ругательства, поглядывал на меня время от времени исподлобья, видимо, считая себя отчасти виноватым. Вечером я заснул, напившись в стельку. Проснулся примерно в четыре часа утра, пошел в туалет по малой нужде, а когда спускал воду, с руки соскользнули часы и скрылись в жерле унитаза. Я сел на туалетную крышку и, кажется, даже всплакнул с досады. Ведь я сам позволил Джеси бросить школу, пообещал за ним присматривать, а теперь оказалось, что даже за собой присмотреть как следует не могу. Я такое же никчемное трепло, как отец Клэр Бринкман.

К утру у меня возникло такое чувство, будто по всей груди ядом растекается липкая жуть, сердце билось, как птица в силках. Ощущение было такое, будто на шее затягивается удавка. Выносить это дальше становилось невозможно. Надо было что-то делать, куда-то двигаться. Я взял велосипед и поехал в центр. Стоял похоронный летний день — мутило от удушливой влажности спертого воздуха, с души воротило от проходивших мимо людей. В каком-то узком переулке мне навстречу, тоже на велосипеде, ехал курьер. Глаза его прикрывали солнечные очки, через плечо была перекинута большая сумка, на руках были перчатки с обрезанными пальцами. Но меня в нем заинтересовало не это, а то, что он был примерно моего возраста.

— Простите меня, — обратился я к мужчине. — Вы ведь работаете курьером?

— Да.

Я спросил, есть ли у него минута, чтобы ответить мне на пару вопросов. Сколько он зарабатывает? Около 120 долларов в день. *В день?* Да, если подсуетиться. Я спросил, на кого он работает, как называется его компания. Курьер казался беспечным парнем, его прекрасные зубы белели как снег.

— Как вы думаете, я бы мог получить работу в вашей фирме? — наконец спросил я.

Курьер сдвинул солнечные очки на лоб и глянул мне прямо в лицо ясными голубыми глазами.

— А вы разве не на телевидении работаете?

— Сейчас нет.

— Раньше я смотрел все ваши передачи, — сказал он. — Прекрасно помню ваше интервью с Майклом Муром. Этот парень мне показался просто придурком.

— Так что же вы все-таки думаете? — гнул я свое.

Мужчина отвел взгляд куда-то вбок и проговорил:

— Мы все ограничены возрастом. Вам, должно быть, где-то около пятидесяти?

— Вам ведь тоже примерно столько же.

— Да, но я уже давно так кручусь.

— Не могли бы вы сделать мне одолжение? — не унимался я. — Может быть, вам не составит труда замолвить боссу за меня словечко? Скажите ему, что я не собираюсь валять дурака и проработаю не меньше шести месяцев. Я еще в приличной форме.

Он на секунду задумался.

— Боюсь, что разговор получится пустым.

Я записал на клочке бумаги свой телефон, имя и сунул листок курьеру.

— Буду вам очень признателен.

Прошел день, потом еще несколько, но ни ответа, ни привета я так и не получил. Мне

никто не позвонил.

— Ты можешь в это поверить? — воззвал я к Тине. — Меня не берут даже долбаным курьером на велосипеде!

На следующее утро, не закончив проходившего в молчании завтрака, я встал со стула, прошел к себе и одетым лег в постель. Накрыл голову подушкой и попытался снова заснуть. Скоро я ощутил рядом чье-то присутствие — как будто маленькая птичка села на краешек кровати.

— Я могла бы тебе помочь, — проговорила Тина, — но ты должен позволить мне это сделать. Не надо тебе со мной спорить.

Спустя час она дала мне список, в котором значились двадцать имен. Они принадлежали издателям газет, руководителям кабельных телевизионных компаний, специалистам по связям с общественностью, людям, сочиняющим речи для заказчиков, и даже каким-то местным политическим деятелям, о которых я слышал лишь краем уха.

— Позвони этим людям, — сказала Тина, — скажи, что ищешь работу.

— Я уже это делал.

— Нет, не делал. Ты говорил только со своими приятелями.

Я бросил взгляд на первое имя в списке.

— Только не этому козлу. *Ему* я звонить не буду!

Жена покачала головой.

— Ты же сказал, что не будешь со мной спорить.

Я перестал с ней пререкаться. Дал себе на день передышку, потом сел за кухонный стол и стал им всем названивать. К немалому моему удивлению, Тина оказалась права. Большинство моих собеседников оказались людьми вполне порядочными. На тот момент у них ничего не было, но говорили со мной все по-дружески, все пытались меня как-то поддержать.

Испытав прилив бодрящего оптимизма (говорить с людьми по телефону лучше, чем бездействовать), я сказал Джеси:

— Это моя проблема, а не твоя.

Но он не был ни идиотом, ни подлецом, и я чувствовал, что эта «ситуация» задевает его за живое, парня чуть дрожь не била, когда он просил у меня десять долларов на то, десять долларов на это. А что ему еще оставалось делать? У него ведь гроша за душой не было. Мать помогала ему, чем могла, но она ведь актриса, причем обычная театральная актриса. А Тина, конечно, ни за что не станет трогать свои сбережения (она начала копить деньги, когда ей было шестнадцать лет), чтобы помочь моему сыну, чье пустозвонство и безответственность я так самонадеянно поощрял. Посреди ночи (когда напряженные размышления обычно не доводят до добра) я думал о том, как плохо может все повернуться, если нынешнее мерзкое положение с деньгами не изменится, и о том, что с нами станется, если удача снова обойдет меня стороной.

Киноклуб продолжал работать. Чтобы побудить Джеси смотреть больше картин, но так, чтобы это не имело ничего общего со школярством, я стал играть с ним в игру, которая сводилась к выявлению каких-то выдающихся эпизодов. Они могли представлять собой сцену, часть диалога или образ, которые заставляли зрителя сжимать подлокотники кресла и подаваться вперед с сильно бьющимся сердцем. Начали мы с довольно простого в этом плане фильма — «Сияния» Стэнли Кубрика, в котором рассказывается о писателе-неудачнике (Джек Николсон), который в пустой гостинице постепенно сходит с ума и пытается убить собственную семью.

Вполне возможно, что «Сияние» — лучшая режиссерская работа Стэнли Кубрика (хороши также комедия «Доктор Стрейнджлав» и культовая фантастика «Космическая одиссея 2001 года»). Но Стивен Кинг, автор экранизированного романа, фильм ругал, а самого Кубрика, мягко выражаясь, недолюбливал. И не он один — так к Кубрику относились многие. Кубрик широко известен своей мелочной придирчивостью, он заставляет актеров снова и снова делать одно и то же, хоть результаты порой бывают весьма сомнительными.

Сцену, когда Джек Николсон в «Сиянии» с топором поджидает в засаде Скэтмэна Крозерса, Кубрик переснимал сорок раз. Когда, в конце концов, семидесятилетний Скэтмэн Крозерс уже валялся с ног от усталости, Николсон сказал Кубрику, что дублей сделано достаточно и он не будет больше сниматься в этом эпизоде.

Позже в ходе съемок Джек преследовал жену с ножом (Шелли Дюваль), взбегая за ней по лестнице пятьдесят восемь раз, чтобы сцена понравилась Кубрику. (Имела ли эта работа смысл? Может быть, хватило бы и двух-трех дублей? Скорее всего, да.)

Но более важным было мнение Стивена Кинга о том, что до Кубрика «просто не доходило», как надо создавать ощущение ужаса, что он просто не понимал, с какой стороны к этому подступиться. В начале съемок «Сияния» Кинг отправился посмотреть, как идет работа, и уехал со съемочной площадки с чувством отвращения — он сказал, что фильм получается, как «кадиллак» без мотора: «Вы садитесь в него, чувствуете залах кожаных сидений, но ехать на нем никуда не можете». Потом писатель не раз повторял, что, по его мнению, Кубрик снимает кино, чтобы «делать людям больно».

Отчасти я с этим согласен. Но «Сияние» мне нравится, нравится, как этот фильм снят, нравится освещение, нравится звук трехколесного велосипеда — гулкий, когда мальчик едет на нем по деревянному полу, и тихий, когда пластмассовые колесики катятся по застилающему пол коврику, скрадывающему звук. Меня всегда охватывает жуть, когда в кадре возникают девочки-близнецы. Но в качестве лучшей сцены я выбрал тот эпизод, когда в помутившемся рассудке Джека Николсона возникает видение его разговора с официантом гостиницы — чопорным, похожим на британского дворецкого. Она снята в ярко освещенной уборной — в ядовито-красном и белом цветах. Их разговор завязывается как бы невзначай, но потом официант предупреждает Джека, что его маленький сынишка «причиняет неприятности» и, возможно, вопрос с ним «следует уладить». Официант (Филипп Стоун) приковывает в этом эпизоде все внимание к себе совершенной неподвижностью и спокойствием тона речи. Посмотрите, как он смыкает сухие губы в конце каждого предложения — будто изящно, даже слегка небрежно ставит знак препинания.

У него тоже были проблемы с дочерьми, признается официант. Одной из них гостиница не нравилась, и она попыталась ее сжечь. Но официант «исправил ее» (топором). «А когда жена решила удержать меня от исполнения моего долга, я исправил и ее». Игра Стоуна безупречна. В отличие от Николсона, который почти не состарился с тех пор, когда я впервые смотрел картину в 1980 году. Кажется, он в ней переигрывает почти как любитель, причем на удивление слабый, особенно по сравнению с блестящей игрой в совершенстве контролирующего себя английского актера.

Джеси, правда, эта сцена лучшей не показалась. Он выбрал тот эпизод, когда мальчик рано утром прокрадывается в комнату к отцу, чтобы забрать оттуда свою игрушку, и видит сидящего на постели папу, вперившего в пространство взгляд тысячелетнего старца. Отец подзывает сына, который неловко пристраивается к нему на колени. Глядя на небритое лицо отца, его затуманенный взор — в синем халате Николсон выглядит бледным как труп, — мальчик спрашивает его, почему тот не ложится спать. Отец отвечает ему так, что дрожь пробирает: «Мне еще очень многое надо сделать», — ясно давая понять зрителю, что ему еще предстоит изрубить свою семью в капусту, как это сделал официант.

— Вот это да! — проговорил Джеси. — Можем мы еще раз это прокрутить?

Мы посмотрели «Энни Холл» Аллена, в частности, из-за сцены, где Дайан Китон в темном баре поет «Как в былые времена»²². Китон снята немного сбоку и выглядит так, будто смотрит на кого-то рядом с камерой. От этого эпизода у меня мурашки по коже бегут — возникает впечатление, что героиня взглядом выделяет самые драматические моменты песни. А еще в этих глазах отражается осознание Дайан характера персонажа — характера Энни Холл, начинающей певицы, которая не без доли опасений, но уверенно вступает на

²² Оригинальное название песни «Seems Like Old Times».

профессиональный путь.

После просмотра некоторых фильмов иногда портится настроение — раньше вы их обожали, они рвали вам сердце на части, вас за живое задевало то, что вы видели, а когда вы смотрите их теперь уже с других позиций, обнаруживаете, что вся их чарующая магия улетучилась. Я показал сыну «Вокруг света за 80 дней» 1956 года. Восхитительный полет воздушного шара над Парижем в лучах закатного солнца, который потряс меня, когда я был в возрасте сына, теперь показался мне совершенно несовременным и нелепым.

Но некоторые картины продолжают вызывать у вас те же чувства, что и раньше, спустя долгие годы. Я показал Джеси «Злые улицы», фильм, сделанный Мартином Скорсезе в самом начале его карьеры. В нем повествуется об отношениях крутых парней в нью-йоркском районе Маленькая Италия. В начале картины есть эпизод, который я не смогу забыть никогда. Под напряженные аккорды звучащей за кадром песни «Скажи мне»²³ группы «Роллинг Стоунз» камера следует за Харви Кейтелем, идущим по залитому красным светом бару. Эти кадры вызывают ощущения, знакомые любому, кто привык заходить в любимый бар вечером по пятницам. Вы знаете там почти всех посетителей, они приветственно машут вам руками, называют вас по имени, впереди у вас целый вечер. Кейтель идет своим путем через толпу завсегдатаев, пожимает протянутые руки, кое с кем обменивается шутками. Он идет, слегка пританцовывая, плавно двигая при этом только бедрами. Он — портрет молодого человека, влюбленного в жизнь, счастливого от того, что еще жив в этот вечер пятницы, что он сейчас с этими людьми в этом месте. А еще на этих кадрах лежит явственный отпечаток радости молодого создателя фильма, тот эмоциональный порыв, с которым, делая свое дело, он *творил* картину.

В числе других замечательных эпизодов мы выбрали тот момент в фильме «Французский связной», когда Джин Хэкман входит в бар, проходит к стойке, кричит: «Здесь По-пай!» — и тут же на пол летят флакончики, коробочки, баночки и пакетики с наркотой. В «Иштар» — эпизод с замедленной реакцией Чарльза Гродина, когда Дастин Хоффман спрашивает его, находится ли Ливия «поблизости». Или монолог Марлона Брандо в «Последнем танго в Париже» о псе по кличке Датчи, который любил «прыгать и озираться в поисках кроликов» на горчичном поле. Мы смотрели «Последнее танго» поздно вечером, на столе горела свеча, и в конце этой сцены я заметил на себе взгляд темных глаз Джеси.

— Вот так, — сказал я.

В картине «Завтрак у Тиффани» Одри Хэпберн снята на лестнице черного хода, куда выходят двери квартиры в доме из красного кирпича в Манхэттене. Волосы Одри обернуты купальным полотенцем, ее пальцы мягко перебирают струны гитары. Сначала камера снимает все — лестницу, кирпичи, изящную женщину, потом в кадре возникает Одри, снятая средним планом, потом — бац! — и только Одри, потом — бац! — и крупным планом экран заполняет лишь ее лицо: фарфоровые щеки, остренький подбородок, карие глаза. Она перестает перебирать струны, вскидывает глаза, с удивлением смотрит на кого-то рядом с камерой.

— Привет, — мягко говорит она.

Это один из тех моментов, ради которых люди ходят в кино. Если увидеть эту сцену хоть раз — не важно, в каком возрасте, — забыть ее уже нельзя никогда. Вот пример того, что может делать кинематограф, как он может пробить любую защиту и разбить вам сердце.

Пока по экрану ползли титры, а за кадром звучали финальные аккорды, я сидел потрясенный и ошеломленный, но Джеси, как мне казалось, был немного скован, как будто не решался пройти по чистому ковру в грязных ботинках.

— Ну, как? — я бросил взгляд на сына.

— Станный фильм, — ответил он, пытаясь подавить зевоту, что с ним иногда случалось, когда он чувствовал себя не в своей тарелке.

²³ Оригинальное название песни «Tell Me».

— Почему тебе так показалось?

— Из-за этих двух проституток. Но в фильме про это вроде как ничего нет. Он как будто о чем-то таком нежном и розовом. — После этих слов Джеси как-то странно хмыкнул. — Я, конечно, совсем не хочу неуважительно отзываться о чем-то, что тебе нравится...

— Да нет, что ты, — занял я оборонительную позицию. — Дело здесь вовсе не в том, что мне нравится или не нравится. Мне нравится *она*.

Я рассказал ему, что Трумэн Капоте, написавший роман «Завтрак у Тиффани», по которому был снят одноименный фильм, неодобрительно относился к выбору Одри Хэпберн на роль, которую та исполняет.

— Ему казалось, что Холли Голайтли²⁴ больше похожа на девчонку-сорванца, что она ближе к типу Джоди Фостер.

— Конечно, — кивнул Джеси. — Ведь Одри Хэпберн просто невозможно вообразить в роли шлюхи. А эта женщина в картине — она же шлюха. И парень этот — молодой писатель, тоже. Они же оба занимаются этим за деньги.

Холли Голайтли — шлюха?

Джеси однажды спросил, не считаю ли я, что он и Ребекка Друг другу не подходят. Хоть я и сказал тогда сыну, что это не проблема, его вопрос не на шутку волновал меня самого. Конкурентная борьба за такую потрясную красоточку — особенно если представить себе, в *каких условиях* она могла проходить (супермодные примочки с прибабахами), — скорее всего, сулила моему сыну поражение. Я прекрасно запомнил выражение его бледного лица, его полный отчаяния взгляд в те недели после «инцидента», когда он сказал мне:

— Мне кажется, Господь даст мне все, что я хочу в этой жизни, кроме Ребекки Нг.

Поэтому когда Джеси ее «получил», мне стало немного легче, — это значило, что, по крайней мере, в ближайшее время его не будут одолевать сомнения, что высшее его блаженство для него недостижимо. Вспоминая об этом, я представил себе досужую болтовню в школьной столовой, когда интерес Ребекки к Джеси подогревала Клэр Бринкман, говоря о хорошем парне, которого хочется обнять. Эти-то пересуды, должно быть, и оттолкнули со временем ее недалекого приятеля, когда его внимание привлекла соперница. А сама Клэр вроде как осталась у разбитого корыта.

Хотя на деле зазывно-ослепительные взгляды Ребекки Нг были страшным оружием, которое впоследствии не сулило ничего, кроме сильной головной боли. Она спала и видела, как бы только что-нибудь такое отколоть — интрижку какую-нибудь закрутить, отдавить кому-то любимую мозоль; она относилась к тому типу людей, для которых радость жизни заключается в том, чтобы стравливать людей друг с другом, чтобы всем становилось плохо, но чтобы все говорили только о *ней*. От этого ее впалые щеки старлетки начинали розоветь.

Ребекке нравилось звонить Джеси поздно вечером и беречь ему душу. При этом у нее всегда было на уме что-то свое. Может быть, им стоило ходить на свидания с другими людьми, чтобы выяснить, «подходят ли они друг другу»? При чем все эти выходки у нее были припасены на последний момент разговора. До этого она его все время как будто держала на привязи. Она бы, наверное, не перенесла, если б Джеси вдруг сказал ей:

— Извини, мне надо идти. Пока.

При этом она могла болтать часами напролет, доводя его до такого состояния, что у него глаза начинали слипаться. Я уже стал опасаться, что в конце концов она его достанет.

Но у Джеси оставалась какая-то частичка его самого, которую Ребекка никак не могла заполучить, нечто такое, что все другие парни были готовы ей отдать по первому ее требованию, а он — по непонятной мне до сих пор причине — держал при себе. Как единственную темную комнату в большом доме, вход в которую был для нее закрыт, и это

²⁴ Холли Голайтли — героиня фильма «Завтрак у Тиффани», сыгранная Одри Хэпберн.

изводило ее до невозможности. Было ясно, что в тот момент, когда она смогла бы туда войти со своим фонариком, в тот самый момент, когда она бы поняла, что может беспрепятственно входить туда и выходить, комната сразу потеряла бы для нее какую бы то ни было ценность, *он сам* стал бы ей неинтересен, и она пошла бы дальше своей дорогой. Но в тот момент дверь была заперта, и Ребекке приходилось стоять снаружи и ждать, пытаясь подобрать ключ, который отпер бы замок.

Теплыми днями, когда чирикали птички, гудели газонокосилки, плотники стучали молотками, ремонтируя церковь на другой стороне улицы, у нашего крыльца появлялась Ребекка Нг; ее иссиня-черные волосы блистали здоровьем и жизненной энергией. Две-три минуты она забавляла меня пустой, никчемной болтовней, свойственной политику, собирающему пожертвования на избирательную кампанию. Ребекка, что называется, треском слов воздух колебала. И при этом без зазрения совести смотрела мне прямо в глаза. В общем, Ребекка была из числа тех девчушек, которые рассчитывают в один прекрасный день заправлять сетью пятизвездочных гостиниц.

Отговорив положенное — будто выполнив свой долг, — она спускалась в подвальную комнату. Дверь внизу захлопывалась с мягким, но решительным щелчком замка. До меня некоторое время доносился шепоток Джеси и его подружки, потом, соображая, надо ли мне напомнить сыну, что следует почистить зубы и надеть на подушку наволочку (и решив, что лучше этого не делать), я убирался подальше — в ту часть дома, где ничего не было слышно.

Это же надо, думал я, «круглая отличница» Ребекка Нг совершенно сознательно крутит любовь с недоучкой, который бросил школу. Не об этом ли мечтали ее родители, когда на шлюпке бежали из Вьетнама?

В другие дни, когда она била все рекорды на курсах менеджеров или готовилась к дебатам на закрытом собрании молодых консерваторов, мы с Джеси смотрели кино, удобно расположившись на кушетке. По своим желтым карточкам я вижу, что пару недель мы потратили на «раздел» (нелепое слово из «школьного» лексикона) по программе «Талант себя проявит». В него входила небольшая группа фильмов — иногда далеко не лучших, — в которых неизвестные раньше актер или актриса играли настолько блистательно, что вопрос о том, когда он или она станет кинозвездой первой величины, грубо говоря, был лишь вопросом времени. В этой связи можно вспомнить Сэмюэла Л. Джексона в роли наркомана в «Лихорадке джунглей» Спайка Ли. Смотришь на Джексона полминуты и не можешь удержаться от возгласа: «А *это* что за парень?!» Или, скажем, малюсенькая роль Вайноны Райдер в «Битлджус».

То же самое, конечно, можно сказать и об игре Шона Пенна в роли наркомана-неудачника в школьной комедии на сексуальные темы «Быстрые перемены в школе Риджмонт-Хай». Посмотрите, как он смотрит на людей, когда они с ним говорят. Как будто его оглушает равномерный гул, звучащий в голове, как будто он закрыл уши подушкой. Роль у него второстепенная, но в середине фильма Пенн выглядит настолько убедительно, его талант раскрывается с такой самобытностью, он так блистателен, что все остальные актеры по сравнению с ним выглядят вроде как обычные статисты (такой же способностью вытеснить «на второй план» других актеров обладает и Гэри Купер).

— А у *меня* есть талант? — спросил Джеси.

— И очень большой, — ответил я.

— А какой он?

Что мне было ему ответить?

— Чтобы счастливо прожить жизнь, — сказал я сыну, — нужно уметь хорошо что-нибудь делать. Как тебе кажется, что бы у тебя могло хорошо получаться?

— Не знаю.

Я рассказал Джеси о французском писателе по имени Андре Жид, который написал как-то в своем дневнике, что в двадцать лет его страшно раздражало, когда он бродил по парижским улицам, а проходившие мимо люди, глядя ему в глаза, не могли себе представить, какие литературные шедевры он создаст в будущем.

Я видел, что Джеси напрягся, сидя на кушетке.

— Вот и я *точно так же* себя чувствую, — проговорил он.

Я, правда, ему тогда не сказал, что признание, которого Жид так жаждал, пришло к нему лишь в 1909 году — когда ему было уже под сорок.

Потом мы смотрели с Джеси, как играет Одри Хэпберн в «Римских каникулах». Она впервые снялась в главной роли именно в этом фильме. Ей тогда было всего двадцать четыре года, опыта не хватало, но комедийная легкость совместной работы с Грегори Пеком, казалось, раскрывала в ней необъяснимую актерскую зрелость. Как она смогла так стремительно овладеть тайнами актерского мастерства? Откуда у нее взялся такой странный выговор, такая эмоциональная глубина, чем она так странно схожа с Наташей Ростовоной, романтической героиней Толстого? Но еще Одри Хэпберн обладала талантом, который нельзя постичь в процессе обучения, — интуитивным ощущением камеры, перед которой она один за другим делала неподражаемо привлекательные жесты.

Я опять попросил Джеси обратить внимание на то, что происходит, когда камера снимает выражение лица Одри Хэпберн — возникает такое чувство, будто в кадре видно именно то, что там и должно быть, будто ее влечет туда сила тяготения. За «Римские каникулы» Хэпберн была присуждена премия Американской киноакадемии.

Дебют молодого режиссера я выбрал в рамках той самой программы, «Талант себя проявит». И по сей день этот уже почти забытый непродолжительный телефильм остается одним из самых впечатляющих примеров молодежного кино, что мне довелось видеть, который как бы обращается к зрителю с призывом его посмотреть.

Телевизионные фильмы обычно особым блеском не отличаются, но в «Дуэли», очевидно, происходит что-то непонятное. С водительского места зритель видит, как легковая машина неспешно проезжает мимо уютных пригородов за пределы какого-то американского городка. День выдался жаркий, небо ярко-голубое; городские коттеджи остаются позади; встречных машин становится все меньше, вскоре исчезают и они — легковая машина остается на дороге одна.

Потом откуда ни возьмись в зеркале заднего обзора возникает огромный, старый, ржавый грузовик на восемнадцати колесах. Лобовые окна в кабине грузовика затемнены. Водителя разглядеть невозможно. Время от времени лишь мелькают его ковбойские сапоги, высунутая из окна рука, но его лицо постоянно остается скрытым от взгляда.

На протяжении семидесяти четырех минут грузовик как доисторическое чудовище носится за легковой машиной по выжженной солнцем бескрайней пустыне. Как Моби Дик за Ахабом²⁵. Поджидает ее на обочине, прячется в водостоках, делает вид, что легковушка его больше не интересует, а потом внезапно возникает снова как воплощение непостижимого зла. Как чья-то рука, которая вдруг появляется из-под кровати и норовит схватить тебя за лодыжку. Но почему? (Возможно, будучи еще в юном возрасте, режиссер сам не знал, как ответить на этот вопрос.)

Грузовик и легковая машина: между ними нет никакого диалога. Они просто носятся по затерянной в пустыне дороге. Я спросил у Джеси, как из такого материала кто-то умудрился создать фильм?

— Так же, как выжимают из скалы вино, — ответил он.

Мне кажется, что ответ кроется в видении режиссером нападения. «Дуэль» вынуждает зрителя взглянуть на эту проблему. Фильм как бы говорит тем, кто его смотрит: здесь происходят события первостепенной важности; вы именно этого боялись *раньше*, и вот оно опять тут как тут.

Когда Стивен Спилберг поставил «Дуэль», ему было двадцать два года. Он сделал несколько телефильмов (его визитной карточкой стала одна из серий «Коломбо»), но никто и предположить не мог, что он в состоянии подать взрывной материал с таким мастерством.

²⁵ Моби Дик и Ахаб — персонажи знаменитого романа Германа Мелвилла «Моби Дик» (1851).

Звездой «Дуэли» на самом деле стал не грузовик, не сыгранный Деннисом Уивером шофер, которого обуревают постоянно нарастающий страх, а режиссер фильма. Точно так же, как при чтении первых страниц великого романа, здесь зритель ощущает присутствие огромного, *безоглядного* таланта. Чтобы это стало очевидным, семи пядей во лбу иметь не надо. Именно это, как мне кажется, имел в виду Спилберг несколько лет назад в одном интервью, когда говорил, что старается смотреть «Дуэль» заново каждые два-три года, чтобы «вспомнить, как я это сделал». Он, как я понимаю, имел в виду, что для этого надо быть молодым и безоглядно самоуверенным.

Понятно теперь, почему несколько лет спустя руководству кинокомпании «Юниверсал Пикчерз» было достаточно посмотреть «Дуэль», чтобы именно Спилбергу доверить съемки триллера «Челюсти». Если Спилберг мог так жутко изобразить тяжелый, неповоротливый грузовик, даже представить себе было трудно, что он способен сделать с акулой. (Хищница, как и водитель грузовика, в основном остается невидимой зрителю. Он видит только результаты ее деяний: пропавшую собаку, внезапно скрывающуюся под водой девочку, всплывающий на поверхность бакен — признаки присутствия опасности, но не сам ее облик. Будучи еще совсем молодым, Спилберг чувствовал, что если хочешь людей испугать, то надо, чтобы основную роль здесь сыграло их собственное воображение.)

Мы посмотрели «Создание „Дуэли“», записанное на диске вместе с самим фильмом. К моему удивлению, Джеси заинтересовал рассказ Спилберга о том, как он поэтапно создавал фильм. Какая же это была огромная работа! Сколько ему пришлось при этом передумать! Раскадровка, многочисленные камеры, даже просмотр полдюжины грузовиков, чтобы выбрать из них тот, который производил самое жуткое впечатление.

— Знаешь, пап, — сказал Джеси с некоторым удивлением, — до сих пор я всегда думал, что Спилберг слегка сдвинут по фазе.

— Он не по фазе сдвинулся, он сдвинулся на кино, — уточнил я. — А это совсем не одно и то же.

Я рассказал сыну о том, что мне говорила одна молодая актриса, обожавшая тусоваться на всех киношных вечеринках и неплохо знавшая Спилберга, Джорджа Лукаса, Брайана Де Пальму и Мартина Скорсезе в Калифорнии, когда они еще только выходили в люди. Так вот, позже она рассказывала, что была поражена отсутствием у них интереса к девочкам и наркотикам. Единственное, чего им хотелось, так это шляться где-нибудь друг с другом и часами разговаривать о кино.

— Так что, все они были слегка на этом сдвинуты.

Я показал Джеси «Трамвай „Желание“». Рассказал ему о том, как в 1948 году молодой и еще сравнительно малоизвестный актер Марлон Брандо добрался на перекладных из Нью-Йорка до дома Теннесси Уильямса в Провинстауне, штат Массачусетс, чтобы тот посмотрел его для одной бродвейской постановки. Знаменитый драматург пребывал в тот момент в состоянии глубокой депрессии, потому что у него в доме вырубился свет, и он не мог пользоваться туалетом — не было воды. Брандо «починил» электропроводку, заложив за предохранители монетки, потом встал на четвереньки и привел в порядок сантехнику. Покончив с ремонтными работами, он вытер руки, прошел в гостиную, чтобы прочитать роль Стэнли Ковальского. Рассказывают, что он успел проговорить где-то с полминуты, потом огорошенный Теннесси сделал ему рукой знак остановиться, сказал: «Достаточно», — и отослал его обратно в Нью-Йорк, утвердив на роль.

И как же он с ней справился? Некоторые актеры бросили заниматься своим ремеслом после того, как посмотрели игру Брандо в «Трамвае» в той бродвейской постановке 1949 года. (Как Вирджиния Вульф, которая решила было оставить ремесло писателя, когда впервые читала Пруста.) Но на киностудии не хотели давать Брандо роль в фильме — он был слишком молод. И говорил он так, что не всем его было дано понять. Но его преподавательница актерского мастерства Стелла Адлер еще в самом начале карьеры Брандо предсказала, что из этого «странного юнца» вырастет со временем величайший актер его поколения. Так оно и вышло.

Спустя годы студенты, посещавшие кружок актерского мастерства Брандо, вспоминали его необычную манеру чтения монологов Шекспира вверх ногами, при этом он декламировал их с большей убедительностью и проникновенностью, чем любой другой из его современников.

— «Трамвай», — пояснил я, — стал пьесой, благодаря которой джинн, как говорится, был выпущен из бутылки. Она в прямом смысле слова изменила манеру сценической игры американских актеров.

«Это ощущение носилось в воздухе, — по прошествии многих лет говорил Карл Молден, игравший Митча в оригинальной бродвейской постановке. — Зрители приходили смотреть Брандо, они хотели видеть только его, а когда он уходил со сцены, *возникало такое ощущение*, что они ждут, когда он вернется обратно».

Мне показалось, что еще совсем чуть-чуть, и я перехвалю фильм. Поэтому я решил закругляться с разговорами.

— Итак, — подытожил я — сегодня, Джеси, ты увидишь нечто действительно стоящее. Устраивайся удобнее.

Иногда звонил телефон — я жутко этого боялся. Если звонила Ребекка Нг, настроение у сына всегда портилось, как если бы какой-то хулиган бросил нам в окно камень. Как-то днем — стоял прекрасный, теплый августовский день — Джеси вдруг исчез, когда мы смотрели «В джазе только девушки». Его не было минут двадцать, а когда он вернулся, то был рассеян, и настроение у него явно испортилось. Я снова включил видеоплеер, но было ясно, что фильм уже потерял для Джеси интерес. Он так неподвижно устремил взор на экран телевизора, будто бросил якорь, чтобы ничего не отвлекало его от беспокойных мыслей о Ребекке.

Я выключил телевизор и сказал:

— Знаешь, Джеси, я эти картины отбирал продуманно и с любовью. Их надо смотреть целиком — от начала до конца, один эпизод за другим. Поэтому давай установим с тобой такое правило: впредь, когда будем смотреть кино, к телефону подходить запрещается. Потому что болтать в это время по телефону — то же самое, что плевать мне в душу.

— Годится, — согласился он.

— Даже смотреть не будем, с какого номера нам звонят, хорошо?

— Хорошо, хорошо.

Телефон зазвонил снова. (Даже находясь в школе, Ребекка каким-то образом умудрялась распознавать, что внимание Джеси переключилось с нее на что-то другое.)

— Ладно, сними трубку. Сделаем на этот раз исключение.

— Я сейчас с отцом, — тихо, почти шепотом, проговорил он. — Потом тебе перезвоню. — В трубке раздался звук, чем-то напоминающий жужжание назойливой мухи. — Я сейчас занят с отцом, — повторил он и положил трубку.

— Кто это был? — любопытно спросил я.

— Да так, не важно, — ответил Джеси, потом сердито выдохнул, как будто сдерживал перед этим дыхание, и сказал: — Ребекка всегда умудряется выбирать самые неподходящие моменты, чтобы болтать о всякой ерунде.

На долю секунды мне показалось, что на глаза его навернулись слезы.

— О какой ерунде?

— О наших отношениях.

Мы вернулись к просмотру картины, но я чувствовал, что кино сыну теперь до лампочки. Он смотрел сейчас другое кино, думая о тех гадостях, которые собиралась ему сделать Ребекка, потому что он отказался разговаривать с ней по телефону. Я выключил телевизор. Джеси вздрогнул и как-то испуганно на меня посмотрел.

— У меня когда-то была одна подружка, — сказал я ему. — Единственное, что мы обсуждали, были наши отношения. Мы это делали вместо того, чтобы их иметь. Это уже становится просто скучным. Позвони Ребекке и выясни ваши отношения.

ГЛАВА 6

ОДНАЖДЫ УТРОМ, ПОСЛЕ СТОЯВШЕЙ ПРИМЕРНО НЕДЕЛЮ ИЗНУРИТЕЛЬНОЙ ЖАРЫ, воздух вдруг стал другим. На капоты машин выпала роса, проплывавшие по небу облака выглядели как живые. Чувствовалось, что осень не за горами, по крайней мере, ощущалось ее дыхание. Я срезал угол, проходя мимо здания Манулайф²⁶ на улице Блур, когда заметил в кафе рядом с эскалатором сидящего в одиночестве Поля Буиссака. Этот приземистый француз с совиным лицом тридцать лет назад читал мне курс по сюрреализму в университете, а потом отпускал более чем двусмысленные замечания по поводу моей работы на телевидении. При этом он давал понять, что смотреть мои передачи было ниже его достоинства, но один его приятель, чудак с вечно потными ладонями, от них просто тащится. (На этот счет у меня были большие сомнения, но кого это волновало?)

Буиссак поднял полную белую руку и приветственно мне махнул, приглашая к нему присоединиться. Я подошел и сел рядом. Мы поболтали о том о сем, я задавал вопросы (*comme d'habitude*²⁷), он пожимал плечами, обескураженный их наивностью. Это у нас с ним была такая манера беседовать. Когда речь зашла о Джеси («*Et vous, vous tuez la journée comment?*»²⁸), я стал соловьем заливаться о том, что неприятие школы «вряд ли можно считать патологией», скорее это «*quelque chose d'encourageant*»²⁹, о том, как мы общаемся с пареньком, который не смотрит все подряд по телевизору и не балуется наркотиками. Ведь счастливые дети обречены на счастливую жизнь, и так далее, и тому подобное. Приступ самозабвенного трепа продолжался еще некоторое время, пока я вдруг не почувствовал, что у меня перехватывает дыхание, как будто я взбежал по лестничному пролету. Буиссак махнул рукой, как бы давая мне понять, что пора заткнуть фонтан, и я почувствовал себя так, будто моя маленькая машинка, если можно так выразиться, сделал неуклюжий поворот, застыла у обочины.

— Не нужно вам оправдываться, — сказал Буиссак по-английски с сильным акцентом. (Несмотря на сорок лет преподавания в Торонто, он все еще говорил по-английски как Шарль де Голль.)

Я стал его уверять в том, что и не думал ни в чем оправдываться, но только сильнее запутался. Начал ему объяснять то, что никаких объяснений не требовало, пытался защититься от упреков, которые он не собирался мне высказывать.

— Для учебы в жизни есть свое время. Потом учиться слишком поздно, — заявил Буиссак с нетерпимой самоуверенностью, присущей французскому интеллигенту.

Слишком поздно? Он что, хочет сказать, что образование сродни изучению иностранного языка, то есть верный акцент можно «приобрести» только до определенного возраста (двенадцати или тринадцати лет), а потом он уже никогда не станет таким, каким должен быть? Печальная мысль. А может быть, следует определить сына в военное училище?

Утратив интерес к моим невразумительным ответам (и демонстративно это подчеркнув), Буиссак побрел прочь в поисках еще какого-нибудь неудачливого собеседника. Вечером этот самоуверенный пройдоха устраивал прием для международной делегации

²⁶ Здание Манулайф (*The Manulife Centre*) — 51-этажное здание с 800 роскошными квартирами в центральной части Торонто на углу улиц Блур и Бэй. Построено в 1972–1974 гг. одной из крупнейших канадских страховых компаний «Манулайф» («Manulife»).

²⁷ Как обычно (*фр.*).

²⁸ А вы — как вы убиваете время? (*фр.*)

²⁹ Даже обнадеживает (*фр.*).

специалистов по семиотике. Встреча с ним оставила в душе на удивление противный осадок. Было такое чувство, что я кого-то предал — продался ни за понюх табаку. Кого я, интересно, хотел защитить — Джеси или себя? Или просто хвастался как десятилетний мальчик на школьном дворе? Неужели это выглядело настолько явно? Так, должно быть, оно и было. Но мне вовсе не хотелось оказывать Джеси медвежью услугу. (У меня и так не шел из головы его образ таксиста в пропахшей дурью машине.)

Три девчущки прошелестели мимо — от них запахло жевательной резинкой и повеяла прохлада. Может быть, подумал я, мы переоцениваем влияние, которое оказываем на своих детей. Как, интересно, можно заставить подростка под два метра ростом делать домашнее задание? Нет, мы, я и Мэгги, сына уже потеряли.

Неприятнь к Буиссаку обдала меня, как внезапный резкий порыв ветра. Возникло такое чувство, что, в принципе, это мое странное школярское поведение, это мое привычно-почтительное отношение должно было претерпеть довольно неприятную трансформацию.

Прямо там же за столом я взял ручку и составил на салфетке перечень тех ребят, с которыми ходил в университет и которые «не вышли в люди». В их числе были: Б., который спился в Мексике и умер; Г. — мой лучший друг детства, который, одурев от наркотиков, выстрелил из пистолета человеку в голову; М. — молодой вундеркинд, блестяще занимавшийся математикой, спортом и вообще всем, за что бы ни брался, который теперь мастурбирует перед компьютером, пока его жена работает в юридической фирме в центре города. Этот печальный список меня чем-то утешил. В него вошел даже мой брат — мой грустный и печальный братец; чемпион по бегу, рубаха-парень, любимец всего университета, который жил теперь в угловой комнате общежития и спустя столько лет все еще сетовал на порочность своего образования.

А что, если я не прав? Что, если Джеси так и не поднимется из своего подвала в один прекрасный день и не «возьмет мир за грудки»? Что, если я сам позволил ему разбить себе жизнь из-за собственных ошибочных представлений, сложившихся в результате моей лени и надежды на авось? И вновь перед моим мысленным взором возникло такси, медленно едущее по Университетскому проспекту в слякотную, дождливую ночь. В ночную смену. Джеси — парень, которого знают во всех ночных забегаловках. «Привет, Джес. Тебе как обычно? Давай, подваливай».

Он узнал *хоть что-нибудь* под моим «руководством» за последний год? Стоило ли вообще этим заниматься? Что ж, посмотрим. Джеси знает об Элии Казане и о Комитете по расследованию антиамериканской деятельности, но имеет ли он представление о том, кто такие коммунисты? Он знает, что Витторио Стораро в «Последнем танго в Париже» поджиг квартиру, потому что освещение было установлено *снаружи*, за окнами, а не внутри помещения, но знает ли он, где находится Париж? Он знает, что до окончания трапезы вилку надо класть зубчиками вниз, что французские сорта каберне обычно немного кислее калифорнийских. (Важная информация.) Что еще? Что есть надо с закрытым ртом (это его злит), что по утрам надо чистить зубы (это он усвоил). Что надо ополаскивать раковину после того, как сделаешь себе сэндвич из тунца в собственном соку (это он делал почти всегда).

И вот еще что. Ему нравится Гэри Олдмен в фильме «Леон»³⁰, когда его одержимый персонаж идет по коридору с пушкой в руке. Ему нравится Марлон Брандо, когда тот сметает тарелки с обеденного стола в картине «Трамвай „Желание“». «Себе я место расчистил. Хотите, чтобы я расчистил место и вам?» Ему нравится фильм «Среди акул», причем не начало его («Это просто завлекаловка»), а заключительная часть. «Вот когда, — заявил Джеси, — фильм действительно становится глубоким!» Ему нравится Аль Пачино в «Лице со шрамом». Ему эта картина нравится так же, как мне — вечеринки в фильме

³⁰ В российском прокате фильм также шел под названием «Леон-киллер».

«Великий Гэтсби». Хоть разумом понимаешь, что они беспутные и пустые, но туда все равно хочется пойти. Джеси много раз смотрел «Энни Холл». Как-то утром я нашел пустую коробочку из-под диска на кушетке. Он знает этот фильм почти наизусть, иногда цитирует героев. То же самое с картиной «Ханна и ее сестры». Его наповал сразила «Лолита» Эдриана Лайна. Ему хочется получить диск в подарок на Рождество. Счастлив ли я от этого?

На самом деле да.

Как-то днем, когда за окном гостинной хлопьями валил снег, мы снова смотрели «Лицо со шрамом», ту сцену, где Аль Пачино приезжает в Майами. Джеси повернулся ко мне и спросил, где находится Флорида.

— Что? — не понял я.

— Я хочу сказать, как туда можно отсюда добраться? — пояснил он.

Вдумчиво выдержав паузу (может быть, он так пошутил?), я ответил:

— Надо ехать на юг.

— По направлению к Эглинтон или к улице Кинг?

— К улице Кинг.

— Да?

Я продолжал разговор настороженно, но уважительно, таким тоном, как человек, ожидающий подвоха в любой момент. Но Джеси был вполне серьезен.

— Надо идти по улице Кинг и дальше, пока не дойдешь до озера. Потом надо переплыть озеро, на другом его берегу начинаются Штаты. — Я все ждал, когда сын меня прервет.

— Соединенные Штаты начинаются прямо на другой стороне озера? — Джеси недоверчиво покачал головой.

— Да. — Пауза. — Дальше надо ехать через Штаты примерно полторы тысячи миль, через Пенсильванию, обе Каролины, Джорджию (я все ждал, когда он меня остановит), пока не попадешь в штат, похожий на палец, который уходит далеко в океан. Это и есть Флорида.

— Надо же. — Пауза. — А что потом?

— После Флориды?

— Да.

— Давай, посмотрим. Если добраться до самого конца пальца, за ним будет океан... а еще где-то через сотню миль упруешься в Кубу. Помнишь Кубу? Мы там долго говорили с тобой о Ребекке.

— Отличный был разговор.

— Ладно, поехали дальше, — кивнул я. — Если после Кубы долго плыть на юг, попадешь в Южную Америку.

— Это страна такая?

Пауза.

— Нет, это континент. По нему можно идти на юг тысячи и тысячи миль через джунгли и города, города и джунгли, пока не дойдешь до самого конца Аргентины.

Джеси напряженно смотрел в пространство и видел там, наверное, что-то впечатляющее, но что именно, было известно только Господу.

— А там что, конец мира? — спросил он.

— В определенном смысле.

Интересно, правильно ли я поступаю?

На улицу, где находится дом Мэгги, пришла весна. Кажется, что деревья с малюсенькими почками, величиной с ноготок, всеми ветками тянутся к солнцу. Когда мы смотрели какой-то заумный экспериментальный фильм, случилось что-то очень странное, что могло бы служить прекрасной иллюстрацией того самого урока, который должен был преподать зрителю тот самый фильм. Все началось с того, что я узнал о продаже соседнего дома. Не того дома, что стоит стена к стене рядом с нашим и принадлежит соседке Элеоноре (она-то из своего жилища уедет только вперед ногами, покрытая флагом Соединенного

Королевства), а дома соседей с другой стороны — худой как змея женщины в солнечных очках и ее лысого мужа.

По чистой случайности в ту неделю я решил показать Джеси классический итальянский фильм «Похитители велосипедов». История печальная как мир. Безработному римскому парню для работы нужен велосипед, и он достает двухколесную машину с величайшими трудностями, — в результате меняется его поведение, возвращается уверенность в себе. Но в первый же трудовой день велосипед у него крадут. Парень в отчаянии. Его играет актер Ламберто Маджорани с невыразительным лицом обескураженного ребенка. Как теперь ему быть? Нет велосипеда — нет работы. Когда смотришь, как отец с сыном пытаются найти в огромном городе украденный велосипед, комок к горлу подкатывает. Потом герой фильма замечает чей-то велосипед, оставленный без присмотра, и пытается его украсть. Иначе говоря, он может обречь кого-то другого на такие же страдания, какие кто-то заставил испытывать его самого. Он успокаивает себя доводами о том, что делает это для блага своей семьи, а не просто как тот, кто угнал его велосипед. Я объяснил Джеси, что иногда мы сами определяем моральные стандарты, которым надо следовать, сами устанавливаем критерии добра и зла в зависимости от того, что для нас важнее в данный момент. Джеси кивал, эта мысль ему импонировала. Было ясно, что он прокручивает в голове эпизоды собственной жизни, обдумывает их, пытаюсь проводить параллели с фильмом.

Но похитителя велосипеда немедленно ловит его хозяин. Все это происходит на глазах сына главного героя, и на лице у мальчика появляется такое выражение, какое никто из нас не хотел бы видеть на лицах наших детей.

Через день после того, как мы посмотрели этот фильм — или, может быть, по прошествии нескольких дней, я точно не помню, — у соседских дверей обозначилась какая-то суэта: кто-то входил в дом, кто-то оттуда выходил. Я заметил какого-то типа с козлиной рожой, который крутился возле моих новых мусорных баков и что-то там вынюхивал. Потом однажды утром, когда город выглядел серым и настороженным, а на улицах валялись мелкие камешки и мусор, как будто принесенные приливом (казалось даже, что в сточных канавах вот-вот покажется бьющаяся в предсмертных судорогах рыба), у соседнего дома появилась табличка с надписью «Продается».

Я призадумался. Сначала просто так, а потом уже предметно. А что, если мне продать свою холостяцкую квартирку в бывшем здании кондитерской фабрики (она могла теперь уйти за хорошие деньги) и переехать жить в этот дом рядом с сыном и любимой бывшей женой. Конечно, если они тоже этого захотят. Чем больше я об этом думал, тем больше мне этого хотелось. Тем быстрее мне хотелось это сделать — чем скорее, тем лучше. Причем этот вопрос приобретал в моей голове почти жизненно важное значение. Если я правильно все рассчитал, у меня даже останется немного денег после первого взноса за дом. Никак не думал, что жизнь моя сможет так повернуться, но мне и не такое могло в голову взбрести. Может быть, если я буду жить рядом с Джеси и Мэгги, ко мне вернется былая удача.

Как-то в конце дня у выставленного на продажу дома припарковалась небольшая практичная машина, из которой вышла моя соседка в солнечных очках и стала подниматься к себе по ступенькам крыльца с портфельчиком в руке.

— Я слышал, вы дом продаете? — громко произнес я, так чтобы соседка услышала.

— Верно, — без особого энтузиазма ответила она, вставляя ключ в замочную скважину.

— Не мог бы я его быстро посмотреть?

По выражению лица соседки было ясно, что ее агент с козлиной физиономией предостерегал ее именно от таких визитов. Но она оказалась порядочным человеком и сказала, что ничего против этого не имеет.

Дом был небольшим, таким, как любят французы, но чистым и уютным даже в подвальных помещениях (в отличие от подвала Мэгги, где мне иногда казалось, что из-за стиральной машины выскочит крокодил и откусит мне ногу). Узкие коридоры, узкие лестницы, тщательно покрашенные спальни, вполне приличная отделка и шкафчик для

лекарств в ванной комнате, вызвавший у меня удивление, — хотя, если честно, бледность лица соседки, ее постоянные целенаправленные движения остановили любого, кто вознамерился бы стянуть ее пилюли.

— Сколько вы хотите? — поинтересовался я.

Женщина назвала мне цифру. Цена, естественно, была невероятно завышена, но и мне при последней оценке моей квартиры в бывшей кондитерской фабрике назвали заоблачную сумму, потому что, как мне сказали, «лофты сейчас вошли в моду», как и другие мало меня привлекающие атрибуты молодежного стиля (сотовые телефоны, трехдневная щетина на лице и так далее). Моя квартирка стала жильем, привлекательным для тех, кто преуспел в этой жизни, для удачливых пробивных ребят. Иначе говоря, для всяких ушлых прохиндеев.

Я рассказал соседке о моей ситуации, не стал скрывать, что очень хочу жить рядом с сыном и бывшей женой. Ее от этих слов чуть удар не хватил. Не могла бы она по этой причине оставить за мной право первой руки при продаже дома? Хорошо, сказала она. Надо будет только с мужем поговорить.

После этого у нас начался период бурной деятельности: звонки в банк, переговоры с Мэгги, которая все еще жила в моем лофте (от восторженного согласия бывшей жены глаза у меня снова оказались на мокром месте), продолжение переговоров с тщедушной соседкой. Все вроде бы шло своим чередом.

Но вдруг по непостижимым для меня причинам худышка и ее яйцеголовый муж решили лишиться нас права первой руки. Как-то вечером сосед, поджав губы, заявил мне, что у них назначено два просмотра, после чего мы сможем включиться в игру и назвать нашу цену. На тех же условиях, что и все остальные. Новость была не из лучших. Наш район — греческий квартал — тоже входил в моду. Цены просто ужасали. За дома давали на двести тысяч долларов больше, чем просили хозяева.

За день или два до «просмотра» я отвел Джеси в сторону и сказал ему, что надо будет пригласить его приятелей, чтобы они в тот день посидели у нас на крыльце. Я всем покупал пиво и сигареты. Собраться они были должны не позже двух часов.

Можете себе представить, какой получился спектакль. Когда потенциальные покупатели с трепетом поднимались по ступенькам к двери дома, который собирались купить, на соседнем крыльце они видели компанию бледных, пьющих и курящих парней хулиганистого вида в надвинутых на лоб шерстяных шапочках и в солнечных очках. Такие у них должны были быть новые «соседи». Около продававшегося дома остановились несколько машин, хозяева которых явно намеревались осмотреть потенциальную покупку, в окнах мелькали их лица, но, видимо, так и не решившись выйти из машин, они уезжали прочь.

Примерно через час из соседнего дома вышел агент по недвижимости с козлиной рожей. Я в омерзительном настроении сидел в гостиной и смотрел телевизор. От сознания собственной подлости внутри у меня все сжималось, как будто рядом выла автомобильная сирена.

— Нет, нет, — шепотом сказал я Джеси, — скажи ему, что меня нет дома.

В четыре часа просмотр был завершен. Двадцать минут спустя, когда я, с натянутыми до предела нервами, украдкой спускался по ступенькам на улицу, чтобы пойти в ближайшим греческий ресторанчик и слегка поддать, передо мной появился агент. У него было маленькое костистое лицо, как будто от дурных мыслей кожа его усохла и стала мерзко лосниться.

— Из-за молодых людей на крыльце, — заявил он, — возник целый ряд проблем.

Я попытался сменить тему разговора. Самым любезным тоном спросил его, как идут дела с недвижимостью, что он думает о нашем районе, намекнул, что, может быть, сам воспользуюсь его услугами, потому что собираюсь купить дом. Агент в ответ только рассмеялся. Запудрить ему мозги оказалось нелегко. Резко оборвав смех, он сказал, что брань ребят отпугнула многих покупателей.

— Не может быть! — произнес я с таким пафосом, будто защищал честь королевы.

На следующий день — в воскресенье — дом показывали снова. День выдался серый, моросил мелкий дождь, над парком летали чайки, некоторые птицы ходили по земле, задрыв кверху головы и раскрыв клювы, как будто полоскали горло. Несмотря на дурные предчувствия, я продолжал придерживаться прежней тактики. Снова купил сигарет и пива, и опять сутулые тинейджеры должны были мозолить глаза потенциальным покупателям. У меня уже не было сил там оставаться, я сел на велосипед и под каким-то надуманным предлогом уехал. Вернулся я после четырех часов. Дождь почти прошел. Я уже проезжал мимо греческого ресторанчика, куда мы нередко заходили с Джеси, чтобы заморить червячка, когда увидел, что сын идет по тротуару мне навстречу. Он улыбался, но в его улыбке было что-то настороженное, как будто он чего-то опасался.

— У нас возникла небольшая проблема, — сообщил он.

По прошествии нескольких минут после того, как соседи начали показывать дом, из него выскочил лысый сосед-хозяин — теперь *он* был в солнечных очках — и стал стучать в нашу дверь двумя кулаками. Все ребята на него удивленно уставились, а он сказал, что хочет видеть меня.

Меня?

— Его нет дома, — сказал Джеси.

— Я знаю, чего он хочет, — пролаял лысый. — Он пытается *сорвать* сделку.

Сорвать сделку? Сильно сказано. Особенно потому, что сосед был прав. Меня вдруг стало мутить от нахлынувшего стыда. Хуже того — у меня возникло свойственное подросткам чувство, похожее на то, которое появляется, когда огонь охватывает дом изнутри, такое чувство, словно у меня возникли большие проблемы. Как будто я без разрешения и без прав взял машину отца и разбил ее. Еще меня мучило от того, что Джеси прекрасно понимал, насколько я был не прав, когда затевал всю эту катавасию. Даже не говоря о том, что я и его вовлек в эту грязную историю. Чистейший образчик отцовского воспитания в плане урегулирования конфликтов. Давай, Мэгги, отправляй сына ко мне, я-то прекрасно знаю, как из него сделать порядочного человека.

— Я увел всех ребят в дом, — сказал он.

— А возвращаться домой не опасно?

— Я бы немного переждал. Сосед еще слишком психует.

Спустя несколько дней я попросил одного приятеля подыграть мне, сделать вид, что он собирается купить дом и дать официальное предложение о покупке. Но они мой замысел раскусили, и разговора не получилось. Все мои «маленькие хитрости» ни к чему не привели. Глупая, жуликоватая попытка вовлечь в это дело ребят окончилась крахом. Пара голубых, у которых был свой цветочный магазин, купила дом почти за полмиллиона долларов.

Интересно, думал я, запомнит ли Джеси эту мерзкую коллизию до конца своих дней? (Никогда не знаешь, когда окно открыто. А если оно открыто, вам не захочется бросать в него дохлую собаку.)

На следующий день я снова отвел его в сторону.

— Знаешь, — вздохнул я, — я сделал большую непростительную ошибку.

— Нет ничего плохого в том, что тебе хочется жить рядом со своей семьей, — сказал Джеси, но я его тут же перебил.

— Если бы кто-то решил сыграть такую шутку со мной, когда я решил бы продать *мой* дом, я бы там все покрошил из пулемета.

— Все равно, мне кажется, ты поступил правильно, — стоял сын на своем.

Переубедить его было совсем непросто.

— Я как тот безработный из «Похитителей велосипедов» — вообразил себе, что имею на что-то право просто потому, что мне это нужно.

— А что, если именно *так* и надо поступать? — не унимался Джеси.

Позже, когда мы вышли после фильма на крыльцо, чтобы выкурить по сигарете, я поймал себя на том, что украдкой гляжу на соседский дом, потому что мне бы совсем не хотелось встречаться с раздраженным соседом и его женой.

— Видишь, к чему это приводит? — я невесело улыбнулся. — Теперь каждый раз, когда я выйду на крыльцо покурить, мне все время будет казаться, что вот-вот появится лысый сосед. Это и есть расплата. *Истинная* цена моего поступка.

ГЛАВА 7

Как-то мне взбрело в голову, что нам надо подмечать в просмотренных картинах такие сцены, в которых актер привлекает к себе все внимание зрителя тем, что остается почти неподвижным. Я назвал это явление единицей неподвижности. Начали мы, конечно, с фильма «Ровно в полдень». Бывают такие удачные фильмы, в которых, кажется, нельзя найти изъян. И сценарий прекрасный, и режиссер отличный, и актеры подобраны как нельзя лучше. Один из них «Касабланка», другой — «Крестный отец»; к их числу можно отнести и «Ровно в полдень». Шериф, Гэри Купер, сразу после свадьбы собирается уехать с молодой женой из города, когда узнает, что из тюрьмы только что вышел очень плохой парень, который вместе с тремя корешами решил «достать» человека, который упрятал его за решетку. Трое приятелей уже ждут на вокзале плохого парня, который должен приехать на поезде в полдень. Купер носится по городу, пытаясь заручиться поддержкой, но у всех, к кому он обращается, есть свои веские резоны для отказа. В итоге он остается на пустынных улицах один на один с четырьмя вооруженными бандитами.

Фильм был сделан в те времена, когда вестерны обычно снимали в цвете, и в большинстве случаев героев в них играли актеры с волевыми подбородками и благородными помыслами, больше походившие на персонажей мультфильмов, чем на живых людей. И вот в числе привычных для зрителя фильмов выходит черно-белая картина «Ровно в полдень», в которой нет потрясающих видов закатов и восхитительных панорам горных кряжей. Вместо этого зритель видит небольшой захолустный городишко, а главный герой — совсем уж необычный персонаж: напуганный человек, не скрывающий своего страха.

Я напомнил Джеси, что фильм был снят в начале 1950-х годов, и в нем прослеживается параллель с охотой на ведьм, которая в то время велась в Голливуде. Люди, на которых падало подозрение в симпатиях к левым, в одночасье могли обнаружить, что все друзья вдруг от них отвернулись.

Сейчас в это трудно поверить, но когда «Ровно в полдень» вышел в прокат, против картины выступали самые разные люди. Они критиковали ее потому, что считали антиамериканской. Люди жаловались на то, что эта история о псевдогерое, который в конце ее ставит крест на своих согражданах и покидает городок. Автор сценария Карл Формен был вынужден уехать в Англию; его стали называть «попутчиком», он нигде не мог получить работу. Ллойд Бриджесу, который играл трусливого молодого бандита, предложили новую роль только через два года — его подозревали в «антиамериканизме».

Я сказал сыну, что в этой картине есть замечательные, высокохудожественные эпизоды. Достаточно посмотреть хотя бы на то, как показаны в фильме железнодорожные рельсы. Они снова и снова возникают на экране. Это своего рода способ вызвать у зрителя ощущение угрозы, появляющейся без всяких слов, без всяких действий. Каждый раз, когда мы видим эти рельсы, нам как бы напоминают, что опасность приближается именно по ним. То же самое можно сказать и о часах — тик-так, тик-так. Причем их тиканье по мере приближения к полудню даже замедляется.

Но прежде всего в этом плане обращает на себя внимание игра Гэри Купера. Работавшие с ним актеры часто удивлялись тому, как скупно он себя проявляет в отдельных сценах. Складывается впечатление, что он почти не «играет», что он вообще почти ничего не делает. Но когда видишь его игру на экране, все остальные актеры как бы отодвигаются на задний план. Их игра растворяется в окружающей Купера суете.

— Обрати внимание на то, куда в каждой сцене направлен твой взгляд, — сказал я Джеси. — Представь себе, что ты играешь с ним в одной сцене, и попытайся это одолеть.

Чтобы особенно не заикливаться на заумных сюжетах, я показал сыну «Внутреннее

расследование», фильм, который я никак не могу отнести к числу шедевров. Когда по ходу действия вызывают давать показания неуравновешенного сослуживца (Уильяма Болдуина), мы видим, с каким мастерством Гир может сыграть злодея. (Лучше, чем исполнитель главной роли.) Эти маленькие прищуренные глазки делают его просто Яго полицейского управления Лос-Анджелеса. Спокойствие Гира — и моральное самообладание, которое оно предполагает — притягивает гипнотической силой. Сразу становится понятно, какое влияние оказывает характер этого человека даже на его бывшую жену. И если он чувствует, что ему что-то угрожает, ничто не сможет его остановить. Я попросил Джеси внимательно посмотреть ту сцену, где всего несколькими фразами, произнесенными как бы между прочим, даже не без доли юмора, он нагнал жуткий страх на расследующего его деятельность полицейского — тот был в ужасе от того, что может произойти с его женой.

— Пусть тебя не сбивают с толку ни его самодовольные взгляды, ни манера философствовать, — заметил я. — Ричард Гир — настоящий актер с большой буквы.

Потом мы перешли к «Мертвой зоне» Дэвида Кроненберга. Кристофер Уокен играет в этом фильме одинокого печального человека, обладающего уникальными психическими способностями, настоящего князя спокойствия. После этого мы посмотрели «Крестный отец 2». Что сказать об Аль Пачино, которого прозвали Большой Ал? Он как спокойная, уверенная в себе мурина, подстерегающая жертву у входа в подводную расселину. Достаточно лишь посмотреть ту великолепную сцену, когда до сенатора не доходит значение второго, менее выгодного предложения Пачино о лицензии казино.

Я показал Джеси фильм «Детектив Буллит». Хотя фильм вышел около сорока лет назад, он до сих пор не утратил своего блеска. Голубоглазый Стив Маккуин, пожалуй, ни в одной другой ленте не выглядел более импозантно. Маккуин принадлежит к числу тех актеров, которые прекрасно понимают, что суэта лишь вредит при игре. От невозмутимого спокойствия главного героя, с которым он слушает собеседников, по коже мурашки бегут. Я нашел в подвале старое интервью с разговорчивым канадским режиссером Норманом Джуисоном, который снял три фильма с Маккуином.

«Стив был не из тех актеров, которые могут стоять на сцене рядом с креслом и ублажать зрителей, — говорил Джуисон. — Он был актером кино. Он любил камеру, и она отвечала ему взаимностью. Он всегда оставался самим собой отчасти потому, что всегда играл себя. Он никогда не испытывал неловкости, если у него вдруг куда-то девался текст, ему вполне хватало камеры, потому что он прекрасно понимал, что кино — это зрительно воспринимаемое искусство».

Маккуин прожил непростую жизнь. Пару лет он провел в колонии для малолетних преступников. После службы в морской пехоте отправился в Нью-Йорк и там некоторое время учился актерскому мастерству. Так что, сказал я Джеси, его никак не назовешь эстетствующим руководителем драмкружка. Талант, объяснил я сыну, не всегда находят там, где его обычно ищут.

Мы с Джеси посмотрели «Самурая» с Аленом Делоном, «Большой сон» с Лоурен Бэколл и, конечно, картину «За пригоршню долларов» с блистательным Клинтом Иствудом (играл бы он еще чуть-чуть спокойнее, и можно было бы считать, что он уже мертв). О Клинте можно говорить до бесконечности. Начну с перечня пяти особенностей, которые мне в нем очень нравятся.

1. Мне нравится, как в картине «За пригоршню долларов» он показывает гробовщику четыре пальца и говорит: «Моя ошибка. Сделайте четыре гроба».

2. Мне нравится — это подметил английский критик Дэвид Томпсон, — что, когда Клинт стоял рядом с принцем Чарльзом в лондонском Национальном кинотеатре в 1993 году, всем зрителям было ясно, кто из них *настоящий* принц.

3. Мне нравится, что, когда Клинт выступает в качестве режиссера, он никогда не говорит: «Мотор!» Он спокойно, негромко произносит: «Когда будете готовы».

4. Мне нравится смотреть, как Клинт падает с лошади в фильме

«Непрощенный».

5. Мне нравится образ Клинта в картине «Грязный Гарри», когда он идет по улицам Сан-Франциско, в одной руке зажав пистолет, а в другой — булочку с горячей сосиской.

Я рассказал Джеси, что на одной вечеринке мне довелось перекинуться парой слов с Уильямом Голдменом, написавшим сценарии к фильму «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид», а позже к фильму «Абсолютная власть», который снял Клинт Иствуд и в котором сам исполнил главную роль. Голдман его просто обожал. «Клинт — самый лучший, — сказал он мне. — Он — высочайший профессионал в мире, где всем правит эгоизм. Когда снимает Иствуд, — продолжал он, — приходишь на работу, работаешь, потом идешь домой. Домой, как правило, уходишь рано, потому что ему пора играть в гольф. А обедает он в обычной столовой вместе со всей командой».

Иствуд прочитал сценарий кинофильма «За пригоршню долларов» в 1964 году, а до этого сценарий некоторое время уже ходил по рукам. Чарльз Бронсон отказался играть в этом фильме, потому что сценарий был худшим из всех, что он видел. Джеймс Кобурн не хотел сниматься, потому что съемки должны были проходить в Италии, а он слышал об итальянских режиссерах очень нелестные отзывы. Клинт согласился играть в фильме за гонорар в пятнадцать тысяч долларов, но — я специально подчеркнул это, говоря с Джеси — настоял на том, чтобы сценарий был переписан, полагая, что фильм станет интереснее, если его герой вообще не будет ничего говорить.

— Как ты думаешь, почему он это сделал? — обратился я к Джеси.

— Здесь все понятно. Об актере, который ничего не говорит, зритель может думать *все*, что ему заблагорассудится, — ответил сын. — А как только он откроет рот, его образ в глазах зрителя тут же сильно померкнет.

— Вот именно.

Он немного подумал и добавил:

— Было бы здорово походить на него в реальной жизни.

— Что?

— Не надо много болтать. Тогда будешь казаться более таинственным. Девочкам это нравится.

— Кому-то нравится, кому-то нет, — я пожал плечами. — Ты ведь любишь поговорить. Женщинам нравятся и разговорчивые ребята.

Завершенную версию картины Иствуд увидел только спустя три года. К тому времени он уже почти о ней забыл. Клинт пригласил к себе на просмотр кое-кого из приятелей и сказал:

— Скорее всего, это просто ерунда, но давайте-ка глянем, что там получилось.

Через пару минут один из его гостей заметил:

— Знаешь, Клинт, а получилось совсем неплохо.

Благодаря фильму «За пригоршню долларов» возродился жанр вестерна, который к тому времени стал чем-то вроде дома отдыха для стареющих кинозвезд.

Когда мы посмотрели эту картину, я не мог отказать себе в удовольствии и сказал Джеси, что хочу пересмотреть с ним ту сцену с куском веревки в «Гиганте» с Джеймсом Дином. Его окружают лощеные деловые хлыщи, пытающиеся навязать ему сделку. Рок Хадсон выкладывает на стол тысячу двести долларов. «Что ты собираешься делать с этими деньгами, Джек?» Все, кроме Дина, суетятся, что-то говорят, а Дин просто сидит себе и сидит.

— Кто главный герой в этой сцене? — спросил я. — Кто звезда всего фильма?

Я даже телевидением не побрезговал — показал сыну Эдварда Джеймса Олмоса в роли облаченного в черный костюм начальника полиции в сериале «Полиция Майами. Отдел нравов».

— Это дурацкий телефильм, — сказал я, — с невообразимыми ситуациями, но ты посмотри на Олмоса, он же здесь просто мухлюет. Он почти ничего не делает, но кажется,

что он знает какую-то тайну.

— Какую тайну?

— Все дело здесь в том, что эта иллюзия создается из-за его невозмутимости. На самом деле тайны никакой *нет*. Но держится Олмос так, будто обладает ею, — произнес я тоном канадского члена Общества писателей — любителей вина³¹, потом вынул диск из видеоплеера.

— Я бы и другие серии посмотрел, — сказал Джеси. — Ты не против?

И пока строители на втором этаже дома, стоящего на другой стороне улицы, стучали, пилили и паяли (от чего дом с каждым днем становился все больше), мы с Джеси смотрели три следующие серии сериала «Полиция Майами. Отдел нравов». В какой-то момент мимо нашего окна прошла соседка Элеонора, заглянув в окно. Мне стало интересно, что она думает обо мне и Джеси, когда мы вдвоем день за днем сидим у телевизора. У меня возникло идиотское желание выскочить из дому и сказать ей, что мы смотрим не телевизор, а *кино*. Тут я поймал себя на том, что я в последнее время как-то слишком уж торопливо пытаюсь кому-то что-то объяснять, когда задумываюсь о Джеси.

С того места в гостиной, где я стоял, было видно, как Ребекка Нг обогнула угол автомобильной стоянки. На ней были белые джинсы, белая джинсовая курточка, зеленоватая майка, а волосы ее цвета воронова крыла свободно ниспадали на плечи. Когда она проходила мимо строителей, ремонтировавших церковь, те перемигивались и делали друг другу недвусмысленные знаки. Стая голубей сизым облачком взмыла вверх и понеслась на запад.

Я разбирался с новым немецким кино. В тот день мы смотрели фильм Вернера Херцога «Агирре, гнев божий». (Важно было не забыть подготовить сына к той сцене, где конкистадор указывает на кровавое пятно на скале.) Иногда я узнавал о том, что случилось с сыном, за полчаса до того, как ставил фильм. Джеси дома не было. Он снова набрался. Сам он мне ничего не сказал, но я это понял, как только он поднялся по ступенькам. Одного из его приятелей, Моргана, накануне вечером выпустили из тюрьмы (его туда упекли на тридцать дней за то, что он кого-то избил), и парень зашел к нам. Мне пришлось его ненавязчиво выпроводить в четыре утра и отправить Джеси спать.

*Chez nous*³² как будто возникла тонкая грань, и несколько дней я чувствовал, что надо огнем и мечом искоренять наступающий хаос, беспорядок и безответственность. Мне и впрямь казалось, что вокруг дома разрослись джунгли, сорняки, которые так и норовят стеблями и ветками прорваться внутрь сквозь окна, через дверь и даже через подвал. Больше года прошло с тех пор, как Джеси бросил школу (ему уже исполнилось семнадцать), но не было и намека на то, что он встал на тот путь, который ведет вверх по ступеням, чтобы взять мир «за грудки».

Но наш кино клуб все еще действовал. Желтые карточки на холодильнике с отмеченными галочками фильмами, которые мы смотрели, убеждали меня в том, что хоть что-то, по крайней мере, происходит. Бредить я еще не начал. Мне было ясно, что систематического образования в области искусства кино Джеси не получает. Да и не в этом было дело. С тем же успехом мы могли заниматься подводным плаванием или собирать марки. Кино служило лишь поводом, который давал нам возможность вместе проводить сотни часов, говорить на любые темы: о Ребекке, антидепрессантах, нитке для чистки зубов, Вьетнаме, импотенции, сигаретах.

Иногда сын спрашивал меня о людях, с которыми я делал интервью. Как мне Джордж

³¹ Общество писателей — любителей вина (*The Circle of Wine Writers*) — основанная в 1960 г. международная ассоциация писателей, теле- и радиожурналистов, фотографов и преподавателей, чья профессиональная деятельность связана с распространением информации о вине и крепких спиртных напитках.

³² У нас дома (*фр.*).

Харрисон? Приятный был парень, хотя когда слышишь его ливерпульский акцент, очень трудно удержаться от того, чтобы не запрыгать от радости и не закричать: «Да ведь ты же из „Битлз“». Девчонки, наверное, под тебя *штабелями* падают!» Зиги Марли, сын Боба? Угрюмый маленький проходимец, каких еще поискать надо. Харви Кейтель? Великий актер, но мозги у него, как у сырой свиной отбивной. Ричард Гир? Классический актер-псевдоинтеллектуал, который еще так и не понял, что люди слушают его не потому, что у него семь пядей во лбу, а потому что он — кинозвезда. Джоди Фостер? Получить от нее что-нибудь так же трудно, как взять Форт-Нокс. Деннис Хоппер? Не стесняется в выражениях, забавный малый, отличный парень. Ванесса Редгрейв? Приветливая, изящная женщина, когда говоришь с ней, кажется, что общаешься с королевой. Английский режиссер Стивен Фрирс? Еще один бритт, который не знает меры, пользуясь лосьоном после бритья; неудивительно, что женщина не может положить голову ему на плечо. Йоко Оно? Настороженная зануда с большими претензиями; когда я попросил ее рассказать о подробностях ее нового «проекта», она мне сказала: «Почему бы вам не задать этот вопрос Брюсу Спрингстину?» Роберт Олтмэн? Разговорчивый, образованный, покладистый; нет ничего удивительного в том, что актеры работают на него за песню. Американский режиссер Оливер Стоун? Очень мужественный человек, умнее, чем сценарии, которые он пишет. «Война и мир»? Господи, что за вопрос? Сейчас ведь еще только десять утра!

Мы говорили с Джеси о шестидесятых, о «Битлз» (слишком часто, но мне это доставляло особое удовольствие), поддавали не в кайф, пили в радость. Потом судачили о Ребекке («Ты не думаешь, что она меня бросит?»), обсуждали Адольфа Гитлера, Дахау, Ричарда Никсона, супружескую неверность, Трумэна Капоте, пустыню Мохов, Шуге Найта, лесбиянок, тех, кто подсел на кокаин или героин, «Бекстрит Бойз»³³ (с моей подачи), татуировки, Джонни Карсона, Тупака (его идея), сарказм, тяжелую атлетику, размер пениса, французских актеров и Э. Э. Каммингса. Какое это было время! Я ждал тогда работы, но жизни я не ждал. Она была ключом прямо здесь — на плетеном стуле. Я знал, что все просто замечательно, *когда это происходит* — несмотря даже на какое-то шестое чувство, говорившее мне, что в конце пути нас ждет белая ленточка.

Теперь, заходя к Мэгги лишь в качестве приглашенного на ужин гостя, я ненадолго задерживаюсь на крыльце с теплым чувством в душе. Я знаю, что позже вечером мы с Джеси выйдем сюда с чашечкой кофе, но это будет уже не так, как в те времена, когда работал наш кино клуб. Меня немного удивляет, что остальные помещения в доме Мэгги — кухня, спальня, гостиная и ванная — во мне не вызывают никаких эмоций. Я не чувствую там отголосков нашей прежней жизни с сыном. Это ощущение возникает у меня только на крыльце.

Так на чем мы остановились? Ах да, на том, как нас в тот чудесный весенний день посетила Ребекка Нг.

Она легко вспорхнула по ступеням на крыльцо. Джеси даже не встал со стула. Между ними явно что-то происходило. Ребекка стояла, держа руки в карманах курточки, с таким выражением на лице, как будто она стюардесса, которой показалось, что кто-то отпустил в ее адрес какую-то сальность, но не была совершенно уверена в том, что правильно поняла услышанное. На ее лице играла настороженная улыбка. Происходило что-то непонятное. На другой стороне улицы рядом с лестницей стоял рабочий-строитель и как замороженный смотрел в направлении Джеси и Ребекки.

Я услышал, как хлопнула дверь, и они вошли в дом.

— Привет, Дэвид, — с воодушевлением сказала Ребекка. По крайней мере, она хотела казаться бодрой. — Как у вас сегодня дела?

— Как у меня сегодня дела? — Ребекка снова застала меня своим вопросом врасплох. — Дай сообразить. Да вроде нормально. А у тебя как со школой?

³³ «Бекстрит Бойз» («Backstreet Boys») — известная американская поп-группа, созданная в 1993 г.

— У нас сейчас каникулы, и я подрабатываю в ГЭПе³⁴.
— Ты, Ребекка, кончишь тем, что будешь властвовать над миром.
— Мне просто нравится, когда у меня есть немного своих денег, — парировала девочка. (Это было выпадом с ее стороны?) Джеси ждал, стоя рядом с ней.
— Рад тебя снова видеть, Ребекка.
— И я тоже, Дэвид. — Она никогда не называла меня мистером Гилмором.
Джеси и Ребекка спустились вниз.

Я поднялся на второй этаж, включил компьютер и третий раз за день проверил почту. Мэгги, наверное, была последним на Земле человеком, который все еще пользовался дисковым набором для входа в Интернет, поэтому каждый раз надо было долго ждать, пока кончится жужжание, скрипы, сипы, шорохи и на экране монитора возникнет изображение.

Я прочитал компьютерную газету. Потом глянул в окно и увидел, как соседка Элеонора ковыряет тямкой в земле — в садике на заднем дворе. Готовилась, должно быть, к весеннему севу. Ее вишневое деревце покрылась белым цветом. Через некоторое время я подошел к лестнице, ведущей на первый этаж. Из логова Джеси доносились негромкие звуки разговора. Сначала возбужденный голос Ребекки, потом до странности бесстрастный голос сына, слишком спокойный, как будто он шел откуда-то из груди Джеси. Как будто это его отношение к ней говорило.

На несколько минут воцарилось молчание, доносились только звуки шагов по полу двух пар ног. Слов слышно не было. Тихо распахнулась и закрылась входная дверь, как будто Джеси и Ребекка боялись меня потревожить. Я спустился вниз. Вид у Джеси, сидящего на кровати, был мрачнее некуда. На улице я заметил хрупкую фигурку Ребекки — девочка уже обходила дальний угол автостоянки. Взгляды всех рабочих из строительной бригады были обращены к ней.

Я сел, скрипнув стулом. Так мы некоторое время и сидели. Потом я спросил:

— Что у вас стряслось?

Джеси повернулся ко мне, держа руку так, что она прикрывала ему глаза. Мне показалось, что он чуть не плачет.

— Мы только что расстались с Ребеккой.

Именно этого я и боялся. У нее, наверное, новый парень, имеющий крутую тачку и клевый дом, брокер какой-нибудь или начинающий юрист. Кандидатура, более соответствующая профессиональным ожиданиям Ребекки.

— Что она тебе сказала? — спросил я.

— Она сказала, что без меня умрет.

Сначала мне показалось, что я ослышался.

— Она так тебе и сказала?

Джеси все повторил слово в слово.

— Так это ты Ребекку *бортанул* ?

Он кивнул.

— С чего ты это учудил?

— Мне кажется, она стала слишком много болтать о наших отношениях.

Я пристально посмотрел на сына — он был очень бледен, взгляд его затуманился. После недолгой паузы я сказал:

— Мне не хочется тебя об этом спрашивать, но я должен это сделать. Ты пил вчера?

— Слегка, но к ней это не имеет никакого отношения.

— Господи!

— Пап, правда, не бери в голову. С ней это никак не связано.

Теперь я посмотрел на него настороженно.

³⁴ GAP Inc. — известная американская компания, лидер среди компаний, торгующих одеждой в розницу, имеет 3 100 магазинов по всему миру.

— С годами я понял, Джеси, что после того, как напиваешься, принимать жизненно важные решения нецелесообразно. — Сын открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я продолжил: — Даже если ты не в стельку пьян, а уже протрезвел.

Отсутствующий взгляд Джеси блуждал неизвестно где.

— Ты можешь что-нибудь сделать, чтобы это *исправить*? — спросил я, повысив голос.

— Я не хочу ничего делать. — Теперь он смотрел на строителей, работавших через улицу. Их вид как будто утвердил его в каком-то решении.

— Хорошо, сын, я сейчас скажу тебе одну вещь, а потом можешь делать все, что тебе заблагорассудится, договорились?

— Годится.

— Когда расстаешься с женщиной, случаются такие вещи, которые, как сначала кажется, потом тебя особенно волновать не будут. Но когда они *все-таки* происходят, оказывается, что они для тебя гораздо важнее, чем тебе казалось раньше.

— Ты имеешь в виду других мужиков?

— Мне бы не хотелось скатываться в этом вопросе до пошлости, — ответил я, — но есть некоторые обстоятельства, которые тебе надо принимать в расчет перед тем, как разрывать отношения с девушкой. И одним из таких обстоятельств, причем одним из *самых важных*, нередко оказывается то, что через некоторое время у девушки завязываются отношения с другим парнем. А это, можешь мне поверить, часто вызывает не самые лучшие ощущения.

— Что значит *не самые лучшие*?

— Неприятные. А в данном конкретном случае — просто жуткие.

— Я знаю, что Ребекка подыщет себе другого приятеля, если ты это имеешь в виду.

— Правда, знаешь? А ты *думал* об этом когда-нибудь всерьез?

— Угу.

— Можно я расскажу тебе одну историю? Не возражаешь?

— Нет, конечно.

Джеси выглядел рассеянным. Господи, подумал я, а ведь это только начало.

— В университете у меня был друг, — начал я. — Ты, кстати, его знаешь. Он живет на западном побережье. Это Артур Крамнер.

— Артур мне нравится.

— Да, Артур нравится многим. Именно в этом отчасти и заключалась проблема. У меня когда-то была подружка. Давно все это случилось, мне тогда было всего на несколько лет больше, чем тебе теперь. Девушку звали Салли Бакмен. И вот в один прекрасный день я сказал Артуру — он был тогда моим лучшим другом, — что собираюсь прекратить с Салли отношения. Он спросил: «Что, правда?» Салли ему нравилась. Артур считал, что она очень привлекательна. И был прав.

Я сказал ему: «Знаешь, если тебе хочется, можешь потом *встретиться* с Салли, я ничего не имею против». Мне так и в самом деле тогда казалось — у меня же с ней все вроде как было уже в прошлом. И вот, по прошествии нескольких недель, может быть, через месяц после разговора с Артуром, я расстался с Салли Бакмен и уехал на выходные к приятелю, у которого был дом на озере... Ты меня слушаешь?

— Угу, — кивнул Джеси.

— В то время, — продолжал я рассказывать, — мы с Артуром были вместе в одной занюханной группе, я играл на барабанах, а он пел и играл на губной гармошке. Мы себя считали новоявленными рок-звездами, просто неотразимыми хиповыми чуваками.

Я вернулся в город в воскресенье под вечер после того, как провел выходные в доме у приятеля, где мы вываривали корни марихуаны и вешали их вниз стеблями. При этом у меня и близко не было никаких переживаний по поводу Салли. На самом деле я даже иногда чувствовал некоторое облегчение от того, что ее со мной не было.

По приезде я сразу же отправился на репетицию нашей группы. Артур уже был там. Милый Артур Крамнер, которого все любили, играл на гармошке, давал какие-то советы

нашему бас-гитаристу, в общем, был рубахой-парнем. Артур держался как всегда. Пока мы репетировали, я все время на него поглядывал, сгорая от желания задать ему только один вопрос: встречался ли он с Салли, когда я уехал на выходные? Но все как-то не получалось. Внутри у меня нарастало беспокойство. Оно определялось тем, что меня глодало *любопытство*, я очень хотел узнать о том, чего *боялся*.

Когда репетиция кончилась, и ребята стали разъезжаться, я сел в машину Артура. В конце концов, самым безразличным тоном, какой мне удалось из себя выдавить, я спросил его: «Ну что, ты встречался с Салли на выходные?» И он с молодецким задором ответил: «Да, мы с ней виделись», — да еще таким тоном, будто на интересный вопрос у него был припасен интересный ответ. Тогда я спросил у него, причем слова эти сорвались у меня с языка почти помимо моей воли: «И что, у вас с ней *что-то* было?» А он мне со всей серьезностью заявил: «Да, было».

И вот что я тебе скажу, Джеси. Мне вдруг показалось, что все вокруг завертелось, как кино, которое крутят в десять раз быстрее, чем надо. Мир вокруг просто спятил. На меня что-то накатило, меня как будто заклинило. Артур сказал: «На, возьми сигарету». От этого мне стало еще хуже. Я вдруг что-то затараторил о том, что со мной *все* в порядке, но жизнь — странная штука, очень уж быстро она меняет все местами.

Потом я попросил Артура подбросить меня к Салли. Он высадил меня рядом с ее квартирой на улице Брансуик. До сих пор помню номер того дома. Я взбежал по ступеням, как будто начался пожар, и стал барабанить в дверь: бум-бум-бум. Салли открыла. Она была в одной ночной рубашке и смотрела на меня выжидающе — как бы это лучше выразить, — с *лукавой застенчивостью*. Она будто хотела меня спросить: «Ой, неужели в той посылке, что я тебе послала, оказалась бомба?»

Кончилось дело тем, что я распустил слюни, сказал ей, что люблю ее до безумия и только с ней *видел свет*. И дальше в том же духе. Причем все это я проговорил взахлеб, одним махом. Мне тогда даже казалось, что так оно и было. Понимаешь, Джеси, что я хочу сказать?

Потом я снова был с ней вместе. Заставил ее выбросить простыни и рассказать мне все о том, что произошло. Ты делал такое? Ты так поступал? Мерзкие вопросы, и ответы гнусные. (Тут Джеси улыбнулся.) Мне понадобилось около месяца, чтобы вспомнить о том, какая Салли зануда, и потом я снова с ней расстался. На этот раз окончательно. Но перед этим я убедился в том, что, когда это происходило, Артура в городе не было. У меня было такое чувство, что она собирается повторить свою прежнюю проделку, и потому мне совсем не хотелось, чтобы он был поблизости.

— А она повторила?

— Да. Салли охмурила моего чокнутого братца и переспала с ним. Ничего хорошего от нее нельзя было ждать, говорю я тебе, но дело здесь не в этом. Все дело в том, что иногда ты понятия не имеешь, как будешь себя чувствовать в такой ситуации, до тех пор, пока не будет уже слишком поздно. Поэтому в таких делах никогда не следует гнать лошадей.

На крыльцо своего дома вышла Элеонора и бросила пустую винную бутылку в мусорный ящик. Потом нахмурилась, как будто заметила на улице что-то, что было ей не по нраву, — тучи, может быть, или какую-то приبلудную шпану, — и тут едва не подскочила от неожиданности, заметив, что мы были совсем недалеко от нее.

— Ох, здравствуйте. Я вижу, вы как всегда в своем репертуаре, — сказала она, обнажив зубы в ехидной улыбке.

Джеси подождал, пока соседка отправится восвояси, потом сказал:

— Не думаю, что кто-нибудь из моих друзей позарится на Ребекку.

— Дело в том, Джеси, — я посмотрел на сына, — что она обязательно начнет встречаться с *кем-нибудь* и, поверь мне, непременно позаботится о том, чтобы ты об этом узнал. Ты думал об этом?

— Наверное, пару недель будет тяжеловато, — ответил он своим взрослым голосом, звучащим ниже обычного, — а потом я как-нибудь оклемаюсь.

— Ну, что ж, — продолжал я, — тогда я скажу тебе последнее, что тебе надо знать, и закроем эту тему. *Исправить* ситуацию ты уже не сможешь. Но ты еще можешь сию же секунду позвонить ей, вернуть ее и избавить себя от массы проблем. — Я выдержал паузу, чтобы Джеси осознал сказанное, и добавил: — Если только ты действительно не хочешь больше ее видеть.

После минутного молчания сын заявил:

— Я не хочу больше иметь с ней дело.

— Ты в этом уверен?

Он задумчиво посмотрел на церковь, на фигуры строителей, занимавшихся там своими делами. Мне казалось, что он может еще передумать. Потом Джеси спросил:

— Ты считаешь, что если я слезу пустил, то поступил не по-мужски?

— Что?

— Я даже расчувствовался, когда мы расставались. Ребекка тоже плакала.

— Могу себе представить.

— Но ты ведь не считаешь, что я поступил как ребенок или что-то в этом духе?

— Если бы ты *не* плакал, был холоден и неприступен или вел себя вызывающе, я решил бы, что с тобой не все в порядке.

Мимо проехала машина.

— А ты плакал когда-нибудь, когда был с девушкой? — любопытно спросил он.

— Вопрос надо ставить по-другому: была ли у меня такая девушка, с которой бы я *не* плакал? — ответил я.

Когда я услышал смех сына, когда увидел, что на мгновение с его лица исчезло выражение печали (будто легкий порыв ветра смел пепел с прекрасного стола), я почувствовал такое облегчение, как будто отступил приступ тошноты. Если бы мне только удалось сделать так, чтобы это мимолетное состояние счастья не покидало его! Но мысленным взором я ясно видел, как скоро он в холодном поту будет просыпаться в три утра, думать о Ребекке и разбиваться о цементную стену, к которой его так неудержимо несло.

Но это будет не теперь. А тогда я стоял с Джеси на крыльце, его настроение на время восстало из гроба, но я знал, что ему снова придется туда возвращаться, как призракам на восходе дня.

Мне хотелось снова показать сыну «Последнее танго в Париже», но я решил, что это не лучшая мысль. Так, например «сцена с маслом» могла вызвать у него тяжелые ассоциации. Что бы нам еще посмотреть, думал я. «Тутси» слишком романтичный фильм, «Ваня с 42-й улицы» — слишком русский, «Ран» слишком хорош, поэтому не хотелось, чтобы Джеси сейчас его недооценил. В конце концов, я нашел, что хотел, — фильм, после просмотра которого зрителю хочется взять в руки ружье и всадить несколько пуль в дверцу *собственного* автомобиля. Картина — просто зашибись.

Я вставил в видеоплеер диск с «Вором» Майкла Манна, как будто это был девятимиллиметровый клип. Сначала пошли титры (в одном из самых лучших исполнений: два парня вскрывают сейф). Музыка к фильму, написанная группой «Тенджерин Дрим»³⁵, струится как вода по стеклянным трубочкам в пастельно-зеленых, флюоресцентно-розовых и неоновом-синих тонах. Посмотри, сказал я сыну, с какой любовью освещены и сняты паяльные лампы и дрели; как будто камера смотрит на них глазом мастера, любующегося своим инструментом.

И, конечно, Джеймс Каан — он нигде больше не играет с таким мастерством. Достаточно посмотреть тот потрясающий момент, когда он заходит в контору

³⁵ «Тенджерин Дрим» («Tangerine Dream») — известный немецкий музыкальный коллектив, образованный в 1967 г. Эдгаром Фрезе. По праву считается одним из пионеров электронной музыки.

акулы-ростовщика, чтобы занять немного денег, а тот делает вид, что не понимает, о чем идет речь. Увидеть эту паузу, которую выдерживает Каан. Впечатление складывается такое, будто он настолько вышел из себя, что ему надо глубоко вздохнуть, чтобы потом выдохнуть из себя: «Я последний человек на земле, кого тебе удастся одурачить».

— А теперь пристегни ремни, — улыбнулся я. — Представление начинается.

Ребекка вернулась на следующий день. Одета она была просто изысканно — на ней прекрасно сидели черная шелковая блузка с маленькими золотыми пуговками и черные джинсы. Ребекка, видимо, решила проститься с Джеси, так сказать, бросить на него прощальный взгляд перед тем, как отвести его в сторону. Они сидели на крыльце и негромко говорили. Я громыхал на кухне в задней части дома кастрюлями и сковородками, вывернув громкость радио почти на максимум. Помнится, даже мурлыкал что-то себе под нос.

Беседовали Ребекка и Джеси недолго. Когда я прокрался в гостиную (*только чтобы стереть пыль*) и посмотрел, чем они там заняты, глазам моим предстало странное зрелище. Джеси сидел на плетеном стуле так, будто испытывал физическое неудобство, будто пристроился на неудобном сиденье в автобусе, а ниже его, на тротуаре, оживленная Ребекка (теперь казалось, что она одета, как паучиха «черная вдова») щебетала с группой проходивших мимо подростков в возрасте Джеси. Держала она себя с изяществом и легкостью, по ее виду никак нельзя было сказать, что она только что рассталась с близким человеком, и мне показалось, что в ее облике что-то предвещает опасность. Джеси, наверное, чувствовал то же самое, — и это было ощущение, от которого он явно устал. Я поймал себя на мысли о том, что сын, должно быть, в чем-то рассудительнее меня. Я бы, наверное, никогда не решился бросить такую сногшибательную подружку — просто из-за дурманящего голову удовольствия быть бойфрендом девушки, гораздо более обворожительной, чем подружки всех остальных парней. Я знаю, что это мелочная, отвратительная, жалкая позиция. Все это я прекрасно знаю.

Скоро у крыльца уже роилась целая туча молодых ребят. Ребекка ушла. Я позвал Джеси в дом, закрыл входную дверь и сказал ему:

— Следи за тем, о чем говоришь с этими парнями, договорились?

Он был очень бледен. Я чувствовал, что сын сильно возбужден.

— Знаешь, что она мне сказала? Она заявила: «Ты меня больше никогда не увидишь».

Я не стал это обсуждать.

— Бог с ним. Ты мне все-таки пообещай, что будешь следить за своими словами.

— Да, да, конечно, — быстро сказал Джеси, но по тому, как он это произнес, я понял, что он уже наговорил много лишнего.

ГЛАВА 8

У НАС ПРОХОДИЛ СЕМЕЙНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ФИЛЬМОВ УЖАСОВ. Вспоминая об этом теперь, я думаю, что тогда это был не лучший выбор — на самом деле Джеси, наверное, был более уязвим, чем хотел казаться, — но я пытался дать сыну нечто большее, чем дает обычный, случайный, спонтанный, горький самоанализ, который берedit душу после менее захватывающих картин.

Я начал с фильма «Ребенок Розмари» — готического кошмара о жительнице Нью-Йорка (Миа Фэрроу), забеременевшей от дьявола.

— Обрати внимание на знаменитую сцену со старухой (Рут Гордон), которая говорит по телефону, — сказал я Джеси. — С кем она говорит? Но — самое главное — посмотри, как снята эта сцена. Старуху наполовину закрывает дверь. Почему же мы всю ее не видим? Что, режиссер Роман Полански ошибся или сделал это сознательно, рассчитывая на какой-то особый эффект?

Я рассказал сыну о непростой жизни Поланского: смерти его матери в Освенциме, когда он был еще совсем маленьким; женитьбе на Шарон Тейт, которая ждала ребенка, когда

ее убили бандиты Чарльза Мэнсона; его поспешном бегстве на самолете из Соединенных Штатов после обвинения в изнасиловании тринадцатилетней девочки.

— А сам ты как считаешь, — посмотрел на меня Джеси, — надо сажать в тюрьму за изнасилование тринадцатилетней девочки?

— Да.

— А тебе не кажется, что это зависит от самой девочки? Я знаю таких девочек, которые в этом возрасте уже гораздо опытнее, чем я.

— Это не имеет значения. Закон такие вещи запрещает, и его надо соблюдать.

Сменив тему разговора, я рассказал сыну об интересном эпизоде из жизни Поланского. Когда в первый день съемок фильма «Ребенок Розмари» Полански въехал в ворота «Парамаунт Пикчерз» — крупнейшей голливудской кинокомпании, где снимались самые настоящие звезды кино, включая Миу Фэрроу и Джона Кассаветиса, что лишь подчеркивало невероятный успех молодого режиссера, — он почувствовал странное разочарование. Я прочитал Джеси отрывок из автобиографии Поланского об этом эпизоде: «В моем распоряжении было шестьдесят технических сотрудников и обременительная ответственность за огромный бюджет — по крайней мере, по моим предыдущим стандартам, — но единственное, о чем я мог думать, была та бессонная ночь, которую много лет назад я провел в Кракове накануне съемок моей первой короткометражки „Велосипед“. Ничто никогда не могло сравниться с тем волнением, которое я испытал в первый раз».

— Какой вывод ты можешь сделать из этого рассказа? — спросил я.

— Что все получается не так, как мы загадываем?

— А еще какой? — я пытался заставить Джеси высказаться.

Сын взглянул на меня.

— Что на самом деле *сейчас* ты счастливее, чем тебе это кажется?

— Было время, когда я думал, что моя жизнь начнется после окончания университета, — ответил я. — Потом мне стало казаться, что я начну жить, когда выйдет моя книга или когда я стану знаменитым благодаря какой-нибудь другой ерунде. — Я рассказал сыну о том, как мой брат однажды сказал мне удивительную вещь: он считал, что его жизнь начнется, когда ему стукнет пятьдесят. — А ты как думаешь, Джеси. Как тебе кажется, когда начнется *твоя* жизнь?

— Моя? — удивился Джеси.

— Да, твоя.

— Я вообще считаю, что все это чепуха, — сказал Джеси и в возбуждении от нахлынувших мыслей встал со стула. — Знаешь, что я по этому поводу думаю? Мне кажется, жизнь начинается тогда, когда человек *рождается*. — Он стоял посреди гостиной и чуть не дрожал от возбуждения. — Ты разве так не считаешь? Ведь я прав?

— Мне кажется, ты мудр не по годам.

Внезапно произвольным жестом, выразившим его явное удовольствие, Джеси хлопнул в ладоши.

— Знаешь, что я думаю? — произнес я вполне серьезно. — Тебе надо идти в университет. Там люди сидят и говорят о таких вещах. Только в отличие от этой гостиной, где ты можешь общаться только с отцом, там еще обретается масса девушек.

Явно заинтригованный, Джеси вскинул голову.

— Правда?

И как в самый первый день — сейчас он казался седой древностью, — когда я показал ему ленту «Четыреста ударов», мне стало ясно, что на этом надо остановиться.

Потом я показал сыну «Отчим», фильм со скромным бюджетом и глуповатой побочной сюжетной линией. Но надо дожидаться той сцены, когда агент по продаже недвижимости, только что убивший собственных детей, показывает покупателю пустой дом, надо всмотреться в его лицо, и тогда зритель постепенно начинает понимать, что агент не с клиентом своим говорит, а с полицейским. Вслед за этой картиной мы посмотрели фильм

«Техасская резня бензопилой» 1974 года, сделанный далеко не на высшем уровне, но сама идея его проникнута такой жутью, которая может прийти в голову только на уровне подсознания. После этого настала очередь «Судорог»³⁶, одного из ранних режиссерских опытов Дэвида Кроненберга. В фильме, снятом в 1975 году, показано, как работа ученого по изменению генетики людей, живущих в новостройках Торонто постепенно приводит к тому, что по всему дому начинают шастать сексуальные маньяки. По прошествии нескольких лет «Судороги» стали своего рода прототипом для выворачивающего наизнанку фильма «Чужой». Я сказал Джеси, чтобы он обратил внимание на тревожные заключительные кадры картины, где показано, как из квартиры расползается похожая на личинки мерзость, разносящая заразу. Этот проникнутый странной эротикой фильм с очень небольшим бюджетом обозначил выход на экран присущего исключительно Кроненбергу видения проблемы: симпатичный человек с грязными помыслами.

Следующей картиной стал «Психо» Хичкока. Чтобы хорошо разбираться в кино, важно помнить, где ты впервые посмотрел тот или иной фильм. В первый раз я смотрел «Психо» в кинотеатре «Нортаун» в 1960 году, когда фильм вышел на экраны. Мне было тогда одиннадцать лет, и хоть я ненавидел страшные фильмы, воспринимая их с пугавшей моих родителей непосредственностью, в тот раз я пошел смотреть кино, потому что меня соблазнил мой лучший друг, толстокожий как носорог.

Испуг иногда бывает настолько сильным, что доводит почти до паралича, кажется, что тебя током бьет, как будто ты вставил пальцы в розетку. Именно так я себя чувствовал, когда смотрел пару сцен в «Психо»: не сам эпизод в душе, потому что тогда я закрыл глаза руками, а сцену *непосредственно* перед этим, кадры, на которых через занавеску видно, как что-то прокралось в душевую. Я прекрасно помню, что, когда в тот летний день мы вышли из кинотеатра, мне даже показалось, будто солнце стало светить как-то по-другому.

Что касается технического аспекта, сказал я Джеси, «Психо» был снят на восьмимиллиметровой пленке, чтобы создать впечатление, подобное тому, которое производят порнофильмы. Кроме того, «Психо» подтверждает, добавил я, что и шедевр может быть с изъяном. При этом я сознательно ушел от объяснения того, в чем этот изъян заключается. (Думал я тогда об ужасной концовке, где слишком много разговоров, но мне хотелось, чтобы Джеси сам обратил на это внимание.)

Потом мы посмотрели фильм «Онибаба», о котором уже почти забыли. Его действие происходит в завораживающем, сказочном, в чем-то не от мира сего тростниковом болотистом лесу в феодальной Японии четырнадцатого века. Это черно-белый фильм ужасов о матери с дочерью, выживающих за счет того, что они убивают заблудившихся солдат и продают их оружие. Но на деле фильм посвящен вопросам пола, маниакальному соблазну и жестокости, с которой с пути сметается все, что ему мешает. Говоря об этом, я заметил, что Джеси слушает меня рассеянно. У него не шла из головы Ребекка — он думал о том, что она собирается делать, с кем и где.

— О чем ты думаешь? — обратился я к сыну.

— Об О. Дж. Симпсоне, — ответил он. — Я думаю, что если бы он подождал еще всего полгода, его бы уже не волновало, с кем его жена³⁷.

Я предупредил Джеси о жуткой сцене, когда мать, старшая из женщин, пытается сорвать, стянуть, содрать с лица маску (под дождем маска сжалась), кровь стекает у нее по щеке, дочь бьет по маске зазубренным камнем: один раз, второй, третий. Я упомянул о том, что именно эта маска позже вдохновила Уильяма Фридкина на создание физического портрета дьявола в самом нашумевшем из всех фильмов ужасов и самом страшном из них —

³⁶ В российском прокате фильм также шел под названием «Мерзость».

³⁷ В 1995 году бывший американский футболист и киноактер О. Дж. Симпсон был обвинен в зверском убийстве бывшей жены и ее друга.

«Изгоняющий дьявола». Он был следующим в нашем списке, и он нас добил окончательно.

Впервые я смотрел фильм «Изгоняющий дьявола» в 1973 году, и он так меня напугал, что я вылетел из зрительного зала через полчаса после начала сеанса. Спустя несколько дней я вернулся и снова попытался посмотреть этот фильм. На этот раз я выдержал примерно до середины, но, когда девочка стала медленно крутить головой под звуки рвущихся сухожилий, я почувствовал, как у меня в жилах стынет кровь, и дальше выдержать этого уже не мог. И только в третий раз я смог досмотреть картину до конца, хоть время от времени закрывал руками глаза и затыкал пальцами уши. Почему я все время возвращался к этому фильму? Наверное, потому, что чувствовал в нем «великую» картину. Не в интеллектуальном плане, конечно, поскольку я совсем не уверен, что режиссера вообще волновали какие-либо идеи, а потому, что в каком-то смысле это было художественное достижение — работа потрясающе талантливого режиссера на пике его артистической зрелости.

Я рассказал Джеси и о самом Уильяме Фридкине, непревзойденном мастере фильмов ужасов, который перед «Изгоняющим дьявола» снял напряженнейшую криминальную драму «Французский связной». Участники съемочной группы называли его не иначе как «шизонутый Уилли». Это режиссер старой школы, который с пеной у рта кричит на людей, утром кого-то увольняет, а после обеда снова приглашает на работу. Бывало, он палил из ружей в декорации и включал какие-то сумасшедшие записи: хор южноамериканских древесных лягушек или музыку из «Психо» — причем так громко, что нервы у всех становились натянутыми как струны. В общем, Фридкин отлично знает, как держать людей на взводе.

Ничтоже сумняшеся он взвинтил бюджет картины «Изгоняющий дьявола» — изначально он не должен был превышать четырех миллионов долларов, — до заоблачных пределов, составивших двенадцать миллионов. Как-то раз, когда съемки проходили в Нью-Йорке, Фридкин, как рассказывали, снимал крупным планом жарившиеся на сковородке ломтики бекона, и ему не нравилось, как они деформируются. Он приостановил съемки, пока его люди по всему Нью-Йорку искали бекон без консервантов, который бы при поджаривании оставался плоским. Фридкин работал так медленно, что некоторые члены съемочной группы, отсутствовавшие на съемочной площадке три дня из-за недомогания, по возвращении обнаруживали, что там продолжают съемки все той же сцены с беконом.

Продюсеры хотели, чтобы роль отца Кэрраса, главного заклинателя, сыграл Марлон Брандо, но Фридкина очень волновало — некоторые считали, что у него от этого чуть крыша не поехала, — что тогда люди будут говорить об «Изгоняющем дьявола» как о «фильме Брандо», а не о его картине. (Злые языки то же самое нашептывали Фрэнсису Копполе о «Крестном отце», который тогда только что вышел на экраны.)

В те годы из уст в уста пересказывалась история о том, что на съемках одной сцены у Фридкина играл священника непрофессиональный актер (но в жизни он был профессиональным священником). И Фридкин никак не мог добиться от актера, чтобы тот делал то, что хотелось режиссеру. Тогда он спросил священника: «Вы мне доверяете?» Священник ответил утвердительно, и тогда Уилли с размаху ударил его по лицу. После этого они тут же пересняли ту самую сцену. Фридкин получил именно то, что хотел. Это та самая сцена, когда отец Дэмиен совершает последние ритуалы у ступеней. Руки священника все еще дрожали.

Талант, как я уже как-то говорил Джеси, на самом деле не прячет себя в каком-нибудь странном и подчас недостойном его месте. Фридкин может быть последним кретином, но никто его не упрекнет в недостатке уникальности видения мира. Каждый раз, когда камера скользит по лестнице, ведущей в детскую комнату, зритель знает, что произойдет что-то новое и ужасное, еще более жуткое, чем прежде.

В ту ночь Джеси спал на кушетке, не выключив свет. На следующее утро мы оба, еще не отошедшие от ужасов прошлого вечера, решили с такими фестивалями немного повременить. Знаменитые комедии, фильмы про девчонок-проказниц, Вуди Аллен, «новая

волна» — все что угодно, только не ужасики. В «Изгоняющем дьявола» есть такие моменты, когда девочка почти без движения сидит на кровати и очень спокойно говорит мужским голосом. Но при этом у зрителя возникает такое чувство, что он стоит у обрыва, ведущего туда, куда лучше бы не попадать *никогда*.

ГЛАВА 9

Я ПЕРЕЧИТЫВАЮ НАПИСАННОЕ и чувствую, что возникает впечатление некоторой легкости моего отношения к жизни, как будто меня мало что волновало, кроме фильмов, которые мы смотрели, и размышлений о том, что станется с моим отпрыском. В действительности дело обстояло иначе. Работы у меня к тому времени было немного: иногда писал рецензии на книги, иногда доводил до кондиции документальные фильмы, даже замещать отсутствующих учителей порой приходилось (что, конечно, в некоторой степени меня смущало, но совсем не так, как я опасался раньше — тщеславие мое при этом не страдало).

Я продал лофт в здании бывшей кондитерской фабрики и на вырученные деньги вместе с женой купил викторианский дом на самой границе китайского квартала. Мэгги, наконец, вернулась в свой дом. Как она была счастлива — ведь она целый год там не жила! Но Мэгги по-прежнему считала, что Джеси надо «жить с женщиной». Я придерживался того же мнения. Так же думала и Тина, которой я был за это благодарен. На семейном празднике в Рождество моя тщедушная тетка с пискляво-скрипучим голосом, которая раньше работала директором школы, сказала мне:

— Не дай себя одурачить. Подростки требуют не меньшего внимания, чем новорожденные. Но это внимание должны им уделять прежде всего *отцы*.

После этого Джеси переехал к нам с Тиной, прихватив с собой три больших мешка (в такие мешки обычно складывают мусор), полных одежды, и кучу компакт-дисков без коробочек. Он обосновался в голубой спальне на третьем этаже, откуда открывался вид на озеро. Эта комната была лучшей в доме, самой тихой, с прекрасной вентиляцией. Я купил сыну репродукцию с картины Джона Уотерхауса, на которой запечатлены купающиеся в пруду обнаженные девушки, и повесил ее на стену между тремя плакатами: с изображением Эминема (тот сидит с умиротворенным видом парня, который сделал все, что должен был сделать, и выполнил все свои обещания); с изображением Аль Пачино с сигарой («Лицо со шрамом») и с изображением какого-то бандита с чулком на голове, направляющего зрителю в лицо девятимиллиметровый пистолет, и надписью «Скожи превет плахим робятым».

Теперь, когда я пишу эти строки, голубая спальня Джеси всего в нескольких ярдах выше меня. Она уже давно пуста, но одна рубашка сына все еще висит на дверной ручке. Сейчас комната лучше прибрана, компакт-диск с «Чунгкингским экспрессом» лежит на ночном столике рядом с книгами: «Временем перемен» Силверберга (Джеси так и не прочитал этот фантастический роман), «Глитцем» Элмора Леонарда (по крайней мере, эту книгу он не продал), «Казаками» Толстого (моя работа) и последним кулинарным опусом Энтони Бурдена, который Джеси здесь оставил, когда ночевал здесь со своей подружкой. Эти вещи действовали на меня как-то успокаивающе, как будто сын все еще здесь, по крайней мере, здесь еще витает его дух. Мне даже казалось, что в один прекрасный день он вернется обратно.

И все же, хоть это выглядит излишне сентиментально, иногда по вечерам, проходя к себе в кабинет мимо комнаты Джеси, я туда заглядываю. Лунный свет падает на его постель, в комнате на удивление спокойно, и мне трудно поверить, что он от нас ушел. Мы с ним собирались кое-что сделать с этой комнатой — переклеить обои, прибить деревянные вешалки для одежды, — но время вышло.

В китайский квартал пришла осень. В бескрайних лесах к северу от города зарделись листья. Женщины, проезжавшие мимо нашего дома на велосипедах, снова были в перчатках.

Джеси нашел работу на неполный рабочий день у двух жуликоватых типов: он занимался тем, что по телефону уговаривал людей жертвовать деньги на какой-то «журнал пожарного».

Как-то под вечер я заглянул в его «контору» — маленькое грязное помещение, разделенное на шесть или семь клетушек, в одной из которых сидел какой-то белый парень разбитного вида, в другой — пакистанец, в третьей — очень толстая женщина (на столике перед ней стояла банка кока-колы), и все они говорили по телефону. Господи, подумал я, на какое же жалкое существование обрек я сына. Вот оно, то будущее, которое я уготовил ему!

Джеси сидел там вместе с этими людьми в самом дальнем закутке, прижимая к уху телефонную трубку, и что-то хрипло говорил в спертom воздухе помещения. Его постоянно подгоняли начальники, порой у него даже не было времени, чтобы в перерыве что-нибудь перекусить. Должно быть, он неплохо что-то продавал клиентам по телефону. Ему как-то удавалось находить с ними общий язык, уговаривать их, очаровывать, смешить, шутить и впаривать при этом свой товар.

Хозяева «компании» сидели в том же помещении — пройдоха-коротышка в желтой ветровке и его лощеный партнер, которого звали Дэйл, смахивающий на смазливom жулика. Я представился. Они мне сказали, что Джеси у них лучший парень. Номер первый «в торговом зале». За спиной я слышал чье-то бормотание, которое трудно было даже принять за английский язык, восточноевропейский акцент говорящего был настолько силен, что его речь скорее можно было принять за нарочитую пародию в какой-то комедийной телевизионной постановке. Из другого отсека доносилось что-то на бенгали. В третьем себе под нос бубнила женщина, ее голос прерывался таким звуком, будто кто-то посасывал через соломинку воду из стакана, в котором таяли кубики льда. Эти звуки чем-то напоминали скрежет лопаты по цементному полу.

Джеси вышел из своего отсека и, поглядывая по сторонам, направился ко мне расслабленной походкой, свидетельствующей о том, что парень в хорошем расположении духа. Он сказал:

— Пойдем, выйдем отсюда, поболтаем.

Ему явно не хотелось, чтобы я слишком долго общался с его начальством и наводил справки о «журнале пожарного». Потому что если бы я попросил дать мне экземпляр этого мифического издания, то его бы наверняка не оказалось под рукой.

В тот вечер я пригласил сына на ужин в ресторан «Ле Парадис». (Если у меня есть какое-то пристрастие, то это не выпивка, не кокаин и не порнуха. Но поесть в приличном ресторане я люблю, даже сидя на мели.)

— А сам-то ты хоть когда-нибудь видел этот журнал пожарного? — полюбопытствовал я.

Некоторое время Джеси с открытым ртом жевал свой бифштекс. Может быть, меня с обеда от какой-то дряни слишком доставала изжога, но то, что он снова ел с открытым ртом, когда я ему четыре тысячи раз говорил этого не делать, вызвало у меня раздраженное отчаяние.

— Джеси, — взмолился я, — пожалуйста, прекрати.

— Что? — не понял он.

Я грубо его передразнил, сделав соответствующий жест губами.

В обычной ситуации Джеси бы улыбнулся (даже если бы ему это не понравилось), попросил бы извинения, и дальше все шло бы своим чередом. Но в тот вечер он от моей выходки слегка опешил. Мне даже показалось, что он слегка побледнел. Парень около минуты неотрывно смотрел в тарелку, как будто принимал какое-то решение, причем решение это было не из легких и требовало от него почти физического усилия. Потом просто сказал:

— Хорошо.

Но в воздухе явно повисла какая-то недосказанность, будто жаром на секунду повеяло, когда открыли и тут же захлопнули дверцу духовки.

— Если не хочешь, чтобы я тебе делал замечания за столом...

— Все в порядке, — перебил меня Джеси, не глядя в мою сторону, будто отмахнулся от назойливой мухи.

Господи, подумал я, зачем я эту рожу скорчил? Я ведь обидел его этой гримасой, даже унизил. Некоторое время мы продолжали сидеть так, будто ничего не произошло — сын жевал, глядя в тарелку, я смотрел на него, и решимость моя с каждой секундой улетучивалась.

— Джеси, — произнес я как можно мягче.

— Да?

Он взглянул на меня не так, как смотрят на отца, а скорее взглядом Аль Пачино на какого-нибудь придурка. Мы, должно быть, перешли какую-то грань. Ему уже осточертело это чувство страха передо мной, и он хотел, чтоб я об этом знал. Но на самом деле положение было значительно хуже, потому что теперь я начинал испытывать страх перед *его* раздражением.

— Ты не хочешь выйти на улицу перекурить? — предложил я. — И остыть заодно немного.

— Со мной все в порядке.

— То, что я рожу скорчил, было грубо. Прости меня.

— Да ничего, не бери в голову.

— Я хочу, чтобы ты меня извинил, ладно?

Джеси не ответил, думая о чем-то своем.

— Хорошо? — мягко продолжал я настаивать.

— Да, конечно. Заметано.

— Что? — спросил я еще мягче.

Он поигрывал зажатой в руке салфеткой, помахивая ею над незанятой частью стола. Может быть, он вспомнил ту сцену, когда Джеймс Дин поигрывал куском веревки?

И каждый раз отрицательно отвечал на все вопросы, которые ему задавали.

— Иногда мне кажется, что ты слишком сильно на меня давишь, — проговорил Джеси.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне кажется, другие ребята не чувствуют себя так... — он подыскивал нужное слово, — такими парализованными, когда у них возникают проблемы с отцами. Некоторые просто посылают их куда подальше.

— Я не намерен дальше разговаривать с тобой в таком тоне, — сказал я, с трудом удерживая себя в руках.

— Мне тоже это не нравится. Но, может быть, ты слишком сильно на меня *действуешь*?

— Неужели?

— Мне не хочется из-за этого наживать неприятности.

Мне просто плохо становится, когда ты начинаешь из-за меня психовать.

Приглашая сына на ужин, который был мне тогда совсем не по карману, я никак не рассчитывал на то, что наш разговор примет такой оборот.

— Чего же ты боишься? Я ведь ни разу тебя не ударил. Я никогда... — тут я осекся.

— Я все еще как дитя малое. — Взгляд Джеси затуманился от досады и обиды. — Когда мы вместе, я всегда на взводе, а мне это совсем ни к чему.

Я положил вилку на тарелку, чувствуя, как к лицу прихлынула кровь.

— Ты сам влияешь на меня сильнее, чем тебе кажется, — признался я.

— Правда?

— Да.

— Когда, например?

— Например, сейчас.

— А ты не считаешь, что *слишком* сильно на меня влияешь? — Джеси посмотрел на меня.

Мне все еще было трудно взять себя в руки.

— Мне кажется, тебе хочется, чтобы я лучше о тебе думал, — ответил я.
— А ты не думаешь, что я все еще маленький мальчик, который до смерти тебя боится?
— Джеси, ты уже чуть не под два метра вымахал. Ты бы сам — прости меня за откровенность — мог меня поколотить, если бы тебе такое взбрело в голову.
— Ты считаешь, я на это способен?
— Я хочу сказать, что ты мог бы это сделать.
У меня возникло такое ощущение, что даже тело сына расслабилось.
— Теперь мне хочется выкурить сигарету, — сказал он и вышел на улицу.
Я видел, как Джеси прохаживается по другую сторону французских дверей. Через некоторое время он вернулся и сказал что-то бармену, улыбнувшемуся при этом, потом прошел через зал, и пока он шел, какая-то темноволосая студентка не сводила с него глаз. Когда пружинящим шагом, постреливая глазами направо и налево, Джеси подошел к столику, было ясно, что он счастлив. Он сел, взял салфетку и вытер рот. Он получил от меня то, что ему в тот момент было надо, подумал я, но скоро ему этого станет мало.
— Ты не хочешь поговорить об этом журнале пожарного? — спросил я.
— Конечно, — сказал Джеси, налив себе в бокал вина. (Обычно вино наливал ему я.) — Мне нравится этот ресторан, — добавил он. — Если бы у меня были деньги, я ужинал бы здесь каждый вечер.

Становилось ясно, что наши отношения меняются. Я чувствовал, что раньше или позже — хотя, скорее раньше, — мы, я и Джеси, вступим в противостояние, в котором я проиграю. Как и все другие отцы в истории нашего мира. Исходя из этого я и выбрал нашу следующую картину.

Вы помните эти слова: «Я знаю, что ты думаешь — он стрелял шесть раз или только пять. Ну что ж, по правде говоря, во всей той суматохе я и сам, должно быть, сбился со счета. Но если бы это был „магnum“ сорок четвертого калибра, самый мощный в мире пистолет, из которого тебе напрочь можно отстрелить башку, ты задал бы себе только один вопрос: а может, мне с этим повезло? Ну что, придурок, ты спросишь себя об этом?»

Когда Господь приберет Клинта Иствуда, эту речь будут передавать в новостях по всему миру, показывая, как Грязный Гарри смотрит сквозь прорезь мушки пистолета на неудачливого медвежатника, собираясь дать ему работу. Этот фильм — если не сами эти слова — вывел Клинта Иствуда в первый ряд ведущих американских актеров наряду с Джоном Уэйном и Марлоном Брандо. Два года спустя, в 1973 году, Клинту Иствуду позвонил один сценарист и сказал, что прочел где-то об эскадронах смерти в Бразилии, о том, как беспринципные полицейские убивают преступников, не беспокоясь о передаче их в суд. Как бы Грязный Гарри отнесся к тому, чтобы выявить такие эскадроны смерти и в полицейском управлении Лос-Анджелеса? Этот фильм вышел под названием «Высшая сила»³⁸.

Картина была снята. Когда она вышла на экраны, билетов было продано даже больше, чем на «Грязного Гарри». На самом деле «Уорнер Брозерс» за первые недели проката заработала на «Высшей силе» больше денег, чем на любой другой кинокартине за всю свою историю.

«Высшая сила» получилась гораздо лучше, чем сериал «Грязный Гарри», она только усилила влечение зрителей фильма к пистолету, из которого «со ста ярдов из тачки можно выбить движок».

— Но я не потому хочу тебе показать эту картину, — сказал я Джеси.

— Не потому? — удивился он.

Я поставил фильм на паузу в самом начале — когда инспектор Грязный Гарри Каллахен сходит с тротуара на залитую солнцем улицу Сан-Франциско и подходит к машине

³⁸ В российском прокате фильм также шел под названием «Убойная сила магнума».

убитой жертвы, тело которой с дырой в голове застыло в салоне. Позади Иствуда на тротуаре виден какой-то длинноволосый бородатый мужик.

— Узнаешь его? — спросил я.

— Нет.

— Это — мой брат.

И в самом деле, в кадре был виден мой брат-отшельник, которому случилось проходить по этой улице в Сан-Франциско, когда там снимали картину. Он четыре дня в диком возбуждении ехал на Запад, чтобы принять участие в каком-то религиозном ритуале, название которого у меня давно вылетело из головы. Но когда он постучал к сектантам в дверь, его туда не пустили. Тогда он купил билет на передававшуюся в живой записи программу Мерва Гриффина и вместо ритуала принял участие в ней. Потом с такой же быстротой, с какой приехал, он вернулся обратно в Торонто. Но так случилось, что в первый день, бродя по улицам города, он попал в кадр фильма.

— Это твой дядя, — пояснил я сыну.

Мы оба внимательно всматривались в экран. За всклокоченными длинными волосами и бородой было видно приятное лицо молодого двадцатипятилетнего мужчины, чем-то похожего на Криса Кристофферсона.

— А я его когда-нибудь видел? — спросил Джеси.

— Однажды, когда ты был еще маленький, он постучал к нам в дверь. Ему что-то было нужно. Я помню, как сказал тебе тогда пойти в дом.

— Почему?

Я снова взглянул на экран.

— Потому что братишка мой, — ответил я, — просто гений, когда речь идет о том, чтобы мутить воду и ссорить людей. Мне не хотелось, чтобы он наговаривал обо мне всякие гадости, когда тебе было еще только четырнадцать и ты готов был их слушать, развесив уши. Поэтому я решил держать братца от тебя подальше.

Потом мы снова вернулись к фильму. Застывший кадр исчез, действие продолжилось, и брат мой пропал с экрана.

— Но это не единственный повод, — продолжал я. — Настоящая причина заключается в том, что я моложе его, и он, бывало, пугал меня чуть не до смерти. В таких случаях дело часто кончается тем, что начинаешь ненавидеть того, кто тебя пугает. Ты понимаешь, что я хочу тебе сказать?

— Да.

— Я не хочу, чтобы такое случилось между нами, — сказал я. — Имей это, пожалуйста, в виду.

Именно эта последняя моя просьба значила больше, чем сотня извинений или объяснений.

Никакого журнала пожарного никогда не было и в помине — вся затея оказалась чистой воды жульничеством. Когда несколько недель спустя Джеси пришел на «работу», дверь была заперта, а Дэйла с приятелем-прощелыгой и след простыл. Они кинули моего парня на пару сотен долларов, но его это вроде бы не сильно расстроило. Эта работа сослужила ему свою службу в качестве первого шага на пути к достижению финансовой независимости от родителей. (Мне кажется, Джеси интуитивно понимал, что финансовая зависимость усиливает зависимость эмоциональную.)

Получить такую же работу, если не хуже, большого труда не составляло, и скоро Джеси ее нашел. Это была такого же типа контора, занимавшаяся телемаркетингом, то есть они продавали кредитные карточки бедным семьям на дальнем юге — в Джорджии, Теннесси, Алабаме, Миссисипи. На этот раз поболтать с хозяевами меня никто не приглашал. Иногда, когда Джеси вечерами возвращался домой, и голосу него был силен от разговоров и выкуренных сигарет, я, бывало, пытался его слегка поддеть.

— Объясни-ка мне, — говорил я сыну, — с чего бы это «Мастер-Кард» доверяет

молодым пацанам в бейсбольных кепках торговать кредитными карточками. До меня это не доходит.

— До меня тоже, пап, — кивал он. — Но это работает.

Все это время от Ребекки не было никаких новостей — ее никто не видел ни в клубах, ни на улицах, она не звонила, в общем, ни слуху ни духу о ней не было. Как будто у нее имелся какой-то радар, предупреждавший ее, когда Джеси поблизости, и она исчезала. «Ты никогда меня больше не увидишь», — обещала она ему и слово свое держала.

Как-то ночью я проснулся без всякой на то причины.

Моя жена спала рядом, на лице ее было такое выражение, будто она решала какую-то сложную математическую задачу. Спать мне совсем не хотелось, но почему-то я чувствовал себя беспокойно. Я взглянул в окно. Вокруг луны вился туманный ореол. Накинув халат, я спустился по ступеням на первый этаж. На диване лежала пустая коробочка из-под компакт-диска. Джеси, должно быть, вернулся домой поздно и смотрел кино, когда мы уже легли спать. Я пошел к телевизору посмотреть, что это был за фильм, и в этот момент у меня возникло какое-то нехорошее предчувствие, словно я переходил границу запретной зоны. Мне подумалось, что я могу обнаружить что-то такое, что мне совсем не понравится. Какую-нибудь мерзкую жесткую порнографию, что-нибудь, что укрепило бы меня в необходимости использовать более действенные методы воспитания сына.

Но порочность, досада, чувство надзирательского нетерпения, уж не знаю, что там еще, пересилили мою осмотрительность, и я вынул диск из видеоплеера. И что же это было? Совсем не то, что я ожидал увидеть. Джеси, оказывается, смотрел тот самый гонконгский фильм, «Чунгкингский экспресс», который мы с ним ставили несколько месяцев назад. Те кадры, где худенькая азиатская девчушка одна танцует в квартире незнакомца. Какая песня слышалась за кадром? Ах да, «Калифорнийская мечта» — заводной хит «Мам и Пап», звучавший так свежо и *круто*, как он никогда не звучал в 1960-е³⁹.

Я ощутил странную настороженность, как будто кто-то дернул меня за рукав, как будто я смотрел на что-то, но никак не мог понять, что это такое. Как бесценные марки в фильме Хичкока «39 ступеней». Что же это *было*?

Прислушавшись, я расслышал слабое пощелкивание, но где в доме находился источник звука, определить не смог. Я поднялся по лестнице — звук стал громче. На третьем этаже я уже хотел постучать в дверь комнаты Джеси (без стука посреди ночи, по-моему, не принято входить в комнату молодого человека), когда увидел сына в щель — дверь была приоткрыта.

— Джеси, — шепотом позвал я.

Он не ответил. Комната была залита зеленым светом, Джеси сидел за компьютером спиной ко мне. Из наушников у него на голове доносились звуки наподобие писка насекомых. Сын что-то писал. Я чувствовал, что вторгаюсь в личную жизнь — клик-клик, клик, клик-клик, — но очень уж она казалась одинокой: в четыре часа утра Джеси о чем-то писал какому-то парню, живущему за тысячи миль от нашего города. О чем он ему рассказывал? О рэпе, сексе, самоубийстве? И снова я представил себе, как Джеси стоит у глухой стены из скрепленных цементным раствором кирпичей, он не может на нее взобраться (там нет никакой опоры), не может сквозь нее пробиться (она очень прочная), он может ждать там вечность, чтобы что-то увидеть вверху — облако, лицо, сброшенный сверху канат.

И тут меня осенила внезапная мысль: девчушка удивительной красоты в том фильме, что смотрел Джеси — «Чунгкингский экспресс», напоминала ему Ребекку, и когда сын смотрел картину, ему снова хотелось быть с ней вместе.

Я спустился к себе в спальню, лег и уснул. Во сне я видел одну и ту же картину: мальчишку, стоящего перед глухой стеной.

³⁹ Песня группы «Мамас энд Папас» («The Mamas and The Papas»), впервые записанная в 1966 году, оригинальное название «Californian Dreamin'». — *Ред.*

На следующий день я раза три звал Джеси снизу, но он не просыпался. Тогда я поднялся к сыну наверх и легонько похлопал его по плечу. Он спал беспробудным сном. Ему понадобилось еще минут двадцать, чтобы спуститься вниз. В косых лучах восходящего солнца с деревьев опадала листва. Впечатление было немного нереальным, как будто дом стоял на морском дне. Пара кроссовок свешивалась на шнурках с линии электропередач (что за шутка глупая). Дальше по улице на проводах тоже висели кроссовки. Мимо по сметенным в кучки листьям на велосипеде проехал парнишка в красной футболке с короткими рукавами. Джеси, казалось, ни до чего не было дела.

Я хотел было ему посоветовать пойти в тренировочный зал, чтобы позаниматься спортом, но промолчал.

Джеси достал сигарету.

— Пожалуйста, не кури перед завтраком.

Сидя на стуле, он слегка подался вперед, чуть покачивая головой.

— Тебе не кажется, что мне нужно позвонить Ребекке? — проговорил он.

— Она все еще не идет у тебя из головы? (Дурацкий вопрос.)

— Я каждый день думаю о ней, каждую секунду. Мне кажется, я сделал большую ошибку.

После непродолжительной паузы я ответил:

— Мне кажется, Ребекка была для тебя как заноза в одном месте, и ты счастливо отделался от нее до того, как нажить с ней большие неприятности.

Мне было ясно, что Джеси отчаянно хочется курить, и что пока он не сделает пару затяжек, сосредоточиться на чем-нибудь ему будет непросто.

— Если хочешь закурить, — вздохнул я, — кури. Только помни, что мне от этого плохо.

Сделав затяжку, Джеси немного успокоился (мне показалось, что его лицо было бледнее обычного) и спросил:

— Мне всегда так паршиво теперь будет?

— Что? — не понял я.

— Мне теперь всегда будет недоставать Ребекки?

Я вспомнил Полу Мурс и мое собственное состояние после расставания с ней, — я тогда из-за нее за пару недель потерял двадцать фунтов.

— Это будет продолжаться до тех пор, пока ты не найдешь кого-то, кто будет тебе нравиться так же, как она, — ответил я.

— А если я себе просто подружку найду?

— Это не поможет.

— А если она будет просто хорошим человеком? Мама говорит, мне этого хватит.

Это замечание — подразумевающее вывод о том, что «хорошая» девушка заставит Джеси забыть о его влечении к Ребекке, — отражала ту сторону Мэгги, которая одновременно привлекала и сводила с ума. Эта женщина преподавала в старших классах школы в маленьком сельском поселке в Саскачеване, и когда ей было двадцать пять, она решила, что хочет стать актрисой. Мэгги бросила работу, со слезами на глазах распрощалась на станции с семьей и приехала в Торонто — за две тысячи миль от родного дома, чтобы воплотить мечту в жизнь.

Когда я впервые увидел Мэгги, она выступала в каком-то третьеразрядном мюзикле, и волосы у нее были выкрашены в зеленый цвет. Но теперь, говоря с нашим сыном о его жизни — в основном о его «будущем», — она почему-то совсем забыла о том периоде собственной жизни и давала Джеси такие нелепые и примитивные советы, что у меня это просто в голове не укладывалось. («Может быть, тебе этим летом съездить в математический лагерь?») Беспокойство Мэгги, ее озабоченность благополучием сына мутили ей разум, потому что в обычном своем состоянии она была сообразительной и вполне трезвомыслящей.

Лучшее из того, что она могла дать Джеси, был ее собственный пример, ее

демократичная доброта, наделяющая людей преимуществом сомнений, которые его отец иногда с излишней поспешностью отметал лишь одной осуждающей фразой. Иначе говоря, Мэгги знала, как подсластить Джеси пилюлю.

— Намерения твоей мамы самые лучшие, — заметил я сыну, — но в этом вопросе она ошибается.

— Ты хочешь сказать, что я присох к Ребекке? — Джеси посмотрел на меня.

— Ну, конечно, не в прямом смысле этого слова.

— А что, если я никогда не смогу никого найти, к кому бы меня так же тянуло, как к Ребекке?

Я снова подумал о Поле Мурс, расставание с которой мне обошлось в двадцать фунтов живого веса. Она была брюнеткой с необычным прикусом — такой небольшой изъязн неизвестно почему подчас придает женщине неестественную сексуальную притягательность. Господи, как же мне тогда недоставало Пола! Я извелся от тоски по ней. Меня мучили такие кошмары, что посреди ночи приходилось менять майку.

— Ты помнишь Полу? — спросил я сына. — Тебе было десять лет, когда она ушла.

— Она мне часто читала.

— Мне тогда казалось, что она будет меня преследовать всю жизнь, независимо от того, кто со мной будет. Потому что мне всегда будет казаться: *да, конечно, но все-таки она не Пола*.

— И что?

Я тщательно подбирал слова, чтобы мысль моя не звучала слишком безысходно.

— Все пришло в норму, но не с первой женщиной после нее, и не со второй и третьей. А когда это случилось, когда все как-то совпало и встало на свои места, я смог выбросить Полу из головы.

— Да, тогда ты какое-то время был как в воду опущенный.

— Ты помнишь об этом? — не поверил я.

— Еще бы.

— А что тебе запомнилось?

— Я помню, как ты ложился на кушетку спать после ужина.

— Я стал принимать снотворное, но это было большой ошибкой, — сказал я и после паузы добавил: — Тебе ведь тогда несколько раз приходилось ложиться самому, помнишь?

Я вспомнил ту кошмарную весну, слишком яркий солнечный свет, в лучах которого я как скелет тащился по парку с Джеси, который исподтишка бросал на меня испуганные взгляды. Как-то раз он взял меня за руку и спросил:

— Ну что, пап, ты теперь уже лучше себя чувствуешь, да?

Десятилетнему мальчику пришлось тогда присматривать за своим отцом. Господи!

— Я как тот парень в «Последнем танго в Париже», — сказал Джеси. — Все думаю, делала ли его жена с мужчиной в халате, который жил внизу, то же самое, что она делала с ним самим. — Я заметил неуверенный взгляд Джеси, брошенный в мою сторону. Он, видимо, сомневался, следует развивать ему эту тему или нет. — Ты как считаешь, так оно и было?

Я прекрасно понимал, о чем думает сын.

— Мне кажется, думать о таких вещах бессмысленно, — ответил я.

Но этого Джеси было недостаточно. Он всматривался в мое лицо, как будто хотел отыскать на нем какую-то малюсенькую точку. Я вспомнил те ночи, когда, лежа в кровати, пытался представить себе самые откровенные картины того, как Пола делает то, как Пола делает это... Я этим занимался, чтобы хоть как-то притупить нервный стресс, чтоб скорее дойти до предела, до такого состояния, когда меня бы уже вообще не волновало, что она делала своими пальцами, что она брала в рот, и так далее, и тому подобное.

— Избавление от мук, которые доставила тебе женщина, проходит по своему собственному расписанию. Можешь делать все, что тебе взбредет в голову: глотать таблетки, развлекаться с другими девчонками, заниматься спортом или не заниматься спортом, пить

или не пить — до времени тебе ничего не поможет. Ты от этого не сможешь избавиться *ни секундой раньше*.

Сын выглянул на улицу. Наши соседи-китайцы работали в саду, переговариваясь друг с другом.

— Мне надо дождаться, когда у меня заведется другая подружка, — сказал он.

— До этого Ребекка тебя сможет свести с ума. Не забывай об этом.

Некоторое время Джеси смотрел прямо перед собой, уперев локти в колени и думая неизвестно о чем.

— Как считаешь, может быть, мне лучше ей позвонить?

Я уже открыл рот, чтобы ему ответить, но вовремя спохватился, вспомнив о том, как пасмурным утром в начале февраля, когда Пола уже от меня ушла, на оконном стекле таяли хлопья мокрого снега и каплями стекали вниз. Мне тогда казалось, что я сойду с ума от бесконечности дня, который надо прожить. *Ты, приятель, здесь имеешь дело с чрезвычайно нежной субстанцией, и обращаться с ней надо очень осторожно.*

— Как ты считаешь, Джеси, что она в таком случае сделает?

— Что?

— Она тебя накажет. Сначала будет водить тебя за нос, голову тебе заморочит так, что тебе станет казаться, будто все уладилось, а потом резко даст от ворот поворот.

— Ты так думаешь?

— Она ведь не дурочка, Джеси. Она прекрасно знает, что тебе надо. И именно этого ты от нее не получишь.

— Мне только хочется слышать ее голос.

— Я в этом сомневаюсь, — сказал я и вдруг увидел столько горя в чертах лица сына, в обессиленной опустошенности всего его тела, что мягко добавил: — Мне кажется, ты пожалеешь, если закрутишь с Ребеккой все по новой. Ты уже почти дошел до предела.

— До какого предела?

— Того, который надо преодолеть, чтобы выбросить ее из головы.

— Нет, я еще и *близко* к нему не подошел.

— Ты уже гораздо ближе к нему, чем тебе кажется.

— Откуда ты знаешь? Мне совсем не хочется быть грубым, папа, но как ты можешь это знать?

— Потому что у меня самого так было три миллиона раз, вот откуда, — резко ответил я.

— Я никогда не смогу через это перешагнуть, — проговорил Джеси, оставаясь во власти своей печали.

Я кожей чувствовал, что, как пот маленькими каплями, источаю раздражение, и не потому, что сын задавал мне эти вопросы, а потому, что он был несчастлив, а я ничего не мог сделать, совсем ничего не мог сделать, чтобы ему стало хоть немного легче. И потому я злился на него, как будто мне хотелось ударить ребенка, который споткнулся, упал и разбил себе колено. Джеси бросил в мою сторону один из тех взглядов, которые запали мне в память со времени его детства, беспокойный и огорченный взгляд, как бы говоривший: ну вот, он снова на меня злится.

— Знаешь, — сказал я, прочистив горло, — это сродни тому, когда человек пытается бросить курить. Месяц проходит, он напивается и думает: «Какого черта я это делаю?» Где-то на половине второй выкуренной сигареты он вспоминает, почему решил завязать с курением. Но теперь он снова курит. И выкуривает еще десять тысяч сигарет, прежде чем вернуться к тому же, с чего когда-то начал, решив бросить курить.

Джеси как-то неловко, застенчиво, даже нежно положил руку мне на плечо и произнес:

— Я, пап, тоже не могу бросить курить.

ГЛАВА 10

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ я ужинал с Мэгги — загодя приехал на велосипеде к ней домой, в греческий квартал. Но после ужина, после выпитого вина мне не хотелось ехать обратно в город через мост на велосипеде, выписывая спьяну на дороге кренделя, поэтому вместе с велосипедом я потащился домой на метро.

Дорога домой много времени не занимала — всего минут десять — пятнадцать, но мне приходилось проделывать этот путь так часто, что он казался мне очень медленным, и я досадовал на себя за то, что не взял с собой никакой книги. Я смотрел на собственное отражение в оконном стекле, на входивших и выходивших пассажиров, на пролетавшие мимо стены туннелей и вдруг увидел... Кого бы вы думали? Полу Мурс, которая сидела с другой от меня стороны прохода через пять или шесть человек. Уж не знаю, сколько времени она там сидела, — я не заметил, когда она вошла. Некоторое время я пристально разглядывал ее профиль, остренький нос, выдающийся вперед подбородок. (Кто-то сказал мне, что она уладила проблемы с зубами.) Волосы у Полы теперь были длиннее, но в общем она почти не изменилась, осталась такой же, какой была, когда сказала мне те жуткие слова: «Я склоняюсь к мысли о том, что не люблю тебя...» Что за фраза такая корявая! Как она только умудрилась найти такие слова?

Примерно шесть месяцев, может быть, около года, точно уже не помню, я ощущал отсутствие Полы как острую зубную боль. У меня с ней посреди ночи случались такие интимные моменты, мы о таких вещах говорили, такое друг с другом вытворяли... а теперь оба сидели в одном вагоне метро, и сказать нам друг другу было нечего. Будь я моложе, мне бы такая ситуация, наверное, показалась трагичной, а теперь я воспринимал это — как бы выразиться точнее? — как будничную прозу жизни. Ничего в этом не было фантастического, ничего печального, обидного или праздничного, все было по-деловому обыденно. Магия встреч и расставаний с людьми, возникающими в вашей жизни и исчезающими из нее, на деле оказывается вовсе не такой таинственной, как могло бы показаться на первый взгляд. (Людям ведь надо куда-то уходить.)

И как мне объяснить это Джеси (какая-то индианка встала и вышла на станции Бродвью), как мне помочь ему пережить несколько следующих месяцев, может быть, год, перед тем, как он проснется однажды утром и вместо того, чтобы думать об утрате Ребекки (чувствовать эту зубную боль), зевнет, заложит руки за голову и подумает: «Сегодня надо сделать еще один ключ от дома. Ведь нельзя же жить, когда у тебя только один ключ, так и на неприятность можно нарваться». Совершенно банальная мысль, несущая с собой освобождение («Не забыл ли я закрыть окна на первом этаже?»), как будто прошла боль от ожога, и даже память об этой боли почти стерлась, так что уже не помнишь, даже пальцем показать не можешь, где именно так долго было больно, из-за чего весь сыр-бор разгорелся или кто и что делал с ее телом («Это же надо! Смотри-ка, соседи у себя новую березу сажают»).

Как будто вдруг оборвалась якорная цепь (и не можешь точно вспомнить, где ты был и что делал), и внезапно замечаешь, что мысли твои вдруг снова стали твоим достоянием. И кровать больше не пустая, а просто твоя — твое место, где ты можешь спать, читать газету или... Господи, так что же я *собирался* сегодня сделать? Ах да, ключ мне надо сделать от входной двери! Точно.

Как мне добиться, чтобы Джеси дошел до такого состояния?

Бросив взгляд на соседних пассажиров (со своего места поднялась молодая женщина, которая ела картофельные чипсы из пакетика), я заметил, что Полы в вагоне уже нет. Она вышла на предыдущей остановке. Не без доли удивления я понял, что на некоторое время вообще забыл о ее существовании — мы вместе миновали темные туннели, когда наши мысли были заняты *чем-то другим*. Что мы — причем я был уверен, что это относится и к ней, — уже привыкли с безразличием относиться к присутствию друг друга, и уже через пять минут наши мысли снова занимали обычные будничные дела. Как могло так случиться? *Почему?* Странно. Пожалуй, именно это слово здесь самое правильное. Но даже эта мысль пеня почти тут же перестала занимать. Уже когда я шел по платформе, катя велосипед, мне

вдруг бросилось в глаза, что у той девушки с картофельными чипсами на зубах были ортодонтические скобки. Она ела с открытым ртом.

Как-то раз Джеси проснулся до полудня, и я решил отметить это событие просмотром фильма «Доктор Ноу» — первой картины о Джеймсе Бонде. Я попробовал объяснить сыну тот восторг, который вызвали фильмы о Бонде, впервые вышедшие на экраны в середине 1960-х годов. Они тогда казались на удивление цивилизованными, изысканными, но отнюдь не целомудренными. Когда зритель очень молод, кинокартины порой оказывают на него своеобразное действие — он воспринимает зрительные образы более непосредственно, чем взрослые. И относится к ним так, как в более зрелом возрасте уже относиться не может.

Когда я теперь хожу в кино, мне кажется, я обращаю внимание на массу разных вещей: на мужчину, который о чем-то говорит с женой через несколько рядов от меня; на кого-то, кто доел воздушную кукурузу, смял пакет и выбросил его в проход. Я слежу за тем, как отредактирован текст диалогов, подмечаю недостатки и ошибки посредственных актеров. Иногда, когда показывают сцену со многими статистами, я задаю себе вопрос о том, все ли они настоящие актеры, нравится ли им быть статистами или их гложет зависть к тем, кто играет ведущие роли? Так, в самом начале «Доктора Ноу» в сцене, происходящей в центре связи, играет молодая девушка. Она говорит там всего пару предложений, и больше я ни в одной роли ее никогда не видел. Я спрашиваю себя о том, что происходит потом со всеми этими статистами в массовках, участвующими в съемках приемов и балов, — как потом складывается их жизнь? Или они перестают сниматься и меняют профессию?

Такие вопросы, такие мысли отвлекают меня от фильма. В былые времена можно было рядом со мной стрелять из пистолета, но даже это не нарушило бы напряженного внимания, с которым я следил за разворачивавшимися передо мной на экране событиями. Я возвращаюсь к старым фильмам не просто, чтобы снова их посмотреть, а в надежде на то, что ко мне вернется то же чувство, с которым я смотрел их когда-то в первый раз. (Это касается не только кино, это относится ко всей моей жизни.)

Джеси поднялся на нетвердых ногах по ступеням крыльца. На дворе снова стоял ноябрь, еще несколько дней — и моему сыну исполнится восемнадцать лет. Как же так получается? У меня возникло такое ощущение, что мы празднуем его день рождения каждые четыре месяца, как будто время подгоняет меня большой метлой к могиле.

Я спросил Джеси, как прошел у него вечер. Да так, ничего особенного, все вроде бы в порядке. Заскочил к приятелю. Вот так. К какому приятелю? Пауза.

— К Дину.

— Что-то раньше ты мне ни про какого Дина не рассказывал.

— Просто кореш один.

Кореш? (Иногда, когда слышишь странные выражения, так и подмывает вызвать полицию.)
Сын, очевидно, понял мое состояние по тому, как я на него посмотрел.

— И чем вы там у него занимались?

— Ничего особенного мы не делали. Так, телевизор смотрели. Скучновато было.

В его ответах звучала странная интонация, которая казалась помехой тому, чтобы высветить что-то лишнее на экране радара, чтобы не дать прищипить на булавку бабочку разговора. По тротуару прошла женщина, лицо которой состарилось до времени.

— Ей бы волосы надо покрасить, — заметил Джеси.

— Мне кажется, с тобой сегодня что-то не то творится, — с тревогой сказал я. — Что ты пил вчера вечером?

— Пива немного.

— А что-нибудь покрепче?

— Да, слегка поддали.

— Что именно?

— Текилу.

— Похмелье после текилы тяжелое, — сочувственно произнесся.

— Это точно.

Мы снова некоторое время молчали. Странный день выдался, словно оцепеневший. Небо все белесое, точно доска обструганная.

— А наркотики в этот вечер текилы тоже присутствовали?

— Нет, — коротко ответил Джеси, как будто к нему это не имело никакого отношения, и добавил: — Да, и наркотики были.

— Какие наркотики, Джеси?

— Мне не хочется тебе врать, понимаешь?

— Понимаю.

Пауза. Нервы на пределе. Потом как удар наотмашь:

— Кокаин.

Женщина со старушечьим лицом прошла обратно, держа в руке небольшой пластиковый пакет с купленной едой.

— Я так себя мерзко чувствую, — признался Джеси. Несколько мгновений мне казалось, что он расплачется.

— Да, после кокаина часто себя чувствуешь отвратительно, — мягко сказал я и положил руку на его худое плечо.

Он быстро распрямылся на стуле, как будто его имя выкликнули по списку.

— Да, вот именно. Я себя чувствую отвратительно.

— И где это происходило? У Дина?

— Его зовут не Дин. — Пауза. — Его зовут Чу-чу.

Что это еще за имя такое, черт побери?

— Чем же, интересно, этот Чу-чу себе на жизнь зарабатывает? — любопытствовал я.

— Он — белый рэпер.

— Неужели?

— Да. Точно.

— Он работает музыкантом?

— Не совсем.

— Он, значит, наркотой приторговывает?

Снова пауза. Уже распущенные было по домам войска снова встают в строй.

— Я зашел к нему вчера вечером. А у него всегда что-нибудь есть.

— И часто ты к нему так навещаешься?

Джеси устремил взор через окно на улицу.

— Ты бывал у этого Чу-чу раньше?

— Мне сейчас совсем не хочется говорить на эту тему, — сказал сын.

— Мне плевать, хочется тебе сейчас говорить на эту тему или нет. Ты заходил к этому Чу-чу раньше?

— Нет. Честно.

— А кокаином раньше баловался?

— Ну, не так.

— Не *так* ?

— Нет.

Я перевел дыхание и спросил:

— Разве мы с тобой раньше об этом не говорили?

— О коксе?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — ответил я.

— Да, знаю.

— Что, если я тебя поймаю на наркоте, все наши договоренности отменяются. И плата за квартиру, и карманные деньги, со всем этим будет покончено. Ты помнишь об этом?

— Да.

— Или ты думаешь, я тогда с тобой шутики шутил?

— Нет, пап, но в одном ты не прав. Ты меня не *поймал*. Я сам тебе сказал об этом. На это заявление я сразу не нашелся, что ответить. Через некоторое время я спросил:

— Ты звонил кому-нибудь?

Вопрос Джеси явно удивил.

— Откуда ты знаешь?

— Люди обычно так поступают, когда нанюхиваются кокаина. Они звонят по телефону. А потом всегда об этом жалеют. Кому ты звонил? Ты звонил Ребекке?

— Нет.

— Джеси!

— Я пытался. Ее не было. — Он подался на стуле вперед. — Сколько это еще будет продолжаться?

— Сколько времени ты эту дрянь нюхал?

— Всю ночь. Он все время новую приносил.

Я вошел в дом, из шкафа — из ящика, где лежат носки, — взял таблетку снотворного и вынес ее Джеси со стаканом воды.

— Запомни, — предупредил я, — ты это сделал в первый и последний раз. Повторишь снова, и тебе так худо будет, что мало не покажется.

Я дал сыну таблетку и велел ее проглотить.

— Что это? — Джеси взглянул на меня.

— Пусть тебя это не волнует. — Я подождал, пока он примет таблетку, немного придет в себя и сказал: — Сейчас мы с тобой не будем это обсуждать. Ты понял, что я сказал?

— Да.

Я сидел с ним, пока он совсем не стал засыпать под действием таблетки. От такого сидения у него развязался язык.

— Помнишь, что там говорили в том документальном фильме, «У подножия вулкана»? — проговорил он. — Когда консул рассказывает, как слышит с похмелья, что проходящие у него под окном люди с презрением произносят его имя?

Я сказал, что помню.

— Сегодня утром у меня случилось то же самое, — продолжал он. — Сразу как проснулся. Ты не думаешь, что я кончу так же, как тот парень?

— Нет. Сейчас не время это пережевывать.

Через некоторое время Джеси пошел к себе наверх. Я проводил его и на пороге в комнату сказал:

— Когда проснешься, настроение у тебя будет подавленное.

— Ясно. Ты злишься на меня?

— Да. Очень.

На следующий день с утра я слонялся по дому — места себе не находил. Джеси спустился вниз, когда уже начало темнеть. Он был голоден как волк. Мы заказали еду в «Суисс Шале»⁴⁰. Когда с ней было покончено, Джеси стер жир с губ, с пальцев и рухнул на кушетку.

— Я вчера наговорил здесь тебе всяких глупостей, — сказал он и тут же продолжил, как будто ему доставляли удовольствия те мучения, которые он при этом испытывал. — Мне там некоторое время казалось, что я стал рок-звездой. — Он застонал. — У тебя когда-нибудь такое случалось?

Я не ответил. Мне было ясно, что ему хотелось привлечь меня на свою сторону, превратив в соучастника. Но мне было не до игр.

— Когда я ушел от Чу-чу, уже светало, — продолжал Джеси. — У него все завалено коробками из-под пиццы, квартира у него вся загажена, уж извини, вся в дерьме, настоящая

⁴⁰ «Суисс Шале» («Swiss Chalet») — сеть ресторанов в Канаде и США, специализирующихся на блюдах из жареной курицы и копченом мясе на ребрышках. Первое заведение под этой вывеской появилось в Торонто в 1954 г.

помойка. Я взглянул там на себя в зеркало. Знаешь, в чем я был? У меня на голове была повязана дурацкая бандана. — Он на секунду задумался, потом проговорил: — Только маме не говори, ладно?

— У меня, Джеси, от твоей матери секретов нет. Если ты мне о чем-то говоришь, я рассказываю об этом ей.

Он воспринял эту новость спокойно, слегка кивнув головой. Не удивился ей и не стал противиться. Не знаю, о чем он тогда думал. Может быть, вспоминал, что наплел мне вчера вечером, какие позы нелепые принимал, делал какие-то пустые жесты, которые лучше было бы оставить при себе. Но мне хотелось как-то утешить сына, помочь ему выбросить из головы воспоминания о коробках из-под пиццы, загаженных квартирах и все те мерзкие мысли, которые он передумал о самом себе, когда на рассвете возвращался на метро домой, а все вокруг него чувствовали в себе после пробуждения новые свежие силы, нужные им для наступавшего дня. Мне хотелось вывернуть Джеси наизнанку и промыть все его нутро теплой водой.

Но насколько хорошо он чувствовал себя *там*, подумал я, этот мальчик, ходящий вразвалку. Разве я могу себе представить, на что, *действительно*, похожи комнаты в том доме? Мне кажется, я могу это себе вообразить, но иногда, прислушиваясь к тону Джеси, когда он разговаривает по телефону внизу, мне слышится в его голосе какая-то отчужденность, резкость, иногда даже грубость, и я себя спрашиваю: он это или не он? Или это поза у него такая? А может быть, поза — то лицо, которое он обращает ко *мне!* Кем был тот парень, нанюхавшийся кокаина в той загаженной квартире, которому казалось в наркотическом бреду, что он рок-звезда? А *этого* парня я когда-нибудь видел?

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказал я и подошел к телевизору.

Совсем слабым голосом, таким слабым, что, кажется, он уже сам по себе просит избавить его хозяина от неприятностей, голосом, в котором криком кричит боязнь того, что первый встречный ударит его по лицу, Джеси произнес:

— Пап, мне кажется, я сейчас не в состоянии ничего смотреть.

— Я знаю, сейчас тебе не до этого. Поэтому я тебе покажу только *одну* сцену. Из итальянского фильма. Любимого фильма моей матери. Она все время слушала музыку из этого фильма, когда мы уезжали на лето за город. Я возвращался с причала, слышал эту музыку, доносившуюся из нашего домика, и знал заранее, что мама сидит на обтянутой сеткой от комаров веранде, потягивает джин с тоником и слушает эти записи. Я всегда думаю о ней, когда слышу эту музыку. И всегда мне становится теплее на душе — уж не знаю почему. Должно быть, у нас тогда хорошее лето выдалось.

В любом случае, мне хочется показать тебе самую последнюю сцену из этого фильма. Мне кажется, ты сразу поймешь почему. Этот парень, герой фильма — его играет Марчелло Мастоаянни — пил, блудил и ночь за ночью изгаживал себе жизнь. Действие картины кончается при восходе солнца на пляже, где зритель видит и некоторых других гостей той попойки, с которой он туда пришел. Ты мне напомнил об этом, рассказав о коробках из-под пиццы, валявшихся по всей квартире этого Чу-чу. Вот здесь он с перепоя на пляже в том же самом костюме, в котором был на вечеринке, он слышит, как его зовет девушка. Он смотрит на нее, видит ее, но не слышит, что она говорит. Она так прекрасна, так чиста, она как воплощение моря на восходе солнца в безоблачный день, может быть, она даже как-то несет в себе его детство. Мне хочется, чтобы ты посмотрел эту сцену, но помни: этот парень, который только тем и занимается, что тусуется на вечеринках, уже миновал апогей жизни, он уже катится под гору и знает об этом. И девушка на пляже тоже об этом знает. Но *твоя* жизнь сейчас только начинается, она еще вся впереди, и от тебя зависит, какой она станет.

Я поставил сыну «Сладкую жизнь» Федерико Феллини, прокрутил фильм до последней сцены, где Мастоаянни идет по песку, а девушка что-то ему кричит, стоя в воде в пятидесяти ярдах от него. Он пожимает плечами и делает жест руками, означающий, что не слышит ее слов. Потом он уходит прочь — его ждут приятели. Он машет девушке рукой в знак прощания, делает он это как-то скованно, у него даже пальцы немного сжаты. Словно рука у

него отсохла. Словно *он сам* весь усох. Девушка смотрит, как он уходит прочь; она все еще улыбается — сначала по-доброму, с пониманием, но потом улыбка ее становится жесткой. Кажется, она говорит: ну, что ж, если ты так хочешь, пусть будет по-твоему. И тут она очень медленно оборачивается и пристально смотрит прямо в камеру, как будто взгляд ее спрашивает зрителя: а как твоя жизнь сложилась?

— Единственное, что я тебе хочу сказать о кокаине, — произнес я, — после него дело всегда кончается именно этим.

На следующее утро мы посмотрели «Эту замечательную жизнь». Я знал, что сначала картина его взбесила — слишком импульсивная манера игры актеров, ее фальшь, восхитительная самоуверенность Джеймса Стюарта. От всего этого Джеси мутило. Особенно в таком состоянии, когда он видел мир — как мы это называли в его возрасте? — как что-то вроде «стартовой площадки для космических сделок».

Но когда экран погаснет и во тьму уйдет Джеймс Стюарт (он там как главный возмутитель спокойствия, как человек, способный выплеснуть другому в лицо содержание бокала на годовщине свадьбы ваших родителей), Джеси сам вопреки себе поймет, в чем там дело. Ему надо знать, чем это кончается, ему это надо знать ради себя самого, потому что к тому времени история на экране станет *его собственной* историей. Да разве могут кого-нибудь — даже подавленного парнишку, страдающего от похмелья после текилы и кокаина, — оставить безучастным заключительные кадры фильма?

Джеси нашел себе работу мойщика посуды в ресторане на авеню Сент-Клер, в том самом районе, где прошло мое детство. Это место он получил благодаря младшему повару, высокому краснощекому пареньку. Какому-то Джеку. «Рэперу». (Казалось, все, с кем Джеси общается, ничем, кроме рэпа, не увлекаются.) Я до сих пор не знаю его фамилию, но иногда после вечерней смены он вместе с Джеси заходил к нам в китайский квартал. Из подвала тогда скороговоркой доносился неразборчивый речитатив — это ребята так изображали крутых рэперов. Отрывочные слова никчемных стишков (по большей части у кого-то заимствованных) были до противного грубыми и вульгарными. Но ведь надо же, мне кажется, с чего-то начинать. Исполнять «Я хочу держать тебя за руку»⁴¹ им не имеет никакого смысла.

Я никак не думал, что Джеси проработает на мытье посуды больше четырех дней. *Un plongeur*.⁴² Не скажу, что он легко пасовал перед жизненными трудностями или был чем-то похож на маменькиного сынка, но у меня просто в голове не укладывалось, что он моет посуду в ресторане. Ниже этой должности в иерархии ресторанных работ ничего не бывает, потому что восемь часов в день надо тереть сальные тарелки и подгоревшие кастрюли со сковородками. Я просто не мог себе представить, как мой сын утром просыпается, одевается, едет в ресторан на метро и до полуночи этим занимается.

Но, как часто бывает с собственными детьми, я снова ошибался. Вам кажется, что вы знаете их лучше, чем кто бы то ни было другой, потому что вы видели, как все эти годы они поднимались с постели и сходили вниз по ступенькам, вы укрывали их по ночам, когда они скидывали с себя во сне одеяло, видели их печальными, счастливыми, беззаботными, беспокойными, — но это еще не значит, что вы их знаете. По крайней мере, у них всегда за душой найдется что-то, о чем вы даже не подозревали.

Примерно через шесть недель случилось то, во что мне трудно было поверить: как-то днем Джеси проснулся, пошатываясь, протопал в присущей ему пеликанистой манере на кухню и радостно заявил:

— Меня повысили в должности.

Как выяснилось, Джек перешел в другой ресторан, и Джеси перевели на место его

⁴¹ Песня группы «Битлз», впервые записанная в 1963 г., оригинальное название «I Want to Hold Your Hand».

⁴² Мойщик посуды (фр.).

приятеля. Мне сразу стало как-то спокойнее за сына. Трудно сказать почему. Может быть, просто потому, что, когда подпирало, он мог справиться с самой паршивой работой и даже добиться в ней успеха. (В отличие от его отца.)

Пришла зима, ранние сумерки заволакивали окна теменью. Посреди ночи я заметил, как соседние крыши пудрит легкий снежок. Дома становились похожими на посыпанную сахарной пудрой выпечку в витрине кондитерской. Если после полуночи припозднившийся пешеход проходил мимо подвальных окошек моего дома, до него должны были доноситься сердитые голоса двух долговязых парней, которые днем работали поварами, а по ночам превращались в рэперов, пересыпавших речь ругательствами детей, выросших в гетто, колющихся героином, грабящих магазины, торгующих оружием. Как будто папочки у них наркотой торгуют, а мамочки — шлюхи, на которых пробу ставить негде. Прекрасный портрет счастливого детства! (Отец Джека как обращенный ревностный христианин регулярно ходит в церковь.)

С того места, где я стоял у лестницы, ведущей в подвал (в принципе, не собираясь подслушивать), я не мог не заметить, что доносившиеся снизу звуки стали — как бы это лучше выразить? — звучать убедительнее. Джеси и Джек как-то умудрились добиться нужного эффекта, эти неуклюжие мальчишки в своей обвисающей одежде. Господи, подумал я, может быть, у сына есть талант?

Как-то в ясную морозную ночь из подвала вдруг стали раздаваться звуки, в которых звучал восторг. Громкая музыка, резкие голоса. «Растрепанная ностальгия» (так они стали себя теперь называть) дерзкой струей рвалась из тесного подвала бейсбольными кепками, банданами, приспущенными штанами, солнечными очками и свитерами с капюшонами. Два никчемных неудачника впервые вступили на путь, ведущий на подмости.

Можно мне было как-то к ним присоседиться?

Шанса не было. Ни одного даже самого *занюханного* шанса не было.

Они куда-то намылились, Джеси прошел мимо меня, запрокинув голову немного назад, как, бывает, делают чернокожие ребята, выясняя отношения с полицейскими в Лос-Анджелесе.

Вскоре, видимо, у них состоялось еще одно выступление, а потом еще несколько в грязных клубах с низкими потолками, где табачный дым стоял коромыслом.

— Как тебе нравятся наши стихи? — однажды спросил меня Джеси. — Я знаю, ты слушал, когда мы пели.

Я ждал от него этого вопроса уже несколько недель. Мне осталось только закрыть глаза (образно выражаясь) и броситься со скалы в омут.

— Мне кажется, они отличные. (Надо полить цветок и сохранить для себя Т. С. Элиота.)

— Правда? — Взгляд карих глаз сына недоверчиво блуждал по моему лицу.

— Можно мне тебе кое-что предложить? — спросил я.

Физиономия Джеси подозрительно омрачилась. Дальше надо двигаться осмотрительно. О таких вещах люди помнят — и пишут об этом — пятьдесят лет спустя.

— Может быть, — посоветовал я, — тебе лучше писать о чем-то, что тебе ближе по жизни?

— О чем, например?

Я сделал вид, что на минуту задумался. (Эту сцену я уже отрепетировал.)

— О том, например, что ты глубоко прочувствовал.

— Что именно ты имеешь в виду?

— Ну, например, Ребекку Нг.

— Что?

— Напиши о Ребекке.

— Ну, пап.

Эти слова он произнес таким тоном, словно обращался к поддавшему дядюшке,

который хочет взять единственную в семье машину, чтобы погонять на ней по пустынным ночным улицам.

— Ты ведь знаешь, Джеси, что по этому поводу говорил Генри Миллер. Если хочешь избавиться от женщины, преврати ее в литературу.

По прошествии двух недель я снова что-то делал неподалеку от лестницы, ведущей в подвал, и услышал, как Джеси и Джек обсуждали, куда идти выступать в тот вечер. Речь шла о ночном представлении (вместе с полудюжиной других номеров) в той дыре, куда лет тридцать назад я ходил снимать девочек.

Я дождался половины двенадцатого, потом вышел на морозный воздух. Прошел через парк (чувствуя себя вором), миновал китайский квартал (где повсюду был навален мусор, в котором копошились кошки), потом дошел по улице почти до самого входа в клуб. Группа молодых парней топталась под дверью. Они курили, выдыхая дым из легких в ночной воздух, грубо смеялись и плевали на тротуар. Они все плевались как верблюды.

И вдруг я там увидел сына, он был на голову выше почти всех своих приятелей. Я тихо зашел в кафе на другой стороне улицы, откуда можно было незаметно наблюдать за происходившим. В субботний вечер в китайском квартале зеленым электричеством горели драконы, шныряли кошки, безобразные вывески круглосуточных забегаловок отбрасывали неоновые тени на асфальт. На другой стороне улицы перед Миссией Скотта⁴³ собирались закутанные в одеяла городские бездомные.

Прошло пять минут. Потом еще пятнадцать. Один из парней пригнулся — казалось, он говорит с кем-то, стоявшим на ступеньках в помещении клуба. Потом появился Джек, парнишка с лицом херувима. На морозе было видно дыхание ребят, они чуть дрожали от холода. Потом вдруг все заспешили внутрь, последний из компании щелчком отправил окурок изящной дугой на проезжую часть.

Я подождал, пока все они войдут в здание, потом перешел на другую сторону улицы. Озираясь, поднялся по лестнице — наверху даже воздух был другой. С каждым шагом он становился теплее и все больше отдавал щенками и застоявшимся пивом. Из дальней комнаты доносились звуки какой-то музыки в записи. Выступление еще не началось. Я решил подождать, пока не станут играть, а потом проскользнуть внутрь. Поднявшись наверх, я завернул за угол. Звонивший кому-то с платного телефона молодой человек взглянул мне прямо в глаза. Это был Джеси.

— Я тебе перезвоню, — сказал он, повесил трубку и повернулся ко мне. — Пап, — произнес он укоризненно, потом с улыбкой подошел ко мне, загородив путь в зал. Я глянул ему через плечо.

— Это то самое место? — спросил я.

— Сегодня тебе не надо туда идти, пап. Как-нибудь в другой раз, только не сегодня. — Джеси ненавязчиво меня развернул, и мы стали спускаться по ступенькам.

— Кажется, здесь играли «Роллинг Стоунз», — сказал я, с надеждой глядя через плечо, но тяжелая рука сына (какой же он сильный!) вела меня вниз и дальше из клуба, пока мы не вышли на улицу.

— Я что, даже на одну песню не могу остаться? — чуть не взмолился я.

— Пап, я тебя люблю, но сегодня не твоя ночь, — ответил Джеси. (Кажется, я уже слышал конец этой фразы от Брандо в картине «В порту», когда он говорил с братом на заднем сиденье автомобиля.) — Как-нибудь в другой раз, я тебе обещаю.

Войдя в спальню минут двадцать спустя, я услышал, как в темноте заворочалась жена.

— Ну, что, прищучили тебя там? — спросила она.

⁴³ Миссия Скотта (*Scott Mission*) — христианская организация, созданная в Торонто в 1941 г. Моррисом и Энни Цайдман для помощи нищим, бездомным и одиноким людям всех возрастов. Каждую ночь Миссия бесплатно предоставляет ночлег пятидесяти нуждающимся, кормит сотни людей в своей столовой, раздает продукты, детские игрушки и т. п.

ГЛАВА 11

КАК-ТО ВЕЧЕРОМ ДЖЕСИ СЛУЧАЙНО СДЕЛАЛ ОДНО ЛЮБОПЫТНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ. Мы тогда возвращались домой с ужина и задержались на минуту перед невзрачным одноэтажным домом, где жили, когда Джеси был еще совсем маленьким мальчиком с рыжеватой шевелюрой. Он в то время дружил с девочкой-ровесницей, жившей ниже по улице.

— Ты когда-нибудь сюда заглядываешь? — любопытствовал я.

— Нет. С тех пор, как сюда въехали другие люди, я не люблю здесь бывать. Мне всегда кажется, что наш дом кто-то захватил.

Небольшой дом практически не изменился — он был таким же кособоким, кое-где в изгороди не хватало штакетника.

— Никогда не думал, что он такой маленький, — сказал Джеси.

Мы постояли там еще некоторое время, поговорили о его маме и о том случае, когда его задержали за то, что он разрисовывал стену школы, находившейся на другой стороне улицы. Потом, погруженные в воспоминания, мы двинулись в южном направлении домой.

В тот вечер под впечатлением нашего разговора я заскочил в магазин и взял напрокат диск с фильмом «Американские граффити». Я не стал говорить сыну, о чем этот фильм, так как был уверен, что Джеси захочет посмотреть картину, а потом начнет выступать, заявляя, что она «слишком старая». Сам я не смотрел «Граффити» лет двадцать и немного опасался, что обаяние фильма и его легкость со временем поблекли. Но я ошибся. Фильм на самом деле чарующий и более глубокий, чем мне казалось раньше. (Хорошие картины дают больший простор мыслям, чем я думал, по крайней мере, тот процесс, в ходе которого они создаются.)

«Американские граффити» не просто рассказ о компании ребят в субботний вечер. Там есть потрясающий момент. Когда молодой Ричард Дрейфусс заходит на местную радиостанцию, он замечает, как Вольфман Джек скрипучим голосом рутинно что-то долдонит. Дрейфусс вдруг понимает, что такое *настоящий* центр вселенной: это не некое физическое место, а воплощение желания о том, чтобы быть в центре событий; иначе говоря, не то пространство, куда можно *пойти*, а скорее то место, где хочется *быть*. И мне очень понравились слова парня, который любит гонять на машине, о том, как он заливает полный бак бензина, чтобы со свистом пронестись по городу, но город теперь кончается через пять минут. Сам того не понимая, он говорит о том, как кончается детство. Но эти слова меняют значение, если взглянуть на это под другим углом зрения. (С тех же позиций, с которых Джеси смотрит на наш старый дом.)

Мне не хотелось тратить много слов на параллели, которые можно провести, сравнивая Пруста с «Американскими граффити», но как еще можно относиться к той чудесной девушке, которая постоянно появляется и исчезает в «тандерберде» и постоянно не то манит, не то дразнит Дрейфусса, следящего за ней краем глаза? Единственным сравнением здесь могут служить мысли Пруста о том, что обладание и желание — понятия, взаимно исключают друг друга, что девушка, которая хочет быть *единственной*, всегда должна оставаться недоступной.

— Пап, а ты согласен с тем, что нельзя одновременно иметь женщину и хотеть ее? — спросил Джеси.

— Нет, не согласен. Но я тоже так думал, когда был в твоём возрасте. Если я какой-нибудь девушке слишком сильно нравился, мне трудно было относиться к ней серьезно.

— Что же изменилось?

— В частности, мое чувство благодарности, — ответил я.

Джеси уныло рассматривал пустой экран телевизора.

— Получается, что Ребекка Нг как та девушка в «тандерберде», так?

— Да, но не забывай, что эта палка о двух концах. Вот прежняя твоя подружка Клэр

Бринкман, та, которая все на роликах раскатывала. Как она к тебе относится после того, как ты ее отфутболил?

— Как к парню на «тандерберде»?

— Не исключено.

— Пап, но это же не значит, что если бы я с ней не расстался, то перестал бы ей нравиться?

— Это значит, что невозможность быть с тобой вместе делала тебя для нее гораздо более привлекательным, чем если бы вы были вместе.

Он снова о чем-то задумался.

— Не думаю, что Ребекку Нг беспокоит, могу я быть с ней или нет.

— Будем надеяться, что нет, — сказал я и перевел разговор на другую тему.

Однажды я задал Дэвиду Кроненбергу вопрос о том, были ли в его жизни такие удовольствия, испытывая которые он чувствовал бы угрызения совести — греховные радости, которые, тем не менее, нравились бы ему. Я намекнул, что в ответ мне бы хотелось услышать что-то вроде слабости к героине Джулии Робертс в фильме «Красотка». Сам по себе этот фильм малоубедителен, но рассказанная в нем история обезоруживающе действенна. Одна симпатичная сцена перетекает в другую, и когда фильм захватывает зрителя, оторваться от экрана становится просто невозможно. Ни секунды не раздумывая, Кроненберг ответил:

— Христианские передачи по телевидению.

Его привораживали речи проповедников с одутловатыми лицами, произносимые перед многолюдной толпой.

Немного опасаясь того, что кино клуб начал немного «замыливаться» (мы посмотрели пять фильмов режиссеров французской новой волны⁴⁴ подряд), я набросал список такого рода двусмысленных удовольствий на нашу первую неделю февраля. Еще мне хотелось, чтобы Джеси научился отличать подлинные произведения искусства от пошлой вульгарности картин, сделанных на потребу толпы. Но чтобы это получилось, нужно было учиться.

Мы начали с «Рокки 3». Я привлек внимание сына к дешевому, но неотразимому волнению, в которое зрителя приводит то, как потеет Мистер Ти, отжимающийся и подтягивающийся в своем грязном, маленьком, ветхом помещении. Здесь даже не пахнет коврами приглушенных оттенков и кофе с молоком по итальянским рецептам, который так нравится голубым! Потом мы посмотрели мрачный фильм с Джином Хэкманом «Ночные ходы», в котором восемнадцатилетняя Мелани Гриффит играет роль похотливой нимфетки. Глядя на нее с некоторого расстояния, ее «старший» приятель замечает, обращаясь к Хэкману: «Надо следовать закону». На что Хэкман бесстрастно отвечает: «Мы ему и следуем».

За этим фильмом в нашей программе шла картина «Ее звали Никита». Невероятная история об очаровательной наркоманке, которая стала профессиональной убийцей, работающей на правительство. Но в этом фильме все-таки есть элемент зажигательной притягательности, может быть, поэтому от его просмотра нельзя оторваться. Люк Бессон был тогда молодым, но уже именитым французским режиссером, интуитивно определяющим тот ракурс съемок, который позволял достичь максимального визуального эффекта; и он достигал этот эффект с такой выразительностью, что ему можно простить неубедительность и надуманность самого сюжета.

Достаточно посмотреть начало фильма: три парня идут по улице, волоча за собой

⁴⁴ Французская «новая волна» (*La Nouvelle Vague*) — направление в кинематографе Франции конца 1950-х и 1960-х гг. Представителями «новой волны» стали, прежде всего, молодые режиссеры, ранее имевшие опыт работы кино критиками или журналистами. Они были против далеких от реальности коммерческих фильмов и нередко прибегали в кинематографе к экспериментам и радикальным для того времени приемам. — *Ред.*

приятеля. Эпизод чем-то напоминает рок-н-рольный клип, снятый в галлюциногенной манере, напоминающей картину «Ровно в полдень» с Гэри Купером. И пальба там впечатляющая: когда идет сцена перестрелки в аптеке, зритель почти физически ощущает, как вихрится воздух при полете пули.

Но фильм «Ее звали Никита» нам служил только для разогрева. Теперь мы были готовы к такому типу постыдных удовольствий, к такой низкопробной дряни, что стыдно становилось смотреть ее у себя дома. Отдающий похотью, глупый и низкопробный фильм «Шоугёлз» относится к разряду тех картин, в отношении которых двух мнений быть не может. Просмотрев такое кино, зритель в недоумении качает головой: до чего, задается он вопросом, *в принципе* может докатиться девушка, о которой рассказано в этой истории, покинувшая дом (и еще какой дом!), чтобы стать в Лас-Вегасе стриптизеркой? Денег там, конечно, куры не клюют для тех, кого это волнует, но под конец фильма вам уже не до этого. Это просто не может вас больше волновать.

— «Шоугёлз», — сказал я Джеси, — какая-то кинематографическая нелепость, постыдное удовольствие без единого хорошего сыгранного эпизода.

Когда фильм «Шоугёлз» вышел на экран, критики и зрители встретили его в прямом смысле возгласами недоумения, издевками и насмешками. Картина погубила карьеру исполнительницы главной роли Элизабет Беркли еще до того, как она началась; уже известный актер Кайл Маклахлан («Синий бархат») существенно подмочил себе репутацию похотливыми взглядами и тем, как он нетерпеливо теревит себя за ус в роли «руководителя увеселений». Буквально на следующий день картина «Шоугёлз» заняла первое место в списке самых плохих фильмов 1995 года. Демонстрация фильма стала интерактивной — зрители выражали свое негодование, выкрикивая зачастую грубые замечания.

Но самой высокой похвалы картина удостоилась в Нью-Йорке от голубого сообщества, члены которого воспроизвели сюжет фильма, выступая со сцены под фонограмму проецируемого на огромный экран оригинального шедевра. Со времени «Дорогой мамочки» такого веселья не вызывала ни одна кинокартина.

Я попросил Джеси подсчитать, сколько раз Беркли в негодовании выбегает из комнаты, и обратил его внимание на ту сцену, где она вонзает лезвие выкидного ножа в водителя такси. Это, видимо, какая-то особая манера игры.

— Наглядная жуть, — констатировал Джеси. Его словарь явно улучшался.

— «Шоугёлз», — подвел я черту под обсуждением, — такой фильм, который всех нас превращает в проктологов. Некоторые настаивают на том, что худший из всех снятых фильмов — «План 9 из открытого космоса», но это традиционная точка зрения. Я считаю, что нет ничего хуже «Шоугёлз».

Когда шел эпизод в стрип-баре, где мисс Беркли вылизывала стальной шест, я вдруг подумал, что дольше рассказывал Джеси о «Шоугёлз», чем о «Четырехстах ударах» и обо всей французской «новой волне».

Мы уделили постыдным удовольствиям еще некоторое время, просмотрев «В осаде»⁴⁵, увлекательную ерунду с двумя потрясающими злодеями — Гэри Бьюзи и Томми Ли Джонсом. И тот, и другой замечательные актеры, которые просто «вгрызлись» в свои роли. В общем, два сапога пара. Невольно *представляешь себе*, как в перерывах между съемками их душили такие приступы хохота, от которых они чуть по полу не катались. Я попросил Джеси внимательно посмотреть ту сцену, в которой Бьюзи, в ответ на обвинение в том, что он утопил своих товарищей по плаванию, сказал: «Они все равно никогда меня не любили».

Закругляясь с этой темой, мы взяли несколько первых серий телевизионного сериала «Уолтоны». Мне хотелось, чтобы Джеси послушал завершающие каждый фильм монологи, когда ведущий как мемуарист подытоживает показанное с точки зрения взрослого человека. Я спросил сына, почему они так действуют на зрителя.

⁴⁵ В российском прокате фильм также шел под названием «Захват».

— Что? — не понял он.

— Как им удастся вызвать у тебя тоску по той жизни, которой ты никогда не жил?

— Пап, я не понимаю, о чем ты говоришь.

Мне было очень не по себе из-за того, что Джеси с тремя своими приятелями на машине уезжал в Монреаль на концерт рэпа. Я дал сыну сто долларов и сказал на прощание, что люблю его, прежде чем он выскочил в возбуждении из дому, хлопнув дверью. Я что-то крикнул ему вдогонку, когда он шел по дорожке к тротуару, и увидел еще троих ребят, с серьезным видом сидевших в машине отца одного из них.

Сейчас я уже не помню, что я тогда крикнул сыну, но он обернулся на морозном воздухе. Я хоть на пятнадцать — двадцать секунд хотел отсрочить его отъезд, как будто он ехал навстречу смерти, и мне надо было как-то изменить его путь хоть на секунды, хоть на метры, — чтобы за те доли момента он стал другим.

Домой Джеси вернулся поздно вечером в следующий понедельник. Выглядел мой сын просто жутко, у него даже сыпь выступила на коже.

— Один из парней, который с нами поехал, — сказал он, — друг Джека. Такой жирный черный малый. Раньше я с ним никогда не встречался. Я сидел там за ним в машине, и, когда мы уже отъехали от Торонто миль на сто, у него зазвонил сотовый. И знаешь, кто ему звонил? Ребекка. Ребекка Нг. Она теперь живет в Монреале, ходит там в университет.

— Господи!

— Тот черный парень стал с ней говорить, сидя прямо рядом со мной. Я пытался читать, в окно смотреть, просто не знал, куда себя девать. Ни на чем не мог сосредоточиться. Думал, сердце у меня лопнет или голова взорвется, как у парня в том фильме...

— «Сканеры».

— ...И тут он говорит по телефону: «Здесь рядом Джеси Гилмор. Хочешь с ним поговорить?» — и передает мне трубку. А на другом конце — она. Я ее год не видел, и вдруг — на тебе! — снова она тут как тут. Ребекка. Моя Ребекка.

— И что же она тебе сказала?

— Она, как обычно, шутила, заигрывала, в общем, какой Ребекка была, такой и осталась. Она мне говорит: «Это же надо, какой сюрприз! Кого-кого, но тебя я никак не ожидала услышать». Потом она спросила, где я собираюсь остановиться в Монреале. Я сказал, что в гостинице, а она тут же говорит: «А что ты сегодня вечером делать собираешься? Надеюсь, ты не намерен в своей гостинице сиднем сидеть?» А я ей говорю: «Еще не знаю. От ребят зависит». А она мне: «Я здесь в один клуб собираюсь. Если хочешь, можешь туда же подваливать». До Монреала мы ехали часов шесть — семь. Может, дольше — снега много навалило. Как добрались, вселились в гостиницу. Она, конечно, второсортная, зато в самом центре, где живет большинство студентов.

— А потом вы вышли и купили целую тонну пива...

— Мы вышли, купили тонну пива и приволокли его в гостиницу. Собрались все в одной комнате, у того черного парня, который знает Ребекку. Часов в десять или одиннадцать...

— Когда вы уже изрядно накачались.

— ...когда мы уже прилично поддали, все отправились в бар. В тот клуб, о котором говорила Ребекка. Где-то на улице Сен-Катрин⁴⁶. Там было полно студентов. Мне бы надо было понять, что это значит, но до меня не дошло. Когда мы туда пришли, там на входе стоял здоровенный усатый бугай, который у всех проверял студенческие билеты. А у меня, конечно, его не было. У других ребят тоже. Но все они как-то прошмыгнули внутрь, а меня охранник не пропустил. Я даже сказал ему, что у меня там бывшая подружка тусуется, с которой я давно не виделся. Наплел ему с три короба, но этому козлу все было по барабану.

⁴⁶ Сен-Катрин — одна из центральных, самых оживленных улиц Монреала, где много модных магазинов, увеселительных заведений и т. п.

Так я там и стоял на тротуаре, а все мои друзья были внутри, и Ребекка тоже, а мне казалось, что это самая жестокая шутка, которую со мной сыграла жизнь. Но потом вдруг к входу вышла Ребекка. Выглядела она просто отпадно — я ее такой раньше никогда не видел, просто закачаешься. Она сказала что-то громиле, сам знаешь, как у нее язык подвешен, подошла к охраннику близко-близко, стала глазки строить. И этот вышибала здоровый вдруг расплылся в улыбке, не глядя ни на нее, ни на меня, потом поднял шнур и дал мне пройти внутрь.

— Надо же! (Что еще я мог ему сказать?)

— Я уселся у бара на табурет, — продолжал рассказывать Джеси, — Ребекка сидела рядом, а я и глазом моргнуть не успел, как в дупель напился...

— А она много пила?

— Пила, но немного. Ей много не надо.

— И что дальше?

— А я как свинья нажрался. Самого от себя с души воротило. И мы с ней снова поссорились. Стали друг на друга кричать. Бармен на меня цыкнул, потом подошел вышибала и сказал, чтобы мы оба оттуда убирались. Мы оказались на тротуаре, снег идти перестал, но было холодно, знаешь, в Монреале, когда холодно, видно, как воздух на выдохе клубится белым паром, а мы там с ней все стояли и собачились. Я спросил ее, любит она меня или нет. А она сказала: «Я с тобой, Джеси, не могу говорить на эти темы. Просто не могу, потому что живу с другим человеком». Потом она поймала такси и села в машину.

— Ты еще ее видел?

— Там много чего еще произошло, ты не переживай...

Джеси смолк и устремил взор на улицу, словно что-то вспоминал, точно вдруг узнал кого-то, кто возник перед ним как из-под земли.

— Что произошло? — резко спросил я, потому что во мне что-то не по-хорошему напряглось.

— Ты что, думаешь, я как последняя тряпка спросил Ребекку об этом? О том, любит она меня еще или нет?

— Нет. Но знаешь... — я на секунду задумался о том, как лучше сформулировать то, что хотел сказать сыну.

— Знаю что? — быстро спросил он, как будто я нож держал за пазухой.

— ...Это именно то, о чем я говорю тебе последний год или около того. Теперь ты видишь, что важные вопросы надо обсуждать только на трезвую голову. (Господи, подумал я, это же надо, вести разговор в таком тоне!)

— Но ведь ты со мной всегда заводил разговоры по душам только тогда, когда этого хотелось тебе, а я был немного нетрезвый, — ухмыльнулся Джеси.

— Да, в этом, наверное, проблема и заключается. Но все равно ты продолжай.

И он продолжил.

— Потом мы с ребятами все вчетвером вернулись в гостиницу. У кого-то нашлась бутылка текилы.

— Боже мой!

— На следующее утро я проснулся у себя в комнате с дикой головной болью. Всюду валялись бутылки из-под пива, я был одет, деньги все истратил. Тут я вспомнил, как спрашивал у Ребекки, любит она меня еще или нет, а она мне сказала: «Я не могу с тобой об этом говорить» — и села в такси.

— Жуть какая.

— Я снова попытался заснуть.

— И правильно сделал.

— Я ведь миллион раз думал о том, что скажу ей, когда мы встретимся, а все случилось так по-дурацки. — Джеси пристально разглядывал дома на противоположной стороне улицы.

— А что было потом?

— Мы пошли завтракать. Я, наверное, здорово перебрал, потому что, когда мы вернулись в гостиницу, меня с дикой силой стало рвать.

— Как же ты за все расплатился?

— Я занял денег у Джека. Не бери в голову, я все ему верну. — Он смолк и закурил. Затянулся и выдохнул струйку дыма. — Что мы делали на следующий день, я совсем не помню. Кажется, пошли на Маунт-Ройял⁴⁷, но было слишком холодно. Я не взял с собой теплую куртку, и перчаток у меня не было. Мы немного погуляли, какие-то студенты собрались там на небольшую демонстрацию, мы думали, там можно девочек каких-нибудь снять, но на горе только ветер свистел, и я боялся, что все ноги себе отморожу. Вечером мы пошли на концерт рэперов. Концерт вроде был вполне ничего, но я все время искал Ребекку. В концертном зале я *чувствовал* ее присутствие, я знал, что она там, но так с ней и не встретился. На следующее утро тот черный толстый парень сказал, что ему нужно зайти к Ребекке, взять у нее что-то, какой-то пакет.

— Ты с ним пошел?

— Мне хотелось ее видеть. К чему лукавить? (Я подумал о том, что сын мой храбрее меня будет.) Мы пошли к ней — туда, где она живет со своим приятелем. Когда поднимались на лифте, у меня в голове вертелась только одна мысль: она на этом лифте каждый день спускается и поднимается, каждый день проходит по этому коридору, каждый день выходит из этой двери...

— Господи, Джеси!

— Ребекки дома не было. И приятеля ее тоже, только соседка, с которой они вместе снимают квартиру. Она-то нас и впустила. Но когда мы вошли, меня потянуло заглянуть к Ребекке в комнату. Просто ничего не мог с собой сделать. Я думал: вот здесь она спит, здесь она по утрам одевается. И вдруг она вернулась домой. Ребекка. Она так выглядела, будто час провела перед зеркалом, выбирая себе наряд.

— Может быть, так оно и было.

— Я сидел себе в уголке и смотрел, как она болтает с ребятами. Ребекка была такой же, как всегда. Болтала без умолку, шутила со всеми, кроме меня.

— А потом?

— Потом я встал и вышел. А позже мы уехали домой.

— Да, долгим, должно быть, тебе показался обратный путь.

Джеси рассеянно кивнул. Он уже вернулся на морозную монреальскую улицу к Ребекке, снова спрашивая ее, любит она его все еще или нет.

ГЛАВА 12

ПОТОМ ИЗ-ЗА ТУЧИ ВЫГЛЯНУЛО СОЛНЦЕ. Это случилось сразу после фильма Куросавы. Кажется, это был его «Ран». Джеси вроде смотрел этот фильм с особым интересом, ему нравились батальные сцены, тот эпизод с обезглавливанием неверной любовницы, а концовка — когда слепец оступился на краю крепостной стены — его просто ошеломила.

В течение последних нескольких дней поведение Джеси изменилось. Он стал заметно более сосредоточенным, что присуще молодым людям, стремящимся к достижению какой-то цели. К чему-то, что было уже рядом. Я никак не мог понять, что именно так на него повлияло — может быть, то была изменившаяся погода, принесшая чудесные весенние дни, позолоченные солнцем и пахнущие сырой землей, которые пришли на смену суровой зимней стуже. При этом было предельно ясно, что изменения касаются личной жизни Джеси, хотя временами его так и подмывало об этом поговорить. Вместе с тем я понимал, что заданный

⁴⁷ Маунт-Ройял — невысокая гора, оставшаяся от древнего вулкана, в центре острова на реке Святого Лаврентия, на котором расположен названный в ее честь город Монреаль.

напрямую вопрос насторожит сына, и он замкнется в себе, поэтому я ни в чем на него не давил, просто ждал подходящий момент, когда под воздействием простого взгляда, брошенного мной в его сторону, ему самому захочется мне рассказать обо всем, что его волновало.

Мы сидели на крыльце, впечатление, которое произвел на нас «Ран», понемногу рассеивалось, чирикали птички, соседка-китаянка работала у себя в саду — устанавливала рейки для винограда и каких-то других диковинных растений. Женщине было уже около восьмидесяти, она неизменно выходила во двор в цветастых шелковых накидках. С неба круглое солнце заливало все вокруг неестественным светом этого времени года.

— Март — странный месяц, — произнес я таким невыразительным голосом, что сам себе удивился. — Странность состоит в том, что тебе кажется, будто зима уже позади. При этом не имеет значения, сколько времени ты живешь в том или ином месте, потому что всегда повторяешь одну и ту же ошибку. — Я заметил, что Джеси слушает меня краем уха, но не остановился. — Так вот, ты говоришь себе, что зима уже прошла. Но как только произносишь эти слова, Джеси, знаешь, что происходит? — Сын не ответил. — Тогда я сам тебе скажу: начинает идти снег, и валит себе хлопьями, и валит, и валит.

— У меня новая подружка, — вдруг проговорил Джеси.

— Весна — лукавое время, — продолжал я. (Голос мой при этом звучал так занудливо, что меня самого стало клонить в сон.)

— Помнишь, ты мне как-то рассказывал про Артура Крамнера, твоего старого приятеля? — Джеси посмотрел на меня. — Про того парня, который увел у тебя девушку?

Я прочистил горло.

— Это, сынок, уже давно не имеет значения. С тех пор прошло много лет, но на самом деле он у меня девушку не уводил. Это я *отдал* ее ему до того, как был к этому готов, вот и все.

— Да знаю я, знаю, — нетерпеливо сказал Джеси. (Он что, при этом еще и улыбнулся?) — Но что-то в этом роде случилось и со мной. — Тут он спросил меня, помню ли я его друга Моргана.

— Это твой приятель с работы.

— Да, тот парень в бейсбольной кепке.

— Да-да, тот самый.

— У него была девушка, ее зовут Хлоя Стэнтон-Маккэйб. Они знают друг друга еще со школы. Хотя относился он к ней как к случайной знакомой. Я много раз ему говорил: «Тебе, Морган, надо бы уделять Хлое больше внимания — она очень красивая девушка». А он мне всегда отвечал (тут Джеси изобразил голос полного болвана): «Да, только мне это до фонаря».

Я кивнул.

— Хлоя учится в университете в Кингстоне. Экономикой там занимается.

— И она — подружка *Моргана* ?

— Морган крутой парень, — быстро проговорил Джеси (сам сбитый с толку). — Но дело не в этом. Приблизительно год назад они разбежались. Несколько дней спустя Джек, тот парень из нашей группы...

— Еще один в бейсбольной кепке.

— Нет, в кепке — это Морган.

— Я пошутил.

— Джек — это такой краснощекий малый.

— Я знаю, знаю. Давай дальше.

— Как-то вечером Джек мне позвонил и сказал, что встретил эту девушку, Хлою Стэнтон-Маккэйб, в баре, и она его расспрашивала обо мне, говорила ему, что я клевый парень, забавный, и все такое.

— Да?

— И знаешь, пап, странная вещь... когда я в тот вечер лег спать, то лежал в темноте и

думал о том, как бы я лежал там с ней, что было бы, если бы я на ней *женился*. Я ее тогда еще почти не знал. Так, видел на нескольких вечеринках, в каких-то барах, но ничего особенного у нас с ней никогда не было.

— Вот было бы здорово, если бы она неожиданно тебе позвонила.

— Да, хорошо было бы. Но неделю спустя они с Морганом снова сошлись. Это меня немного огорчило. Хотя особенно я это в голову не брал. У меня и другие подружки были. Но вообще-то я расстроился. Даже переживал.

Джеси неотрывно смотрел на улицу. На бельевой веревке, протянутой на уровне второго этажа, сушились простыни и детские вещи. С улицы задувал свежий теплый ветерок.

— Однажды днем, — продолжал он, — после работы Морган слегка поддал и сказал мне: «Моя девушка просто тащится от тебя уже где-то с *неделю*» — и засмеялся так, будто это он пошутил. Я тоже рассмеялся. После этого я видел Хлою несколько раз. Она явно была не прочь со мной пофлиртовать, но ведь она все еще была девушкой Моргана. Как-то я стоял в баре и вдруг почувствовал, что кто-то коснулся рукой моей спины. Я обернулся и увидел, как эта блондиночка от меня отходит. Я спросил чуть позже Моргана, не будет ли он возражать, если я куда-нибудь приглашу Хлою, а он сказал: «Вперед, меня это не колышет. Мне просто спать с ней нравится, вот и все». Морган, правда, совсем не это слово использовал.

— Могу себе представить.

— Но я все равно совершенно не собирался к ней подкатываться. Мне совсем не хотелось, чтобы Морган, рассмеявшись, сказал мне: «Мне она вообще *без надобности*, а ты даже подъехать к ней толком не можешь».

— Очень мило.

— Вот так. — Джеси снова устремил взгляд в окно, как будто это помогало ему собраться с силами, обрести почву под ногами, чтобы по справедливости оценить свое новое увлечение. — На прошлых выходных я зашел в один бар на улице Куин. Там такая сцена была, как в «Злых улицах». Я душ перед этим принял, голову помыл, шмотки новые надел и чувствовал себя как король. И вот я пошел в тот бар, там песня та звучала, которая мне так нравится, и у меня было такое чувство, что я *все* могу в этом мире получить, чего только ни пожелаю. Хлоя была там — приехала домой на выходные. Она сидела за столом с приятелями, и все они как один вдруг стали говорить: «Ой, Хлоя, ты только посмотри, кто к нам пришел!» Ну, я подошел к ней, чмокнул ее в щечку и сказал: «Привет, Хлоя». Но я там с ними не задержался. Прошел к бару — в самый конец стойки — и взял себе что-то выпить. Вскоре она ко мне подошла и сказала: «Пойдем, выйдем, выкурим по сигаретке». Мы вышли, сели на низкую ограду перед баром, и я сказал Хлою как бы между прочим: «Мне очень хочется тебя поцеловать».

— А она тебе: «Да неужели?» — вставил я.

— А я ей: «Правда, хочется», — подхватил Джеси.

— А она тебе: «А как быть с Морганом?»

— Моргана я беру на себя, ответил я ей, — Джеси улыбнулся.

— Ну и что, узнал Морган об этом?

— На следующий день я ему все рассказал. А он и говорит (тут Джеси понизил голос на целую октаву): «Да брось, мне до этого дела нет». Но в тот вечер мы зашли с ним после работы пивка попить, он набрался, причем очень быстро, и спросил меня: «Ты что, считаешь себя последним подонком из-за того, что ты теперь с Хлоей, ведь так?» А на следующий день он мне позвонил. Разговор был печальным, с его стороны это был смелый поступок. Он сказал мне: «Слушай, знаешь, мне немного странно, что теперь с ней ты». А я ответил: «И мне тоже».

Джеси закурил, держа сигарету как можно дальше от меня.

— Да... ну и дела, — сказал я (белье лениво колыхалось на слабом ветерке). Сын откинулся на спинку стула, глядя прямо перед собой. Бог знает, какие образы возникали в его голове, должно быть, он представлял Хлою на занятиях, а вслед за ней выступающего на

сцене Эминема.

— Как считаешь, выкарабкаемся мы с Морганом из этой передраги? Я хочу сказать, сохранится ли наша дружба? Ведь вы с Артуром Крамнером вдрызг не разругались.

— Мне, Джеси, не хочется тебе врать — отношения с женщинами порой могут быть смертельно опасными.

— Как это? — спросил он.

Ему хотелось и дальше говорить о Хлое Стэнтон-Маккэйб, но история была настолько банальной, что не хотелось тратить на нее слова.

Лето для нас двоих выдалось совсем неплохое. У меня время от времени появлялась работа (причем иногда казалось, что все наваливается сразу): телевизионные передачи с разными знаменитостями, поездка в Галифакс на радиопередачу о книгах, еще одно интервью с Дэвидом Кроненбергом, статья для мужского журнала, ради которой пришлось съездить в Манхэттен. Ничего особенного в этом не было, денег скорее больше уходило, чем приходило, но мне уже не казалось, что они протекают сквозь пальцы и что лет через пять меня ждет что-то совсем печальное, даже трагическое.

И тут кое-что случилось, заставив меня почувствовать себя так, словно в конце предложения поставлена точка, как будто в одночасье ко мне вернулись все беды и напасти. С позиции стороннего наблюдателя, наверное, ничего особенного не произошло. Меня попросили написать рецензию на кинокартину для национальной газеты. Платили там не ахти как, и работа была разовая, но — как бы это доходчивее объяснить? — мне всегда хотелось сделать что-то в этом роде. Порой последствия таких разовых подработок бывают более впечатляющими, чем сама публикация, как желание ученого прочитать лекцию в Сорбонне или стремление актера сняться в одной картине с Марлоном Брандо (даже если сам фильм полное барахло, это значения не имеет).

Джеси работал в ночную смену. Он все еще исполнял функции помощника повара, мыл овощи, чистил моллюсков, но иногда его допускали к грилю, позволяя жарить мясо, рыбу и птицу. Значение этого также выходило за рамки самого действия, как моя рецензия на тот фильм. Никогда заранее не угадаешь, когда такое произойдет.

Грилем обычно занимаются крутые парни или мужики — настоящие мачо. Обычно они сильно потеют, грязно ругаются, работают невообразимое количество часов и говорят все больше о «бабах» и об «уродах, живущих на социальное пособие». Теперь Джеси стал одним из них. Ему нравилось сидеть рядом с рестораном в белом халате после смены — это было его самое любимое время, — покуривая сигарету и думая о том, как он проведет вечер, когда сразу после девяти они, парни в белых халатах, хлопнут дверью (а ресторан будет ломиться от посетителей), как они «накажут» официантку (задержат ее заказы) — с ними шутить опасно!

У них на кухне — как, по словам Джеси, и на всех других кухнях такого рода — в ходу были странные шутки-прибаутки, которыми эти парни обменивались, изображая голубых. Они называли друг друга «гомиками» и «педиками», говорили другим, чтоб те «задницу не отключивали», и тому подобное, но называть кого-то «задницей» было опасно — это могло быть расценено как настоящее оскорбление.

Ему щекотало нервы, когда Хлоя заезжала за ним, чтобы забрать его с работы, — эдакая Мэрилин Монро с бриллиантовой сережкой в носу. Все ребята сидели рядом и балдели от его девушки.

— Она тебе нравится? — спросил сын меня как-то вечером, придвинувшись совсем близко.

— Да, — ответил я.

— Но ты в этом не уверен.

— Да нет, что ты. Мне кажется, Хлоя просто замечательная.

— Да?

— Да.

На некоторое время он задумался.

— А если она меня бросит, ты скажешь мне то же самое?

— Я буду на твоей стороне.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это значит, я буду говорить то, от чего ты станешь чувствовать себя лучше.

Пауза.

— Ты думаешь, она собирается меня бросить?

— Господи, Джеси, о чем ты говоришь?

Мы продолжали смотреть кино, но теперь это случалось уже не так часто — раза два в неделю, иногда и того реже.

Ощущение было такое, будто мир выталкивает нас двоих из гостиной и что-то очень значительное подходит к своему естественному завершению. *Fin de jeu*⁴⁸. Финишная ленточка.

Я показал Джеси несколько фильмов из серии «забытые сокровища».

Потом мы смотрели картину Роберта Редфорда «Телевикторина». Каждый раз, когда смотришь ее снова, она кажется лучше и богаче по содержанию. Это рассказ о том, как устроители шоу «21» отбирали наиболее популярных участников и заранее сообщали вопросы и ответы этим людям, за что те получали немалые деньги. На это согласился даже симпатичный и обаятельный университетский профессор Чарльз Ван Дорен (Рэйф Файнс), который пошел на сделку с собственной совестью. Это был не менее громкий скандал, чем подтасовка, связанная с всемирной серией бейсбольных чемпионатов в 1919 году; он стал предметом расследования и судебного процесса и ножом в сердце для наивной и доверчивой американской публики. Но впервые в аферу подобного рода оказался вовлечен один из золотых парней — сын выдающегося ученого Марка Ван Дорена (которого сыграл великий Пол Скофилд), из-за чего рану будто солью посыпали.

Как и картина «Великий Гэтсби», «Телевикторина» вводит зрителя в морально сомнительный мир, но он оказывается настолько притягательным, что сначала понимаешь, как люди в нем оказываются, а потом — почему они там остаются. Я привлек внимание Джеси к очень странным отношениям, возникшим между Робом Морроу, который играет сыскаря, расследующего дело по поручению Конгресса, и Рэйфом Файнсом, который единожды соглашается с тем, от чего ему надо было бы отказаться.

Некоторые из лучших игровых эпизодов картины, самые сильные ее моменты связаны с взглядами, которые бросает Рэйф Файнс. (Складывается впечатление, что для отдельных сцен ему даже понадобилось положить больше грима на веки.) Я сказал Джеси, чтобы он дождался вопроса, который кто-то задает Файнсу о том, что бы стал делать «честный Эйб Линкольн», если бы ему довелось участвовать в телевизионном шоу. Здесь надо видеть, что Файнс проделывает со своими глазами! Стоит только посмотреть, как Файнс разговаривает с Робом Морроу: они как будто играют в прятки, и он открывает глаза, проговорив: «Кто не спрятался — я не виноват!» Он пристально смотрит на молодого человека, как будто тихо повторяет про себя вопросы: «Как много ему известно? Что он об этом знает?»

Там есть кадры, где Файнс и Морроу играют в покер. Файнс делает ставку, а Морроу говорит: «Я знаю, что ты врешь». Зритель почти явственно слышит, как бьется сердце Файнса, когда тот чуть слышно как параноик произносит: «Ты хочешь сказать, что я блефую, что блефует мир». Он напоминает в этой сцене Раскольникова в «Преступлении и наказании» Достоевского.

— Ты иногда скучаешь по работе на телевидении? — спросил меня Джеси, когда кончился фильм.

— Временами, — ответил я и добавил, что больше скучаю по деньгам. Но на самом

⁴⁸ Конец игры (*фр.*).

деле мне временами очень доставало возможности перекинуться несколькими ничего не значащими фразами с почти незнакомыми мне людьми. — Хочешь, верь, хочешь, не верь, — сказал я, — но порой это на целый день улучшает настроение.

— А тебе не бывает тошно, когда ты сам не выступаешь *по телевидению* ?

— Нет, мне от этого не холодно и не жарко. А тебя это расстраивает?

— Переживаю ли я, что мой отец иногда выступает по телевидению? Да нет, я как-то никогда об этом не задумывался.

Сказав это, Джеси встал и неторопливо поднялся к себе наверх, и мне при этом показалось, что в таком обычном его физическом облике, в небрежных движениях — по крайней мере, в тот момент — уже ничего не осталось от неуклюжего подростка.

Вскоре мы снова вернулись к серии «забытые сокровища». Эти фильмы чем-то напоминали пирог с банановым кремом прямо из холодильника (когда мысль о блюде даже в голову не приходит). В частности «Последний наряд».

— Вот, — сказал я, — пять причин того, почему мне так нравится Джек Николсон.

1. «Взобраться на самую вершину не так сложно. Самое трудное — на ней удержаться». Джек, сказавший это, снимается в кино тридцать пять лет. Никому так долго не дано быть «просто удачливым» или морочить всем голову. Для этого нужно быть поистине великим актером.

2. Мне нравится, как в «Китайском квартале» Джек Николсон большую часть фильма играет полицейского с пластырем на носу.

3. Мне нравится тот эпизод в «Сиянии», когда герой фильма, сыгранный Джеком Николсоном, застаёт жену за чтением тех страниц его романа, которые он написал в помраченном рассудке, и спрашивает ее: «Тебе нравится?»

4. Мне нравится, что Джек ждал, пока ему исполнится пятьдесят, и только тогда начал играть в гольф.

5. Мне нравится, когда Джек хлопает пушкой по стойке бара в «Последнем наряде» и говорит: «Я и *есть* этот чертов береговой патруль!»

Некоторые критики полагают, что самую лучшую свою роль Николсон сыграл именно в «Последнем наряде». Он там играет Билли Баддаски, который привык курить сигары, грязно ругаться, в общем, жить жизнью крутого морского волка — бедового вояки, которому перед дембелем приказано доставить в тюрьму молодого салагу Ларри. Джек хочет напоследок, перед тем, как восемнадцатилетний Ларри начнет мотать срок, показать ему красивую жизнь — «напоить его в стельку и дать ему с кем-нибудь переспать».

Когда картина вышла на экраны, Роджер Эберт писал, что Николсон «создает настолько завершённый и сложный характер, что о самом фильме мы уже не думаем, а лишь следим за тем, что актер будет делать дальше». Некоторые кинокартины не вмещаются в художественную форму. (Помните сержанта-артиллериста в фильме «Цельнометаллическая оболочка»? Площадная брань порой звучит там на тысячи ладов, многие из которых можно услышать в «Последнем наряде».) Сотрудники киностудии хотели хоть немного «остудить» сценарий до того, как дело дойдет до съемок. Они были потрясены огромным объемом ненормативной лексики и вполне обоснованно предполагали, что Джек Николсон будет употреблять такого рода выражения с особым вкусом. Один из руководящих сотрудников «Коламбии» вспоминает: «За первые семь минут фильма грубые ругательства звучат 342 раза. В нашей киностудии не принято употреблять такого рода выражения и демонстрировать слишком откровенные сцены».

Роберт Таун, написавший сценарий («Китайский квартал» снят тоже по его сценарию), говорил: «Если вы занимаетесь любовью для „Коламбия Пикчерз“, это надо делать на удалении 300 ярдов от камеры. Но киноискусство раздвигало сдерживавшие его развитие рамки, и возникла возможность отразить реальную лексику, которую употребляют военные моряки. Руководитель студии усадил меня рядом с собой и сказал: „Боб, тебе не кажется, что

двадцать грязных выражений действуют сильнее, чем *сорок!*“ Я ответил ему, что не считаю, потому что так люди говорят, когда они не в состоянии действовать. Поэтому они и сквернословят». В общем, Таун не хотел идти на попятный. Николсон его поддержал, и поскольку актер был там самой большой звездой, спор был решен.

Выбирать для людей фильмы — дело рискованное. В каком-то смысле при этом так же раскрываешься, как когда пишешь кому-нибудь письмо. Ваш выбор обнажает ваши помыслы, показывает, какие вами движут побудительные мотивы, иногда даже свидетельствует о том, в каком свете, как вам кажется, мир видит вас. Поэтому когда вы с придыханием рекомендуете какую-нибудь картину, например, другу, когда говорите: «Знаешь, это как крик души, тебе этот фильм очень понравится» — имейте в виду, что, посмотрев фильм, на следующий день ваш друг может выгнуть бровь и небрежно спросить вас: «И ты считаешь это *забавным*?»

Помню, однажды я посоветовал посмотреть «Иштар» одной женщине, которая мне нравилась. Никогда не забуду тот взгляд, которым она одарила меня, когда мы с ней после этого увиделись. Она как будто хотела мне сказать: «Никогда бы не подумала, что тебе *такое* может нравиться!»

Поэтому с годами в магазинах, где торгуют видеодисками, я научился держать рот на замке, когда мне страшно хотелось крикнуть незнакомым людям, чтобы они не брали тот фильм, который выбрали, хотелось вырвать у них диск из рук, а вместо него дать им другой, сказать им, глядя в их удивленные глаза, что другая картина, вон та, им понравится гораздо больше. Но все равно у меня в запасе есть несколько фильмов, которые я постоянно рекомендую людям посмотреть, и никто никогда не говорил мне о них дурного слова. Один из таких фильмов — «Позднее шоу». Я выбрал его для следующего просмотра вместе с Джеси.

Это незамысловатая история о частном детективе-неудачнике (Арт Карни) и взбалмошной молодой истеричке (Лили Томлин), которая оказалась каким-то образом связана с бандой убийц в Лос-Анджелесе. Несмотря на то что этому фильму уже более сорока лет, складывается впечатление, что его почти никто не видел. Но когда его смотрят — по крайней мере, те люди, которым я его рекомендую, — все отзываются о нем с восхищением, удивлением и благодарностью. Мне кажется, что в некоторых случаях это даже ведет к переоценке этими людьми их мнения обо мне самом.

Готовясь к тому, чтобы показать «Позднее шоу» Джеси, я наткнулся на рецензию Полин Кейл 1977 года в журнале «Нью-Йоркер». Картина Кейл понравилась, но она не очень себе представляла, к какой категории ее следует отнести. «Назвать этот фильм в полном смысле детективом, — писала она, — было бы неверно, эта картина уникальна в своем роде, она как поэма о любви и ненависти к подлости».

Лента «Друзья Эдди Койла» вышла на экраны кинотеатров в 1973 году и очень быстро сошла с них. Теперь этот фильм практически невозможно найти в магазинах видеофильмов, даже в таких специализированных лавочках, где держат финские фильмы ужасов. Его поставил режиссер Питер Йэкс («Детектив Буллитт» тоже его работа), и фильм стоит посмотреть, потому что мелкого воришку Эдди Койла в нем играет кудесник с сонным взглядом Роберт Митчэм. Мы все были знакомы с кем-то, похожим на Эдди — парнем, рожденным для того, чтобы постоянно принимать неверные решения. К тому же типу «рецидивистов» относится и дядя Ваня.

Чем дальше, тем лучше, кажется, становится Роберт Митчэм — и грудь колесом, и глубокий голос, и эта его манера «двигаться» по фильму с грациозной легкостью кошки на вечернем приеме. Он обладал незаурядным талантом, но ему почему-то доставляло какое-то болезненное удовольствие отрицать этот факт. Он часто повторял: «Я следую трем принципам: посмотри направо, посмотри налево и прямо перед собой». Чарльз Лотон, который ставил «Ночь охотника» с участием Роберта, говорил, что его показная грубоватость на съемках не имеет ничего общего с истинным обликом актера. Роберт

Митчэм, по его словам, был образованным, добрым и великодушным человеком, в таком совершенстве обладавшим искусством декламации, что мог бы сыграть Макбета лучше любого современного актера. Сам Митчэм говорил об этом по-другому: «Разница между мной и другими актерами состоит в том, что я больше времени провел в тюрьме».

Когда мы смотрели с Джеси эти фильмы, иногда у меня возникало такое чувство, что в этот раз он сидит со мной скорее из чувства долга, а не потому, что ему интересно. Через полчаса после начала картины «Звездные воспоминания» Вуди Аллена мне стало ясно по позе сына, по тому, как он упирался локтем в кушетку, что ему скучно, что он смотрит этот фильм ради меня, чтобы побыть это время со мной.

— Угадай, кто снимал «Звездные воспоминания»? — обратился я к Джеси.

— Кто?

— Князь Тьмы.

— Гордон Уиллис?

— Тот же оператор, который снимал «Крестного отца».

— Тот же оператор, который снимал «Клют», — иронично проговорил он, копируя мой тон.

Дипломатично выдержав паузу, я мягко сказал:

— Мне кажется, он не снимал «Клют».

— Это был тот же оператор.

— Спорю с тобой на пятерку, — предложил я, — что Гордон Уиллис *не* снимал «Клют».

Поняв, что выиграл пари, Джеси повел себя вполне достойно — он без всякого позерства встал с кушетки, взял пять долларов и сунул банкноту себе в задний карман, не глядя мне в глаза.

— Мне всегда казалось, что «Клют» снимал Майкл Баллхаус, — покорно сказал я.

— Я прекрасно тебя понимаю, — кивнул он. — Ты, наверное, думал о ранних работах Фассбиндера. Он снимал их в технике крупной зернистости.

Я воззрился на Джеси в упор и смотрел до тех пор, пока он не поднял на меня глаза.

— Что ты сказал? — спросил я, хотя прекрасно знал, что именно сын имеет в виду.

ГЛАВА 13

ОСЕНЬ 2005 ГОДА. Хлоя поменяла специализацию, перевелась на факультет административного управления и уехала учиться дальше в тот же университет в Кингстоне, провинция Онтарио. Вскоре после этого Джеси сказал мне, что хочет оставить работу в ресторане и на месяц уехать на север, чтобы там писать музыку с приятелем-гитаристом, которого я почти не знал. Отец этого парня работал адвокатом, специализируясь в области увеселительных мероприятий, и у него был большой дом на озере Кучичинг⁴⁹. И катер в придачу. Ребята могли там ничего не платить за жилье, а на жизнь зарабатывать мойкой посуды в каком-нибудь местном ресторанчике. Что я по этому поводу думаю? Я и Джеси, мы оба знали, что вопрос этот был чисто риторическим. Естественно, я сказал сыну, что он может ехать.

Он туда и уехал. Я тогда, помню, подумал, что в девятнадцать лет люди так и поступают. По крайней мере, Джеси знал, что Майкл Кертис снял две концовки «Касабланки» на тот случай, если одна не сработает. Хоть это должно было помочь ему выжить в нашем мире. Теперь никто не сможет меня упрекнуть в том, что я позволил сыну уехать беззащитным.

Впервые голубая спальня на третьем этаже дома в китайском квартале опустела. Как

⁴⁹ Кучичинг (*Couchiching*) — небольшое озеро в южной части провинции Онтарио в 150 км к северу от Торонто.

будто в одночасье кто-то высосал все жизненные соки нашего жилища. Но позже — недели через две после отъезда Джеси — мне это даже стало нравиться. Не было больше вечного бедлама на кухне, на ручке дверцы холодильника не появлялись грязные пятна от пальцев, никто в три ночи не топал по ступенькам на третий этаж.

Время от времени сын звонил домой, как будто ненавязчиво исполнял не очень приятную обязанность. С деревьев облетела листва, вода в озере стала очень холодной, но с работой все шло отлично. Да и в остальном все тоже неплохо складывалось — он с Джоэлом (так звали друга-гитариста сына) уже сочинил кучу песен. Джеси по ночам заворачивался на катере в одеяло и смотрел на звезды, а приятель его брэнчал на гитаре. Может быть, они снимут себе на двоих квартиру, когда вернутся в город. А на выходные к ним однажды приезжала Хлоя.

Как-то раз (когда велосипедисты снова ездили в перчатках) позвонил телефон, и я услышал голос Джеси. Его голос дрожал, как у человека, заблудившегося в настоящем, который шел по льдинам, выскальзывающим из-под ног.

— Меня только что бортанули, — сказал сын.

— С работы выгнали?

— Нет. Хлоя. Она меня отшила.

Они постоянно ругались по телефону (из-за его бессмысленной жизни, друзей его неудачников — Хлоя их называла «официантами и грузчиками в аэропортах»). Кто-то после этого бросал трубку. Обычно перезванивала она. (Такое случалось и раньше.) Но после последнего разговора она перезванивать не стала.

Прошло несколько дней. На третье утро — в ярком солнечном свете, когда листва деревьев отливала медью, — он проснулся в полной уверенности — как будто видел это в кино, — что она нашла себе другого приятеля.

— Я позвонил ей на сотовый, — продолжал Джеси. — Она не ответила. Было восемь утра. — Не лучшее предзнаменование, подумал я, но ничего сыну не сказал.

Он звонил ей весь день из кухни в ресторане, оставил несколько сообщений на автоответчике. Позвони мне, пожалуйста. Я оплачу междугородние переговоры. Пока он пытался дозвониться Хлое, его убежденность, эта его *уверенность* разрасталась во всем его существе как чернильная клякса, как ощущение того, что происходит что-то очень серьезное; Джеси казалось, что он попал в такую передрыгу, в которой раньше ему никогда не приходилось бывать.

В конце концов, ближе к десяти вечера Хлоя ему перезвонила. Она говорила из какого-то шумного места. В трубке звучала музыка, слышались приглушенные голоса. Где она была? В баре, наверное, каком-нибудь.

— Она звонила тебе из бара? — не удержался я от вопроса.

Джеси спросил ее, что случилось. Голос его при этом срывался от волнения.

— Нам надо с тобой кое-что обсудить, — сказала она ему так, будто говорила со случайным прохожим.

Ни к чему не обязывающие слова. Причем, как ему показалось, она произнесла их, прикрыв трубку рукой и одновременно заказав у бармена martini. Без всяких обиняков Джеси сразу же перешел к сути дела (он всегда поражал меня этой своей манерой).

— Ты хочешь, чтобы мы расстались? — спросил он.

— Да, — ответила Хлоя.

Тут он допустил серьезную промашку — повесил трубку. После этого стал ждать ее ответного звонка, из глаз его катились слезы. Он ходил из угла в угол, меряя шагами гостиную в том коттедже на севере, не сводя взгляда с телефона. Он вслух что-то говорил, обращаясь к ней. Но телефон молчал. Тогда он сам перезвонил ей.

— Что у нас происходит? — спросил он Хлою.

И тут она сыграла свою роль. Она много об этом думала, сказала девушка, и решила, что они друг другу не подходят. Она молода, ходит в университет, перед ней открываются «прекрасные служебные перспективы». Она выдавала ему одно затертое клише за другим,

причем все это было произнесено новым тоном девушки, обреченной идти по пути жизненного успеха. Джеси и раньше подмечал у нее такие интонации, но теперь у него уже не возникало желание ее за это придушить — теперь он начал ее бояться.

— Ты пожалеешь об этом, Хлоя, — сказал он.

— Может быть, — беззаботно проговорила она.

— Если это так, можешь считать, что меня в твоей жизни нет.

Рассказав об этом разговоре, Джеси добавил:

— И знаешь, пап, что она мне ответила? Она мне сказала: «Пока, Джеси». При этом она произнесла мое имя очень мягко, даже нежно. У меня сердце разрывалось, когда она произнесла это «Пока, Джеси».

Приятель сына Джоэл пришел позже вечером, когда кончилась его смена на кухне. Джеси обо всем ему рассказал.

— Правда? — Джоэл покачал головой.

Он слушал Джеси минут десять, прилаживая новые струны к гитаре, а потом, как показалось сыну, потерял к этой истории всякий интерес и перевел разговор в другое русло.

— Ты смог хоть немного поспать? — спросил я.

— Да, — ответил Джеси. В тоне его ответа прозвучало удивление моим вопросом.

Мне показалось, что сыну от меня было что-то нужно, но я прекрасно понимал, что ничем ему помочь не могу, разве что сказать несколько общих фраз о том, как отделаться от того яда, который скапливался в его существе на протяжении последних двух суток. Понимая, как банально и бессмысленно это звучит, я сказал Джеси:

— Мне бы очень хотелось тебе помочь.

Потом я что-то ему говорил. Точно вспомнить, что он мне отвечал, я сейчас не берусь, мы просто говорили, говорили и говорили.

— Может быть, тебе лучше вернуться домой? — предложил я.

— Не знаю.

— Хочешь, я дам тебе один совет?

— Конечно.

— Не позволяй себе уйти в загул — не пей и не вздумай баловаться наркотиками. Выпей пару бутылок пива. Я знаю, как тебе сейчас тяжело, но если ты уйдешь в загул, то как-нибудь утром тебе покажется, что ты попал в ад.

— Мне и так кажется, что я уже там, — произнес Джеси с горькой усмешкой.

— Можешь мне поверить, — сказал я, — это еще далеко не предел.

— Надеюсь, ты меня еще любишь.

— Конечно, люблю.

Пауза.

— Как тебе кажется, она уже нашла себе нового парня?

— Понятия не имею, мой дорогой. Хотя, не думаю.

— Почему?

— Что *почему*?

— Почему ты считаешь, что она себе еще никого не нашла?

— Мне кажется, это было бы слишком быстро, вот и все.

— Парни *все время* вьются вокруг нее как пчелы.

— Это вовсе не то же самое, что водить их к себе домой.

Я с сожалением подумал о сказанных словах, едва они сорвались у меня с языка. Они вполне могли дать толчок его воображению. Но, к счастью, у Джеси в голове роились уже другие мысли.

— Знаешь, чего я боюсь? — спросил он.

— Да, знаю.

— Да нет, — попытался возразить он, — чего я *на самом деле* боюсь.

— Чего?

— Я боюсь, что она будет спать с Морганом.

— Не думаю, что это произойдет, — попытался я успокоить сына.
— Почему бы и нет?
— У нее с ним вроде все уже кончено.
— Меня бы это волновало гораздо меньше, если бы это случилось с кем-нибудь другим.

Я ничего Джеси на это не сказал.

— Но меня просто жуть берет при мысли о том, что это произойдет с ним.

Последовала долгая пауза. Я ясно представил сына в тот момент в загородном доме около пустого озера, окруженного голыми деревьями леса, где каркают вороны.

— Наверное, тебе было бы лучше вернуться домой.

И снова долгая раздумчивая пауза, во время которой я чувствовал, как Джеси представляет себе всякие тягостные сцены.

— Мы можем еще немного с тобой поговорить?

— Конечно, — ответил я, — у меня впереди целый день.

Иногда, когда поздно ночью раздается телефонный звонок, я пару секунд соображаю, стоит ли мне снимать трубку. Я задумался над тем, стал бы я поступать подобным образом, когда моего сына терзают такие мучения. Порой мне кажется, что ночью на звонки отвечать не надо. Пусть лучше утром перезвонят. Но тут я вспомнил Полу Муре, череду мутных зимних рассветов, когда я просыпался слишком рано, а впереди маячил долгий кошмарный день.

— Помнишь, ты однажды сказал мне, что временами Хлоя тебя утомляет? — напомнил я Джеси однажды вечером, когда мы говорили по телефону.

— Я задал тебе такой вопрос?

— Ты сказал тогда, что боишься с ней путешествовать, потому что она может надоесть тебе в самолете. Ты еще тогда говорил, что иногда во время разговора отводишь трубку дальше от уха, потому что не можешь больше слушать, как Хлоя беспрестанно щебечет о карьере.

— Я ничего такого даже не помню.

— У тебя к ней возникали именно такие чувства — вот в чем все дело.

После долгой паузы сын спросил:

— Ты считаешь, что это ребячество — обсуждать такие вещи с отцом? Но с друзьями я об этом говорить не могу. Они несут всякую чушь, причем сами этого часто не понимают, но я боюсь, что они по глупости сморозят что-нибудь такое, что меня и вправду заденет. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Конечно, понимаю.

Слегка изменив тон, как человек, в конце концов признавшийся в совершенном преступлении, Джеси сообщил:

— Я ей звонил.

— Ты что, серьезно?

— Я задал ей этот вопрос.

— Это был храбрый поступок.

— Она сказала нет.

— Что *нет* ?

— Нет, ни с кем не спала, а если и переспит, это не мое дело.

— Приличные люди таких вещей не говорят, — заметил я.

— *Это не мое дело?* Всего несколько дней назад мы были вместе, а теперь это не мое дело.

— Что же ты..? — Я замялся. — Что же, *по ее мнению*, ты такого натворил, что так сильно ее взбесило?

— Морган к ней относился как к подстилке. Изменял ей, с кем только мог.

— Правда?

— Да.

— А ты, Джеси, что ты ей сделал?

— Как думаешь, у меня еще будет когда-нибудь такая же красивая девушка, как Хлоя?

Снова здорово. У меня той осенью были и другие проблемы: жена моя, большая журнальная статья о Флобере, плитка, которая сыпалась с крыши на третьем этаже, еще рецензия на фильм для «той самой газеты», жилища в полуподвальной квартирке, никогда вовремя не платившая за жилье, коренной зуб, которому требовалась коронка (страховка Тины покрывала только половину расходов на зубного врача), — но в этом сексуальном ужасе Джеси было что-то такое, что никак не укладывалось у меня в голове.

Люди говорят: «Все будет хорошо. Жизнь так устроена, такое со всеми случается», — но я *знаю*, какое кино крутится в голове посреди ночи, я знаю, что это кино может свести с ума от непереносимой боли.

А еще было странно, что именно тогда, когда я уже стал привыкать к тому, что сын живет где-то своей жизнью, выдернутый из дома силой обстоятельств, в каком-то смысле он возвращается обратно домой. Мне вовсе не хотелось, чтобы это произошло таким образом. Я бы чувствовал себя гораздо лучше, если б сам копошился в низу общественной лестницы и ужинал с отцом, когда все друзья заняты своими делами.

ГЛАВА 14

ОН ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ ПО ПРОШЕСТВИИ НЕСКОЛЬКИХ НЕДЕЛЬ. Было очень холодно, пронизывающий, порывистый ветер метался вдоль улицы как разбойник, высматривающий добычу. Он подждал тебя у двери в дом, а потом, когда ты отходил от нее на приличное расстояние, хватал за воротник и наносил сокрушительный удар. Те дни я запомнил очень отчетливо: Джеси часто сидел на крыльце на плетеном стуле, устремив взор в пространство, в голове его роились все те же химеры, и он пытался найти какой-нибудь способ облегчить свои кошмары, сделать их не такими жуткими, найти выход из ужаса настоящего, с которым никак не мог смириться.

Иногда я подсаживался к сыну. Цементно-серое небо, казалось, было продолжением цвета улицы, и где-то за горизонтом небо и улица сливались в единое целое. Я рассказал Джеси о тех жутких историях подобного рода, что случились в моей жизни. О Дафне в восьмом классе (первой девочке, заставившей меня плакать), о Барбаре в старших классах (из-за нее я прыгал с чертова колеса), о Раисе в университете («Я любила тебя, мой хороший, я правда любила тебя!») — все случаи были сродни тому, будто меня несколько раз пырнули ножом.

Я рассказывал Джеси об этом с выражением, смакуя детали, пытаюсь ему доказать лишь одно — все эти передряги я пережил. Причем не только пережил, но теперь мне даже нравится рассказывать о них, порой шутить о трагизме тех ситуаций, об их обреченной безнадежности.

Я рассказывал сыну эти истории, потому что хотел втолковать ему, хотел, чтобы он понял, что ни одна из этих куколок с ножичками для колки льда, этих девушек и женщин, заставлявших меня рыдать и корчиться как червяка под лупой, не была *той, с кем мне суждено было идти по жизни*.

— И они были правы, Джеси. По большому счету, они правильно сделали, что бросили меня. Я был не тем, кто им нужен.

— Пап, а как ты думаешь, Хлоя правильно сделала, что меня бросила?

Промашка вышла. Я никак не предполагал, что разговор примет такой оборот.

Иногда сын слушал меня как человек, который сидит под водой и дышит через камышинку; как будто само его выживание зависит от того, чтобы слушать мои истории — они были тем кислородом, который хранил его жизнь. В другое время мне надо было быть крайне осторожным — мои слова могли вызвать в его голове самые буйные жуткие фантазии.

Как будто у него в ноге застрял осколок стекла — ни о чем другом он не мог думать.

— Прости, что я только об этом и говорю, — часто извинялся Джеси и продолжал дуть в свою дудку.

Но я не собирался ему рассказывать о том, что, по всей вероятности, будет только хуже, много хуже перед тем, как ему станет легче, перед тем, как его настоящее станет безоблачным и безмятежным, перед тем, как, проснувшись, он подумает: «Это же надо, у меня на пятке, кажется, волдырь вскочил. Ну-ка, посмотрим. И впрямь вскочил! Вот это да! Только этого мне еще недоставало. Кто бы мог подумать, что у меня волдырь вскочит?»

Теперь мне надо было внимательнее относиться к выбору фильмов. Но даже когда я находил что-нибудь, не имеющее никакого отношения к эротике или предательству (хоть таких картин было совсем немного), я видел, что экран служит для сына своего рода трамплином, с которого он несется навстречу печальным образам, роившимся у него в голове. Взгляд Джеси, упертый в экран, не мог убедить меня в том, что он следит за развитием сюжета картины, — я понимал, что он подобно вору-домушнику мечется в глубинах своего собственного сознания. И когда находит там то, что искал, до меня доносятся его тихие стоны.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

Джеси повернулся на кушетке и ответил:

— Все отлично.

Я вновь вернулся к «забытым сокровищам», точно решил дать ребенку десерт не после основного блюда, а перед ним. Для меня было важно лишь одно — любимым способом отвлечь сына от мук, на которые обрекало его собственное воображение. Я на все был готов, лишь бы Джеси рассмеялся.

Я показал ему «Иштар». Меня много раз критиковали, когда я советовал кому-нибудь посмотреть этот фильм, но я продолжал его рекомендовать. Все единодушны в том, что сюжет начинает буксовать, когда двое музыкантов-неудачников (Уоррен Битти и Дастин Хоффман) в пустынном королевстве Иштар оказываются втянутыми в местные политические интриги. Но до и после этого там есть замечательные комедийные сцены, в которых Уоррен и Дастин с повязками на голове от души поют свои песни, приплясывая в ритме тустепа. Господи! «Иштар» — это чудесный фильм, хоть и не без изъяна, фильм, который с самого начала погубила сварливая пресса. Критикам пришлось не по нраву, что Уоррена окружает так много смазливых подружек.

Но Джеси это не помогло. С таким же успехом я мог бы ему показывать документальный фильм о производстве гвоздей.

В следующие недели мы посмотрели много картин из цикла «забытые сокровища». Я видел, что Джеси, сидевший рядом со мной на кушетке, часто был беспокоен и напряжен. Он весь сжимался, как зверек, ожидающий сумерек. Иногда я ставил фильм на паузу и спрашивал сына:

— Будем смотреть дальше?

— Конечно, — отвечал он, отвлекаясь на миг от своих переживаний.

У Элмора Леонарда есть один рассказ, который мне всегда очень нравился. В 1950-е годы Леонард некоторое время составлял рекламные проспекты для «Шевроле». Чтобы они были созвучны последнему писку моды, на все лады расхваливавшей грузовики компании грузоподъемностью полтонны, Леонард решил выяснить мнение тех водителей, которые ездили на этих машинах. Один из шоферов как-то сказал ему: «Этой чертовой тачке сносу нет. Легче сдохнуть, чем дожидаться, пока она выйдет из строя, чтобы купить новую».

Когда Леонард рассказал об этом ребятам из руководства компании, те посмеялись, но в благодарностях не рассыпались — это был не совсем тот текст, который они хотели поместить на рекламных щитах по всей стране. Но спустя десять лет именно в таком тоне Леонард стал писать свои детективы. При чтении их возникало ощущение обыденности, хотя на деле они совсем не были ординарными.

Вы помните ту сцену в фильме 1995 года «Достать коротышку», снятом по роману

Элмора Леонарда? У Чили Палмера⁵⁰ в ресторане увели дорогую куртку. Он не стал спрашивать: «Эй, где моя куртка? Я отдал за нее четыре сотни зеленых». Вместо этого он отвел хозяина ресторана в сторону и сказал ему: «Ты думаешь, речь идет о черной кожаной куртке до середины бедра с отворотами как у пиджака? Это зря. Лучше думай о том, что ты мне должен триста семьдесят пять баксов». В этих фразах удивительно точно отражается стиль Элмора Леонарда — забавный и очень *специфический*.

Или вот еще кусочек из его детектива 1995 года «Верхом на рэпе». Начальник полиции Рэйлан Гивенс накрывает двоих ничего не подозревающих мошенников в самый разгар кражи автомобиля. Леонард так описывает то, что за этим последовало: «Гивенс направил на двух парней дробовик и сделал то, что любому блюстителю закона гарантирует внимание и уважение. Он передернул затвор, и этот жесткий металлический звук лучше любого свистка заставил двух парней обернуться и понять, что они уже не при делах».

По романам Элмора Леонарда поставлены многие фильмы: в 1967 году — «Отважный стрелок» с Полом Ньюманом, «Мистер Маджестик» (1974), «Стик» (1985) с Бертом Рейнолдсом, «Находка 52» (1986). В большинстве случаев черный юмор и искрометные диалоги ранних картин не особенно воспринимались зрителями. По достоинству оценить их смогло лишь новое, более молодое поколение кинематографистов. Квентин Тарантино в 1997 году снял очень неплохой, хотя и немного затянутый фильм под названием «Джеки Браун» по роману Леонарда; «Достать коротышку» сделан вполне в стиле этого писателя; *en passant*⁵¹ стоит упомянуть, что именно Джон Траволта, звезда фильма, настоял на том, чтобы использовать в нем диалоги из романа.

И кроме того, в 1998 году вышла в прокат картина режиссера Стивена Содерберга «Вне поля зрения» с Джорджем Клуни и Дженнифер Лопес. Критикам она понравилась, но зрители билеты не покупали, и с ней произошла все та же известная, печальная история — она очень скоро сошла с экранов. Ничего хорошего в этом не было, потому что в тот год это был один из лучших фильмов. Его можно отнести к числу классических «забытых сокровищ», и именно поэтому я выбрал его, чтобы показать Джеси.

Перед тем, как мы начали просмотр, я попросил сына обратить внимание на актера Стива Зана. Тот играет обкуренного хронического неудачника по имени Глен. Уж не знаю, лучше он там играет, чем Дженнифер Лопес и Джордж Клуни, или хуже, но если он им в чем-то и уступает, то совсем немного. Зан был абсолютно неизвестным актером — и, кстати, выпускником Гарвардского университета, — которому отказали даже в прослушивании на этот фильм, и потому он был вынужден послать режиссеру видеокассету с записью прослушивания. Содерберг смотрел ее примерно пятнадцать секунд, потом сказал: «Вот он — наш парень».

Но и в тот раз я не знал, какую часть фильма Джеси «видел» на самом деле. Он то пытался вникнуть в происходившие на экране события, то снова уходил в свои мысли. Мне кажется, когда картина кончилась, он испытал некоторое облегчение и быстро смотался к себе наверх.

Потом, наконец, я достиг своей цели — картина, которую я выбрал, была настолько хороша, она так задела Джеси, что, как мне показалось, на пару часов он и думать забыл о Хлое.

Много лет назад в солнечный летний день я шел как-то по Янг-стрит в Торонто и случайно наткнулся на старого приятеля. Мы некоторое время не виделись друг с другом и решили вместе пойти в кино на первый попавшийся фильм — это лучший способ ходить в кино. Мы зашли в ближайший кинотеатр, там показывали шесть картин.

— Мы пойдем на этот фильм, — сказал мой приятель, — ты просто обязан его

⁵⁰ Персонаж фильма «Достать коротышку», сыгранный Джоном Траволтой.

⁵¹ Между прочим (*фр.*).

посмотреть.

И мы его посмотрели. «Настоящая любовь» почти неперееносимо впечатляющая картина. Это такое удовольствие, которое нельзя себе позволять чаще, чем раз в полгода. Квентин Тарантино написал сценарий о кокаине, убийстве и юношеской любви, когда ему было двадцать пять лет. Это был его первый сценарий. Он пытался его пристроить пять лет, но желающих не находилось. В сценарии была какая-то свежесть, которая почему-то казалась руководителям киностудий «чем-то неправильным». И только после того, как Тарантино снял «Бешеных псов», когда о нем уже стали говорить, фильм по его сценарию решил поставить английский режиссер Тони Скотт.

В «Настоящей любви» есть один потрясающий эпизод — столкновение между Деннисом Хоппером и Кристофером Уокеном, — который мне кажется самой лучшей сценой всего фильма. (Я знаю, что такое заявление можно сделать только раз, и вот я его сделал.) Просто голова кругом идет, когда смотришь, что могут сделать хорошие актеры, когда в их распоряжении «текстура» прекрасного диалога. Видно даже то удовольствие, которое они ощущают от игры друг друга. Они просто красуются в этой сцене. Когда я сидел в темном кинотеатре и в самом начале этой сцены Кристофер Уокен заявил: «Я — антихрист», мой приятель склонился ко мне и прошептал: «Ну, пошло-поехало».

В фильме есть и другие замечательные типажи, например, немного переигрывающий Гэри Олдмен в роли попавшего в безвыходное положение торговца наркотиками. Это человек, который настолько свыкся с насилием, что может, как заметил Джеси, «спокойно есть палочками китайскую еду за секунду до того, как это случится». В том же ряду стоят Брэд Питт в роли калифорнийского обкурившегося придурка, и Вэл Килмер — призрак Элвиса Пресли. Этот список можно продолжать и дальше.

Я сказал Джеси, чтобы он внимательно посмотрел финальную сцену фильма, полную любви, где Кристиан Слэйтер и Патрисия Аркетт резвятся на мексиканском пляже, в лучах закатного солнца, проникающих сквозь золотистые и пунцово-багряные облака, когда она ему повторяет: «Ты у меня такой клевый, такой классный, такой крутой!»

Эта последняя сцена подействовала на моего сына просто замечательно. Она его как-то приободрила, как будто удивительной красоты девушка, пританцовывая проходившая по бару, где звучала «та самая» песня, решила окрутить его. «Ты *такой* крутой».

Позже, когда мы, сидя на крыльце, дрожали от холода, закутавшись в пальто, выпал первый снег. Едва коснувшись земли, сверкающие снежинки исчезали.

— Мне никогда не нравилось смотреть кино вместе с Хлоей, — проговорил Джеси. — Меня коробило от того, что она говорила.

— Нельзя оставаться с женщиной, если не можешь ходить с ней в кино, — изрек я тоном, напоминавшим дедушку Уолтона. — Что же она тебе такое говорила?

Некоторое время сын следил за падавшими снежинками. В свете уличных фонарей казалось, что глаза его блестят серебром.

— Чушь несла всякую. Вроде как поддеть меня все время хотела. Как будто хотела сыграть свою обычную роль молодой профессионалки.

— Эта ее поза уже начинает утомлять.

— Да, особенно когда смотришь фильм, который тебе и в самом деле нравится. Поэтому с души воротит, когда кто-то при этом старается казаться «интересным». Хочется, чтобы фильм человеку просто понравился. Знаешь, что Хлоя однажды сказала? Она заявила, что «Лолита» Стэнли Кубрика лучше, чем «Лолита» Эдриана Лайна. — Джеси покачал головой и подался вперед. Мне показалось, что он выглядит как солдат-новобранец. — А ведь это совсем не так, — добавил он. — «Лолита» Эдриана Лайна — просто шедевр.

— Да, ты прав.

— Я сводил Хлою на «Крестного отца», — продолжал Джеси. — Но перед началом фильма сказал ей: «Мне совсем не хочется слышать от тебя какие-то замечания по поводу этого фильма, договорились?»

— И как она к этому отнеслась?

— Она сказала, что я пытаюсь ее «подавлять», что у нее есть право на собственное мнение.

— А ты что ей ответил?

— «Нет, по поводу „Крестного отца“ у тебя нет права на собственное мнение».

— Что же произошло потом?

— Кажется, мы поругались, — устало ответил Джеси. (Все мысли ведут в Рим.) Снег, казалось, усиливался, он вился, кружился, вихрился в лучах уличных фонарей, в ярком свете фар проезжавших по улице машин. — Мне только хотелось, чтобы фильм ей понравился. Это же так просто.

— Ну, Джеси, не знаю, мне совсем не кажется, что о такой любви можно только мечтать. Вы в кино вместе ходить не можете, потому что она тебя все время достает, гулять вы тоже вместе не можете, потому что она тебя утомляет.

— Странно, — он снова покачал головой и через некоторое время добавил: — Вся эта лабуда у меня теперь выветрилась из памяти. Я только помню, что с ней мне было очень хорошо.

На крыльце зажегся свет — к нам вышла моя жена. Ножки стульев скрипнули по снегу, разговор стих, но вскоре возобновился. Тина знала, что может с нами остаться. Через некоторое время я решил вернуться в дом. Мне казалось, у нее было, что сказать Джеси, чтобы его подбодрить и сделать так, чтобы ему стало легче. В университетские годы наша Тина не пропускала ни одной вечеринки. Я знал, что она без особого труда может отвлечь Джеси от этой эпопеи с Морганом, но чувствовал, что сам при этом — третий лишний. Пять минут спустя я выглянул в окно гостиной. Тина что-то говорила, а Джеси слушал. Потом, к моему величайшему удивлению, с крыльца донесся их смех, чего я меньше всего ожидал услышать.

Со временем это стало своего рода ритуалом — в конце дня Тина и Джеси выходили на крыльцо выкурить сигарету и поболтать. Я никогда не составлял им компанию, их разговоры носили сугубо личный характер, а я радовался в душе, зная, что у Джеси есть возможность поговорить с женщиной, которая значительно старше его и имеет такой опыт, от которого просто дух захватывает. Я отдавал себе отчет в том, что Тина рассказывает ему о своих университетских годах такое, о чем сам я даже не догадывался, да и о последующих годах жизни, которые сама она называла «годами вечеринок». Мне никогда в голову не приходило спрашивать у них, о чем они там секретничали. Есть такие двери, которые лучше не открывать.

Бросив взгляд на желтые карточки на холодильнике, я вспомнил, что хотел еще раз показать сыну «Эту замечательную жизнь», но, испугавшись, что в роли Донны Рид он может увидеть Хлою, в последний момент я передумал и показал ему «Порок сердца». Мне не очень хотелось смотреть с Джеси французский экспериментальный фильм — я знал, что ему скорее нужно было развлечься, — но эта картина настолько хороша, что ее стоило снимать.

Как и «Четыреста ударов», «Порок сердца» Луи Малля посвящен возрасту взросления, странной неловкости, некоторой экстравагантности богатой внутренней жизни, какая бывает у мальчишек, входящих во взрослую жизнь. Это период удивительной ранимости, к которому любят возвращаться писатели, потому что, как мне кажется, это время особенно глубоко западает в память, еще мягкую, как не застывший цемент.

Мальчик в «Пороке сердца», кажется, несет эту уязвимость в собственном теле — в чуть округлившись плечах, в руках, с которыми порой не знает, что делать, в угловатой походке, в том, как он идет по миру, напоминая чем-то жирафа, спотыкаясь на ухабах и натываясь на препятствия. Эта картина вызывает чувство острой ностальгии, как будто Луи Малль написал сценарий о том времени своей жизни, когда он был очень-очень счастлив, но понял это лишь много лет спустя. А еще в этом фильме с такой удивительной точностью выписаны мельчайшие детали возраста взросления, что все они кажутся знакомыми и близкими — зритель постоянно что-то узнает, как будто сам вырос во французской семье в

маленьком французском городке в 1950-е годы.

И какая развязка! Трудно себе представить, что кто-то еще мог бы сделать концовку картины такой же, какой решил ее сделать Луи Малль. К этому мне нечего добавить, кроме одного. В жизни любого из нас часто случается так: нам кажется, что мы кого-то прекрасно знаем и даже считаем, что были свидетелями каждого важного момента жизни этого человека, но на самом деле мы вовсе его не знаем и не можем знать.

— *Господи!* — произнес Джеси, взглянув на меня сначала озадаченно, а потом с неловким удивлением, перешедшим в восхищение. — Да, здесь этот режиссер так закрутил, что мало не покажется!

Пока мы смотрели эти «забытые сокровища», Джеси время от времени вставлял свои замечания, которые не переставали меня удивлять тем, насколько много он узнал о кино за последние три года. Для него самого это особого значения не имело. Мне кажется, он с радостью обменял бы тогда все эти знания на один телефонный звонок.

— Знаешь, — сказал я, когда картина закончилась, — ты уже стал настоящим кинокритиком.

— Правда? — произнес он с отсутствующим видом.

— Ты уже знаешь о кино больше, чем знал я, когда работал национальным кинокритиком на Си-би-си.

— Да ну? — откликнулся Джеси без особого энтузиазма. (Почему нам всегда не хочется заниматься тем, что у нас особенно хорошо получается?)

— Ты мог бы *стать* кинокритиком, — сказал я.

— Я знаю только то, что мне нравится. И больше ничего.

Немного подумав, я мягко произнес:

— Прости меня, ладно?

— Не обращай внимания.

— Ты мог бы навскидку назвать мне три нововведения, которые принесла с собой французская «новая волна»?

Джеси как-то странно моргнул и сел прямо.

— Ну... небольшие бюджеты..?

— Да.

— Съемка ручной кинокамерой..?

— Да.

— Фильмы вышли из студий на улицы?

— Можешь назвать мне имена трех режиссеров «новой волны»? — попросил я.

— Трюффо, Годар и Эрик Ромер. (Теперь он неплохо в этом разбирался.)

— Как будет «новая волна» по-французски?

— *Nouvelle vague*.

— Какая сцена тебе больше всего нравится в «Птицах» Хичкока?

— Эпизод, когда сначала видишь за плечом того парня пустое дерево, а в следующий раз оно облеплено птицами.

— Чем хороша именно эта сцена?

— Тем, что дает зрителю понять, что должно случиться что-то страшное.

— Как это называется?

— Тревожное беспокойство, — ответил он. — Как и в «Дурной славе» Хичкока, где тот строит дополнительный лестничный пролет.

Ответы отскакивали от языка Джеси, причем та легкость, с которой он отвечал на вопросы, ему явно льстила. В какой-то момент у меня возникло такое ощущение, будто ему представлялось, что наш разговор слышит Хлоя, незримо присутствующая в комнате третьей.

— Кто был любимым оператором Бергмана?

— Это совсем просто — Свен Нюквист.

— Какой фильм Вуди Аллена снимал Нюквист?

— Вообще-то он снял два его фильма — «Преступления и проступки» и «Другая женщина».

— Каким, по мнению Ховарда Хоукса, должен быть хороший фильм?

— Для этого надо, чтобы в нем было три хороших сцены и не было плохих.

— В «Гражданине Кейне» человек рассказывает о чем-то, что он видел в нью-йоркских доках пятьдесят лет назад. Что он там видел?

— Женщину с зонтиком.

— Последний вопрос. Ответишь правильно — тебя ждет еще один ужин в ресторане. Назови трех режиссеров движения «Новый Голливуд».

Джеси поднял указательный палец.

— Фрэнсис Коппола (пауза), Мартин Скорсезе (продолжительная пауза), Брайан Де Пальма.

Спустя некоторое время я посмотрел на сына и спросил его:

— Теперь ты понимаешь, что я имею в виду?

В тот вечер в воздухе нашего дома, наверное, витало что-то особенное, потому что позже Джеси вставил в мой компьютер свой диск.

— Это круто, — сказал он в качестве вступления.

Звучала песня, которую сын написал в одну из тех ночей на севере, когда от порывов ветра дребезжали оконные стекла, когда Хлоя уже ушла от него, и он знал, что она никогда не вернется. Песня начиналась звуками скрипки — одна и та же музыкальная фраза повторялась снова и снова, постепенно обретая ритм, к ней присоединялись бас-гитара и ударные, а вслед за инструментами звучал голос.

Я знаю, большинство родителей считают, что их дети гениальны, даже если те вполне заурядны (мы клеим на холодильники их рисунки, будто это шедевры Пикассо), но эту песню, которую Джеси назвал «Ангелы», я слушал совсем недавно, когда история с Хлоей уже превратилась в смутное воспоминание. Поэтому я с полным основанием могу сказать следующее: в этом послании к неверной молодой женщине есть что-то удивительное — мне слышится в нем искренность чувств, которые должен испытывать кто-то *другой*, но никак не тот мальчик, который сидел тогда со мной на кушетке, шевеля губами в такт словам.

Но особенно меня поразило то, как изменились стихи Джеси. Обвинения чередовались в них с мольбами. Они были жесткими, они были грубыми, они рвали душу на части, как будто их автор выворачивал себя наизнанку как австралийская рыба-огурец. Но вместе с тем впервые они были *подлинными*; не было в них больше слезливой трухи о том, как детство его проходило в трущобах, о корпоративной алчности, о том, как в детстве на заднем дворе он торил свой путь сквозь иглы и презервативы. Песня «Ангелы» была подлинным криком души — как будто кто-то содрал с себя кусок кожи и записал раздавшийся при этом крик.

Слушая эту песню, я понял — скорее с некоторым облегчением, чем с сожалением, — что мой сын талантливее меня. Причем талант его был естественным. И агония, в которой он бился после расставания с Хлоей, помогла ему раскрыть этот дар. Она вытопила из его стихов детский жирок.

Когда смолк сначала записанный на диске голос, а потом сошли на нет заунывные звуки скрипки (звучавшей как двуручная пила, которой пилят бревно), Джеси спросил меня:

— Ну, как?

Ответил я неспешно, раздумчиво, так, чтобы сын смог лучше осознать мои слова.

— Мне кажется, у тебя есть талант, и грех было бы таить его от людей.

Он вскочил на ноги точно так же, как тогда, когда я ему сказал, что он может бросить школу.

— Значит, не так уж это и плохо? — возбужденно проговорил Джеси.

А я подумал: Господи, может быть, это и есть тот путь, который уведет его подальше от Хлои?

В тот вечер я поздно вернулся домой. Свет на крыльце не горел. Я в потемках поднимался по ступеням, пока чуть не наткнулся на Джеси.

— Боже мой, — вырвалось у меня, — как же ты меня напугал!

Позади сына, в окне ярко освещенной кухни, я заметил хлопотавшую по хозяйству Тину и поспешил к ней.

Обычно Джеси, которому не терпелось поговорить, шел за мной в дом, болтая без умолку. Иногда он даже вставал около туалета и говорил со мной через дверь. Я рассказал о накопившихся за день хороших новостях жене (здесь мне работу обещали, там работу обещали — все вертелось исключительно вокруг работы) и вышел на крыльцо. Включив свет, я увидел, что Джеси повернул ко мне голову — на лице его мелькнула невеселая улыбка.

Я тихо сел с ним рядом.

— Помнишь, чего я больше всего боялся? — спросил он.

— Да.

— Именно это и случилось.

Ему позвонил приятель и рассказал обо всем по телефону.

— Ты в этом уверен?

— Да.

— Откуда ты знаешь, что это случилось с Морганом?

— Он сам рассказал обо всем моему приятелю.

— Который выболтал это тебе?

— Да.

— Господи, зачем же он это сделал?

— Потому что она все еще ему нравится.

— Да нет, я спросил, зачем твой приятель рассказал об этом тебе?

— Потому что он — мой друг.

Китаянка из дома на другой стороне улицы вышла с половой щеткой на крыльцо и стала энергично мести ступени. Я не осмеливался взглянуть сыну в глаза.

— Мне кажется, она сделала непоправимую ошибку, — беспомощно проговорил я.

Маленькая китаянка как птичка кивала своей маленькой головой в такт движениям щетки.

— Теперь я никогда с ней больше не буду иметь дело, — сказал Джеси. — Никогда.

Он встал со стула и спустился вниз по ступенькам крыльца. Я вдруг обратил внимание на его уши — они были красными, как будто он некоторое время сидел на стуле, подавшись вперед, и тер их руками. Что-то странное было в его ушах и в том, как он уходил, как будто идти ему было некуда, как будто все задачи, все человеческие действия за исключением тех, которые были связаны с ней, не имели смысла, как пустая автомобильная стоянка, простирающаяся до самого горизонта. У меня защемило сердце, и я готов уже был пойти вслед за ним.

Я собирался показать сыну фильм Жана-Пьера Мельвиля «Шпик», но вместо него Джеси захотел посмотреть «Чунгкингский экспресс». Он принес диск из своей комнаты наверху.

— Ты не возражаешь? — спросил он. — Мне бы хотелось посмотреть что-то из того, что мы смотрели с тобой до Хлои. — Но когда посреди фильма из динамиков вырвались звуки «Калифорнийской мечты», под которые в квартире кружилась в танце худенькая как тростиночка девчушка, Джеси выключил телевизор. — Нет, ничего не получается, — сказал он. — Я думал, это меня как-то подбодрит.

— Как это можно было бы сделать? Как ты считаешь?

— Знаешь, я ведь смог пережить расставание с Ребеккой. А теперь переживу и разлуку с Хлоей.

— Да?

— Но я не могу к этому возвращаться. Мне уже трудно вспомнить, на что была похожа моя *любовь* к Ребекке. А когда пытаюсь, все время думаю только о Хлое. Все получается как-то слишком романтично. У меня даже руки начинают потеть.

На следующую ночь Джеси не пришел домой. Вместо этого он оставил на автоответчике довольно натянутое, какое-то формальное сообщение о том, что будет ночевать в «студии». Я там никогда не был, но знал, что помещение было таким маленьким, что «кошке негде повернуться». Мне было совершенно непонятно, как Джеси собирался там спать. И кроме того, мне совсем не понравился его тон, в нем звучала совершенно несвойственная сыну серьезность. Он говорил это как парень, признающийся в краже автомобиля.

В ту ночь я спал беспокойно. Примерно около восьми утра, будучи все еще на взводе, я наговорил сообщение на сотовый телефон Джеси, выразив надежду, что у сына все в порядке, и попросил позвонить отцу, когда выдастся свободная минутка. Еще добавил, сам не знаю почему, что понимаю, как муторно на душе у него, но никакие наркотики — особенно кокаин — ему не помогут. Наоборот, они его могут довести до больницы. Или даже до смерти.

— Это уже не шутки, — сказал я в трубку, вышагивая из угла в угол по пустой гостиной и поглядывая на залитое солнцем крыльцо. — Здесь слезами горю не поможешь. — Эти сентенции звучали напыщенно и неубедительно, но, положив трубку, я почувствовал себя спокойнее: худо-бедно, но я сказал сыну, наконец, что хотел.

Джеси перезвонил через двадцать минут. Странно, что он звонил так рано. Но, тем не менее, так оно и было. Голос его звучал утробно, Джеси аккуратно подбирал слова, как будто кто-то держал его на мушке или внимательно следил за тем, что он мне говорит.

— У тебя все в порядке? — с тревогой спросил я.

— Да, да, все нормально.

— Ты говоришь как-то странно.

Услышав это мое замечание, он раздраженно фыркнул.

— Да, я сейчас не в самом лучшем состоянии.

— Знаю, Джеси, — сказал я и после паузы добавил: — Ну что ж, увидимся вечером.

— Может быть, мы будем репетировать, — сообщил он.

— Да, конечно, но потом нам хотелось бы с тобой встретиться, мне и Тине, выпить по бокалу вина.

— Я сделаю, что смогу, — сказал Джеси.

Сделаю, что смогу. (Я ведь не прошу тебя добровольно сдать донорскую кровь, сынок.)

Мне совсем не хотелось его оттолкнуть, он и так был уже далеко, очень далеко, на привязке, которая неведомым образом совсем истончилась. Стала такой тонкой, что ее ничего не стоило оборвать совсем. Я с ним попрощался.

День был на удивление хорош, солнце просто слепило, деревья стояли голые, по небу легко скользили облака. День выдался просто нереальный.

Сразу после полудня телефон зазвонил снова. Голос Джеси звучал вяло, глухо, без всяких интонаций.

— Прости, что я тебе соврал, — сказал он. Пауза. — Я *принимал* прошлой ночью наркотики. Сейчас я в больнице. Я сначала думал, что у меня стало плохо с сердцем, потом отнялась левая рука, и я вызвал «скорую».

— Только этого еще не хватало! — еле выдавил я из себя.

— Прости меня, пап.

— Где ты сейчас?

Джеси назвал больницу.

— Где это, черт возьми?

Я понял, что он прикрыл трубку рукой. Через некоторое время Джеси назвал мне адрес.

— Ты там где, в приемной? — спросил я.

— Нет. Я здесь с медсестрами. В кровати.

— Лежи там и жди меня.

Пока я одевался, позвонила его мать. У нее неподалеку была репетиция, и она хотела зайти к нам перекусить.

Я взял машину Тины, подобрал по дороге Мэгги, и в тот яркий солнечный день мы поехали в больницу. Доехав, запарковались, прошли мили три по бесконечным коридорам, поговорили с кем-то в приемном покое, прошли через массу автоматических дверей, разъезжающихся в разные стороны, мимо шутивших медсестер, мимо фельдшеров в голубых одеждах и дежурных врачей, повернули налево, потом направо к кровати номер 24. На ней лежал он. Бледный как смерть. Глаза его походили на мрамор, губы потемнели и потрескались. Под ногтями скопилась грязь. Над его головой негромко попискивал кардиомонитор.

Мать Джеси нежно поцеловала его в лоб. Я бросил на него прохладный взгляд, потом посмотрел на монитор и спросил:

— Что говорят врачи? — Коснуться сына я не мог.

— Они сказали, что сердце бьется быстро, но проблема не в нем.

— Тебе сказали, что сердечного приступа не было?

— Они так не думают.

— Они так не думают или они это *знают*?

Мэгги взглянула на меня осуждающе. Я тронул его за ногу и сказал:

— Это хорошо, что ты вызвал неотложку. — И чуть было не добавил: «Надеюсь, платить мне за это не придется» — но вовремя спохватился.

И тут Джеси заплакал. Он смотрел вверх — в белый потолок, а по щекам его катились слезы.

— Она победила, — проговорил мой сын.

— Кто?

— Хлоя. Она выиграла. Она там со своим бывшим приятелем радуется жизни, а я — здесь, в этой чертовой больнице. Она выиграла.

Я чувствовал себя так, будто у меня кто-то двумя длинными сильными пальцами вынимает из груди сердце. Мне казалось, я теряю сознание. Я сел.

— Жизнь очень долгая, Джеси. Тебе сейчас не дано знать, кто выиграл этот раунд.

— Как это могло случиться? — всхлипнул он. — Как такое могло *произойти*?

Мне казалось, я сам вот-вот заплачу. Господи, подумал я, сделай, пожалуйста, так, чтобы он перестал плакать.

— Она позвонила этому парню и трахнула его, — сказал Джеси, глядя мне в глаза с такой болью, что я отвел взгляд.

— Да, — беспомощно кивнул я, — дела обстоят не лучшим образом.

— Это точно, — сквозь слезы сказал сын, — *не лучшим*. Я спать не могу, даже глаза не могу сомкнуть. У меня из головы эти картинки не идут.

Я подумал, что от такого и впрямь можно преставиться, и сказал:

— Такая обостренность восприятия, мой дорогой, у тебя отчасти от кокаина. Он снижает защитную функцию, а потому все кажется гораздо хуже, чем есть на самом деле. — Какими бессмысленными могут быть порой слова, какими никчемными, трескучими, пустыми! Как лепестки цветов под гусеницами бульдозера.

— Что, правда? — спросил Джеси с интересом, как человек, в отчаянии хватающийся за соломинку.

Тем самым он подтолкнул меня к развитию темы. Я говорил минут пятнадцать, все это время мать не отводила взгляда от его лица. Я все говорил, говорил, говорил обо всем, что мог ему сказать. У меня было такое чувство, что я ищу что-то в темной комнате, ощупывая пальцами стены, роюсь в карманах, в ящиках стола, под раскиданной одеждой, там, у настольной лампы, судорожно ищу на ощупь правильную комбинацию слов, которая могла бы дать ему хоть мало-мальски убедительный ответ на этот его вопрос «Что, правда?», от

чего ему бы хоть чуточку полегчало.

— Ты можешь выкинуть эту девушку из головы, Джеси, — подытожил я, — но кокаин тебе этого сделать не даст.

— Знаю, — отозвался он.

Они приехали в студию на репетицию, начал он. Весь день у него было такое чувство, что Джек что-то знает, но хочет это от него утаить. Может быть, Хлоя все время с ним плутовала, может быть, Морган был лучшим в мире... мало ли, что может быть? И тогда Джеси спросил приятеля:

— Ты знаешь что-то, о чем не хочешь мне говорить?

Джек, девушка которого была едва знакома с Хлоей, ответил отрицательно. Джеси нажал на него сильнее. Да нет, ничего нового не случилось, только то, о чем он рассказывал уже пять раз: она позвонила Моргану, тот сел на автобус и поехал в Кингстон. Они провели вместе вечер в ее квартире под звуки «крутой» музыки. А потом она его трахнула. Вот и весь сказ, сказал он, честное слово, больше ничего такого он не знает.

Потом кто-то принес кокаин. А семь часов спустя, когда все еще спали, Джеси на коленях ползал по ковру в поисках частичек наркотика, которые могли упасть со стола. Потом у него стала отниматься рука. Он вышел на ослепительный солнечный свет, отблески которого вспыхивали на крышах и боках машин, зашел в какой-то уже открывшийся бар, сказал, что ему нужно вызвать «скорую». Хозяин бара заявил: «Здесь мы этим не занимаемся».

Когда он доплелся до телефонной будки, было уже около полудня. Все кругом куда-то суетливо торопились, что его сильно пугало, набрал номер полиции и вызвал неотложку. Потом сел на бордюрный камень и стал ждать. Подъехала машина «скорой помощи», его положили на место больного. Пока его везли в больницу, он глядел в заднее окно на залитые солнцем улицы, убегавшие от него куда-то в даль. Медсестра спросила, что он принимал, и попросила дать ей номер телефона родителей. Он отказался.

— А потом я сдался, — сказал он. — Я сломался и все им рассказал.

Некоторое время все молчали. Мы с Мэгги сидели и смотрели на сына, рукой прикрывавшего лицо.

— Это было единственное, что я просил ее не делать. — Джеси покачал головой. — Только одну вещь. Почему же она сделала именно это?

А на его бледном детском лице, казалось, было написано: *она сделала это ему, а он сделал это ей.*

— С ее стороны, конечно, это был удар ножом тебе в спину, — вздохнул я.

Вошел врач — молодой итальянский парень с козлиной бородкой и усиками. Держался он очень уверенно. Я спросил Джеси:

— Ты можешь откровенно говорить с доктором в нашем присутствии?

— Быть искренним, — заметил врач, как будто я уместно пошутил, — просто необходимо.

Джеси кивнул. Врач задал ему несколько вопросов, послушал грудь и спину.

— Твоему телу кокаин не по нраву, — произнес он с улыбкой. — И курение ему совсем ни к чему. — После этого, встав в позу, сказал: — Сердечного приступа у тебя не было. — Он объяснил что-то, чего я не понял, сжав кулак, чтобы показать остановку сердца. — Но должен сказать тебе одну вещь. Когда кто-то из людей твоего возраста *действительно* попадает сюда с сердечным приступом, это всегда бывает из-за кокаина. Всегда.

Доктор ушел. Три часа спустя мы тоже уехали из больницы, по дороге подкинув Мэгги до метро. Я привез Джеси к себе. Когда мы припарковали машину у дома, он снова заплакал.

— Мне так не хватает этой девочки, — всхлипывал он. — Мне так плохо без нее.

У меня на глаза тоже навернулись слезы.

— Я бы все сделал, чтобы тебе помочь, все, что в моих силах.

Мы оба устроились на крыльце и сидели там, шмыгая носом.

ГЛАВА 15

И ВДРУГ ПРОИЗОШЛО ЧУДО (хотя неожиданным назвать его было трудно). Хлоя — эта карьеристка до мозга костей, которая, казалось, только и думала о том, как бы вскарабкаться в этой жизни повыше, изменила свое решение. Прошел слух, что она дала Моргану отставку. После этого она, видимо, снова вознамерилась закинуть удочку, чтобы прощупать Джеси на прочность. Ее лучшая подружка «случайно наткнулась» на него на одной вечеринке и шепнула ему «по секрету», что Хлоя «очень, очень по нему скучает».

Мне стало казаться, что после этого у сына даже цвет лица стал нормальным. И походка его как-то изменилась — он снова стал ходить вразвалку, будто чуть пританцовывая, и не пытался это скрывать. Он сыграл мне как-то свою новую песню, потом сочинил еще одну. «Растленная ностальгия», как иногда говорят в шоу-бизнесе, круто «поднималась». Они играли в баре на улице Куин. Мне, как и раньше, вход туда был запрещен.

Я понимал, что интерес Джеси к программе наших «забытых сокровищ» ослабевает, и я пытался как-то определиться с тем, что нам делать дальше. Наверное, имело смысл подтолкнуть его что-то писать — у него теперь явно проявлялась к этому склонность. Решение казалось простым, проще пареной репы: мы раскрутим новую кинопрограмму, в которую войдут лучше всего написанные сценарии. Мы снова посмотрим «Манхэттен» Вуди Аллена. Еще раз прокрутим «Криминальное чтиво», но теперь попытаемся провести четкую грань между развлекательной и серьезной литературой. «Криминальное чтиво» сам по себе чрезвычайно занимательный фильм, импозантный, с блистательными диалогами, которые никак не связаны с реальной жизнью. Я сказал себе, что надо будет напомнить Джеси о том, что, когда Чехов в одном из московских театров смотрел пьесу Ибсена «Кукольный дом», он обернулся к другу и шепнул ему: «Но жизнь ведь совсем не такая».

Почему бы в таком случае сыну не посмотреть картину Луи Малля «Ваня с 42-й улицы»? Он еще слишком молод для Чехова, фильм может показаться ему скучным, это точно, но я почему-то подумал, что ему понравится вечно ноющий, жалующийся, терзающийся переживаниями Уолли Шоун в роли Вани, особенно когда он разражается тирадами о профессоре Серебрякове: «Не можем же все мы говорить, писать и делать свою работу, как какая-нибудь сенокосилка!»

Да, Джеси Ваня понравится. «Прекрасная выдалась погода для самоубийства».

А потом как бы на десерт я покажу ему «Иметь и не иметь». Этот фильм в рекомендациях не нуждается: он был поставлен по роману Хемингуэя (у которого к тому времени уже крыша начала ехать, он тогда сильно перебирал мартини со стимулирующими таблетками и писал в четыре утра всякую чушь); сценарий к нему написал Уильям Фолкнер, который был без ума от «Лолиты»; да еще и сцена там потрясающая есть, наверху в приморской гостинице, когда Бэколл предлагает себя Богарту со словами: «Тебе не надо ни делать ничего, ни говорить, разве что только свистнуть можешь. Ты ведь умеешь свистеть, правда, Стив? Надо только вот так сложить губы и дунуть». Непревзойденный текст, чтобы пустить пыль в глаза!

Я скажу Джеси об этом, а потом покажу фильм «Американцы» (вот оно — истинное стремление произвести впечатление), снятый по сценарию Дэвида Мэмета. Рассказывается в нем о третьеразрядной конторе торговцев недвижимостью, где собрались одни неудачники, которых последними словами кроет агент, присланный из центральной конторы. «Поставь свой кофе на стол, — говорит Алек Болдуин оторопевшему Джеку Леммону. — Кофе пьют только неудачники накануне банкротства».

Вот что я собирался ему показать. А после этого, может быть, мы посмотрели бы еще несколько «черных фильмов», скажем, «Происшествие на Саут-стрит»... Все это было у нас впереди.

Потом наступили рождественские каникулы, поздно вечером мы с Джеси сидели на крыльце, тихо падал снег. По зимнему небу носились огни прожекторов — бог знает, что они

там искали, что они праздновали. С Хлоей Стэнтон-Маккэйб сын не виделся, не звонил ей, ничего не посылал ей по электронной почте, хотя знал, что теперь в любой день она должна вернуться и неделю провести с родителями. Намечалась какая-то вечеринка, где он мог с ней встретиться.

— А что, если она снова это сделает? — спросил он.

— Что именно?

— Спутается еще с каким-нибудь парнем.

Теперь у меня хватило опыта, чтобы воздерживаться от скоропалительных предсказаний типа: «Ты уж мне поверь!» (хоть Морган у меня перед глазами, конечно, не маячил).

— Знаешь, что по этому поводу говорил Толстой?

— Нет.

— Он говорил, что женщина не может причинить тебе боль дважды одним и тем же способом.

Мы оба следили за какой-то машиной, которая проехала не в ту сторону по улице с односторонним движением.

— Тебе кажется, он прав? — снова спросил Джеси.

Я всерьез задумался над вопросом сына. (Он все помнит. Мой ответ должен быть очень взвешенным.) Я быстро прокрутил в голове список любовниц, которые от меня уходили (он оказался на удивление длинным). Да, действительно, уходя во второй раз, ни одна женщина не делала мне так больно, как тогда, когда бросала меня в первый раз. Но вместе с тем я понял, что в подавляющем большинстве случаев я никогда не давал одной и той же женщине *шанса* причинить мне боль во второй раз. Когда мои несчастные любовницы меня бросали, они, как правило, сами не спешили ко мне вернуться.

— Да, — ответил я, подумав, — мне кажется, он был прав.

По прошествии нескольких дней — уже после Рождества — я возился с новогодней елкой: лампочки на гирляндах мигали, какие-то работали, какие-то перегорели — это всегда составляло для меня неразрешимую загадку физики, которую могла решить только моя жена. В тот момент я услышал привычный топот по лестнице. Комнату наполнил резкий запах дезодоранта (которым Джеси пользовался, распыляя жидкость велосипедным насосом), и юный принц в морозный вечер ушел навстречу своей судьбе.

Домой он ночевать не вернулся. На следующее утро я выслушал сообщение Джеси на автоответчике, причем голос сына звучал по-взрослому, как-то очень мужественно. Снег белым ковром устилал наш дворик, солнце поднималось по небу. Позже — уже после обеда — Джеси вернулся и кратко, но толково изложил события прошедшей ночи. Он действительно пошел на ту вечеринку. Пришел туда, когда веселье уже было в разгаре, с другими ребятами в бейсбольных кепках, футболках с короткими рукавами, как будто сшитых на слонов, и в свитерах с капюшонами. Она тоже там была, в полной людеи, прокуренной гостиной, где оглушительно звучала музыка. Они перекинулись лишь парой слов, и она шепнула ему на ухо: «Если будешь на меня так смотреть, мне придется тебя поцеловать». (Господи, где они успели набраться таких выражений? Или накануне своих вечеринок они дома читают Толстого?)

После этого мой парень, конечно, разомлел (так и должно было случиться). Оба они остались на вечеринке. Вдруг им никуда не надо было торопиться. Странно, но факт: эти последние месяцы им как будто во сне привиделись, как будто между ними вообще никаких размолок не было. (Но ведь на самом-то деле что было, то было, и разговор об *этом* им еще только предстоял.) А пока они как будто неспешно катились с пологого холма на велосипеде без тормозов. И не было такой силы, которая могла бы остановить этот спуск, даже если бы кому-нибудь этого очень захотелось.

Когда я вспоминаю теперь о киноклубе, мне кажется, что именно в ту ночь его существование стало клониться к закату. Именно тогда начался новый отсчет времени, открывший следующую главу в жизни Джеси. Тогда об этом, конечно, никто не думал. Тогда

было такое ощущение, что все как обычно идет своим чередом, словно уладилась какая-то очередная неурядица, все благополучно утряслось и можно опять возвращаться к кино клубу. Ну и слава богу.

Но даже сейчас, когда я пишу эти слова, меня не покидает мысль о том, что их надо выбирать осмотрительно и продуманно. Вспоминаю последнее интервью, которое я взял у Дэвида Кроненберга, сделав мрачноватое замечание о том, что воспитание детей чем-то похоже на череду расставаний — сначала с подгузниками, потом с комбинезонами и наконец — с самими детьми. «Вас постоянно покидают прожитые ими детские жизни», — сказал я, но Кроненберг, дети которого уже стали взрослыми, перебил меня вопросом: «Да, но разве на самом деле сами они когда-нибудь от нас уходят?»

Несколько дней спустя произошло нечто невообразимое: Джеси пригласил меня на концерт, в котором принимал участие. Он играл в том самом угловом клубе, где однажды состоялось выступление «Роллинг Стоунз», после которого, как мне кажется, бывшая жена нашего премьер-министра уехала домой с одним из их гитаристов. Это было именно то место, откуда год назад Джеси меня благополучно выпроводил. Иначе говоря, тот набитый битком зал имел для меня поистине историческое значение.

Джеси сказал мне, чтобы я пришел туда около часа ночи, встал у входа и вел себя пристойно, имея в виду, что мне лучше держать отцовские чувства при себе, не допуская по отношению к нему никаких неловких их проявлений, которые хоть в какой-то степени могли поколебать веру случайного наблюдателя в его гетеросексуальную ауру и негибимость крутого дворового пацана. Я с готовностью принял условие сына. Тина приглашения не удостоилась; двое взрослых со слезами счастья на глазах — это было бы чересчур. Она с радостью с этим согласилась. Ведь Тина — женщина изящная, даже худая, и мысль о том, чтобы выйти на морозный воздух, где, может быть, придется ночью простоять в очереди минут сорок пять, а с озера Онтарио ледяными порывами при этом будет бить в лицо промозглый ветер, отбивала у нее всякое стремление удовлетворить даже самое жгучее любопытство.

Так вот, примерно в половине первого я вышел из дому на скользкий тротуар и отправился в путь через парк. По пустынной улице я шел по китайскому кварталу под звуки, доносившиеся время от времени из тени: шуршали кошки, искавшие себе в мусорных баках пропитание. Когда я повернул за угол, ветер, дувший в спину, гонял мне по телу мурашки, пока я не дошел до входной двери в «Эль Мокамбо». У клуба, как мне показалось, на морозе топталась все та же группа куривших парней, что и в прошлый раз. Они так же ругались, смеялись, дыхание их клубилось рядом с лицами облачками из мультфильмов. Джеси поспешил мне навстречу.

— Пап, боюсь, тебе туда нельзя, — сказал он, почти ударившись в панику.

— Почему нельзя?

— Там не очень подходящая обстановка.

— Что ты хочешь этим сказать? — не очень понял я.

— Там совсем немного народа. Предыдущая группа выступала слишком долго, поэтому люди стали расходиться...

Это было чересчур.

— Ты выдернул меня из теплой постели посреди холодной ночи. Я оделся и притащился сюда. Теперь час ночи. Я ждал твоего выступления *несколько дней*, а теперь ты мне заявляешь, что мне туда нельзя?

По прошествии нескольких минут Джеси уже вел меня вверх по лестнице мимо телефона-автомата, около которого в прошлом году остановил меня и дал мне от ворот поворот. (Как же быстро бежит время!) Я прошел в небольшой темный зал с низким потолком и маленьким квадратным подиумом сцены. Несколько худых девиц сидели у самой сцены, болтали ногами и курили.

Джеси нечего было беспокоиться — в течение следующих десяти минут в зал беспрестанно заходили коренастые чернокожие ребята с сеточками на волосах и

длинноногие девочки с подведенными черной тушью глазами (отчего юные особы выглядели как затравленные еноты). Вместе с остальными вошла и Хлоя. В носу у нее было все то же колечко с бриллианчиком, по плечам рассыпались пышные русые волосы. (Он был прав — девочка и в самом деле выглядела как кинозвезда.) Она приветливо помахала мне ручкой как благовоспитанная ученица частной школы, встретившая во время летних каникул директора.

Я устроился в дальнем углу зала среди каких-то черных кубов (я так и не понял, для чего они нужны), старых динамиков, пустых коробок и другого скопившегося в зале хлама. В той части зала было так темно, что я с трудом различал контуры двух сидевших недалеко от меня девчушек, хотя прекрасно ощущал аромат их духов и слышал их радостный щебет, пересыпанный непристойностями.

Перед тем, как меня там посадить, Джеси дал мне наказ помалкивать и не высовываться. У него были еще какие-то «срочные дела», так он сказал, прежде чем оставить меня в одиночестве.

Я сидел в темноте и ждал, сердце мое отчаянно колотилось от безотчетной, почти непереносимой тревоги. Сидел и ждал. В зал набивалось все больше молодежи, становилось жарко. В конце концов, на сцену вышел какой-то парень (не то ли это было место, где когда-то стоял Мик Джаггер?) и обратился к присутствующим с призывом «заткнуть свои поганые глотки» и «кончать бардак», чтобы послушать, наконец, «Растленную ностальгию».

«Растленная ностальгия» — ни много ни мало! И тут они вышли к зрителям — два долговязых парня, Джеси и Джек. Зазвучал ритм «Ангелов», Джеси поднес микрофон к губам и до нас донеслись полные страсти стихи, как обличение Троилом Крессиды⁵². Хлоя стояла ко мне спиной (Моргана видно не было), к сцене тянулся лес рук.

А на сцене стоял он — мой любимый сын, уже ушедший от меня в свободный полет, живущий своей жизнью, меряющий сцену шагами, как будто именно для этого он был рожден. Теперь Джеси совсем не казался моим сыном — таким я его никогда раньше не видел.

Стихи лились непрерывным потоком — горькие, обидные слова. Хлоя стояла посреди зала в центре колыхавшейся толпы, она чуть склонила на бок голову, будто пыталась отразить яростные нападки. Сцена, казалось, была под осадой — руки ребят и девочек тянулись к ней ветвями деревьев, в едином порыве взлетая вверх и падая вниз...

Для нас с Джеси ход событий не таил в себе неожиданностей — несколько месяцев спустя он снял видеофильм «Ангелы», Хлоя играла в нем «девушку» (актриса, нанятая на эту роль, сильно загуляла, пила не просыхая, наркотой баловалась, в общем, больше мы ее не видели). Мы с ним нередко зааживали в «Ле Пароди» поужинать, он часто курил с Тиной на крыльце (даже теперь, когда я об этом пишу, до меня доносится оттуда их заговорщицкий шепоток), мы продолжали смотреть с ним фильмы, но теперь все больше в кинотеатрах. Мы всегда выбирали себе места в девятом или десятом ряду слева от прохода — это были «наши места». Случались у Джеси размолвки и опереточные примирения с Хлоей Стэнтон-Маккэйб, их отношения постоянно балансировали на грани разрыва. Было похмелье, и неряшливые грязные пятна на мебели — следы внезапно проснувшегося пристрастия к кулинарному искусству, скрупулезные уроки которого давал японский шеф-повар, и униженное «вторжение» на британскую музыкальную сцену («Пап, ты только представь себе — у них там есть свои рэперы!»).

А еще было интригующее поздравление с днем рождения — от кого бы вы думали? — от Ребекки Нг, которая училась на втором курсе юридического факультета.

Потом в один прекрасный день — это было как гром среди ясного неба — Джеси сказал мне: «Я хочу вернуться в школу». Он записался на очень насыщенный курс

⁵² «Троил и Крессида» — трагедия Уильяма Шекспира, имена героев которой вынесены в название произведения.

ускоренного обучения, включавший математику, точные науки, историю — всю ту жуть, которая еще несколько лет назад казалась ему кошмаром. Я был уверен, что у него шанса нет высидеть нескончаемые часы занятий в классе, а потом еще долго корпеть над домашними заданиями. Но я опять ошибся.

Мать Джеси, бывшая школьная учительница из прерий, помогала ему заниматься у себя дома в греческом квартале. Дело это было непростым, особенно когда доходило до математики. Иногда он вскакивал из-за кухонного стола, когда его трясло от бешенства и бессилия, уходил из дому и как ненормальный слонялся по кварталу. Но всегда возвращался обратно.

Джеси стал оставаться ночевать у матери — так ему легче было вставать по утрам, говорил он, «чтобы сразу же врубаться в гранит науки». Потом он вообще перестал ко мне возвращаться.

Джеси позвонил мне вечером накануне выпускного экзамена.

— Понятия не имею, как там все сложится, — сказал он, — но хочу, чтоб ты знал, что я вымотан до предела.

Спустя пару недель мне бросили в почтовый ящик белый конверт. Мой парень стрелой влетел в дом, схватил письмо и разорвал конверт. Руки его дрожали, когда он читал, кивая в такт словам.

— Я это добил, — крикнул Джеси, не отрывая взгляд от письма. — Наконец-то я это одолел!

Ко мне он больше не вернулся. Остался у матери, потом снял квартиру вместе с приятелем, с которым познакомился в школе. У них вроде проблема там возникла с какой-то девочкой, но они ее решили. Или не решили. Я уж и запомнил.

Нам так и не суждено было посмотреть картины, снятые по лучшим сценариям. Время наше вышло. Но, мне кажется, это уже не имело значения. У всех нас остаются какие-то неисполненные задумки.

В определенном смысле Джеси перерос наш кино клуб, и меня он тоже перерос, точнее — перерос в себе ребенка своего отца. Дело шло к этому очевидному исходу поэтапно на протяжении нескольких лет и как-то внезапно пришло к своему естественному завершению. Если такое дело пустить на самотек, от него зубы могут расшататься.

Иногда по ночам я заглядываю в спальню сына на третьем этаже, захожу туда и сажусь на край кровати. Мне по-прежнему не верится, что он ушел, и в первые несколько месяцев меня тянуло в его комнату необыкновенно сильно. На тумбочке около кровати Джеси оставил «Чунгкинский экспресс», который теперь ему не нужен — он взял от фильма все, что ему было надо, и оставил позади, как змея оставляет свою старую кожу.

Сидя на кровати сына, я понял, что он уже никогда не вернется ко мне в прежнем своем обличье. Теперь он будет меня навещать лишь как гость. Каким же странным, чудесным, неожиданным даром оказались те три года его юношеской жизни, когда обычно дети хлопают дверью перед носом родителей!

И как кстати так получилось (хоть в те годы мне совсем так не казалось), что у меня тогда почти не было работы, зато была уйма свободного времени — этих неповторимых дней и вечеров... этого *времени*.

Я все еще мечтаю посмотреть с ним фильмы, оценка которых была завышена. Мне просто до смерти хочется рассказать ему о картине «Искатели», о сбивающих с толку похвалах и нелепых последствиях, которые она породила; или о злостном лицемерии героя Джина Келли в «Поющих под дождем». У нас с Джеси еще будет время, но уже не *такое* — не такое лукавое, порой завораживающе монотонное, которое уныло тянется, когда с кем-то вместе живешь, думая, что это будет длиться вечно, а потом это время вдруг вмиг исчезает, канув в Лету.

Многое уготовило для нас будущее — его первые дни в университете, невыразимый восторг Джеси при получении студенческого билета с его именем и фотографией, его первая работа («Роль нескольких рассказчиков в фильме „Дух тьмы“, поставленном по повести

Джозефа Конрада»), первая кружка пива, которую он выпил после лекций с новыми приятелями-студентами. Но пока он был просто долговязым парнем, стоявшим на сцене с микрофоном в руке. Должен признаться, что, сидя там, в клубе, в темноте рядом с девчушками, подведенные глаза которых делали их чем-то похожими на енотов, я даже прослезился. Я сам не знал, что вызвало те скупые слезы — наверное, мой сын, сам *факт* его существования, а может быть, непостижимая суть времени. И в голове моей тогда непрерывно повторялись те слова, что звучали в финале «Настоящей любви»: «Ты у меня такой клевый, такой классный, такой крутой!»

ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Когда пишешь книгу о членах собственной семьи — особенно если очень их любишь, — порой испытываешь мучительные чувства, и потому не думаю, что в ближайшее время я снова возьмусь за подобную работу. Прежде всего, я хотел бы поблагодарить моего сына Джеси за то, что он доверился мне, решившему создать на этих страницах его портрет, — в противном случае эта книга никогда не была бы написана. Мне остается лишь надеяться на то, что история его жизни описана здесь настолько справедливо, насколько она того заслуживает. Мне бы также хотелось выразить благодарность его матери Мэгги Хушулак, за все, что она сделала, а сделала она столько, что перечислить здесь это просто невозможно. Хотел бы также здесь заметить, что хотя моя дочь Мэгги Гилмор (она уже взрослая и живет в Калифорнии) на страницах этой истории не появляется, в моей жизни она занимает огромное место, принадлежащее только ей. Есть у меня долг и перед ее матерью — Анной Маккензи, — долг признательности и, кажется, некоторый денежный долг, которому уже около сорока лет.

Эту книгу я посвятил моему редактору и издателю Патрику Крину за неоценимую поддержку в моей литературной деятельности. Хотел бы также выразить глубокую признательность моему литературному агенту Сэму Хайату за проявленный интерес и энтузиазм в то время, когда мой телефон, по всей вероятности, был отключен. Я благодарен Джонатану Карпу, главному редактору издательства «Двенадцать»; Марни Джексону, который дал мне возможность написать о Толстом; ребятам и девочкам из «Куин видео»⁵³ за их неустанную работу по подбору видеофильмов, которые они выдают напрокат даже на одну ночь. Особую благодарность мне бы хотелось выразить официантам ресторана «Ле Пареди», где были написаны некоторые страницы этой книги.

И, конечно, я понятия не имею, что стало бы с этой книгой — и, кстати, со мной самим — без любви и неизменной поддержки моей жены Тины Гладстон.

СПИСОК ФИЛЬМОВ

- «Абсолютная власть» (1997), криминальный триллер, реж. К. Иствуд.
- «Агирре, гнев божий» (1972), историческая драма, реж. В. Херцог.
- «Американские граффити» (1973), комедийная мелодрама, реж. Д. Лукас.
- «Американцы» (1992), драма, реж. Д. Фоули.
- «Апокалипсис сегодня», военная драма, реж. Ф. Ф. Коппола.

- «Беспокойное сердце» (1985), драма, реж. Ф. Скепси.
- «Бешеные псы» (1992), криминальная драма, реж. К. Тарантино.
- «Битлджус» (1988), мистическая комедия, реж. Т. Бёртон.

⁵³ «Куин видео» («Queen Video») — большой магазин видеофильмов в Торонто, где можно брать диски напрокат.

«Большой сон» (1946), криминальная драма, реж. Х. Хоукс.
«Буч Кэссиди и Сандэнс Кид» (1969), криминальная драма, вестерн, реж. Дж. Рой Хилл.
«Быстрые перемены в школе Риджмонт-Хай» (1982), комедийная мелодрама, реж. Э. Хекерлинг.

«Ваня с 42-й улицы» (1994), драма, реж. Л. Малль.
«В джазе только девушки» (1959), комедийная мелодрама, реж. Б. Уайлдер.
«Великий Гэтсби» (1974), драма, реж. Д. Клейтон.
«Вечер трудного дня» (1964), музыкальная комедия, реж. Р. Лестер.
«Вне поля зрения» (1998), криминальная мелодрама, реж. С. Содерберг.
«Внутреннее расследование» (1990), криминальная драма, реж. М. Фиггис.
«Вокруг света за 80 дней» (1956), приключения, реж. М. Андерсон и Дж. Фэрроу.
«Вор» (1981), криминальная драма, реж. М. Манн.
«Восемь с половиной» («8 ½») (1963), драма, реж. Ф. Феллини.
«В осаде» («Захват») (1992), боевик, реж. Э. Дэвис.
«В порту» (1954), криминальная драма, реж. Э. Казан.
«Вулкан: исследование о жизни и смерти Малькольма Лаури» (1976), документальный фильм.

«Высшая сила» («Убойная сила магнума») (1973), криминальная драма, реж. Т. Пост.

«Гигант» (1956), драматический вестерн, реж. Д. Стивенс.
«Гражданин Кейн» (1941), детективная драма, реж. О. Уэллс.
«Грязный Гарри» (1971), криминальный детектив, боевик, реж. Д. Сигел.

«Детектив Буллит» (1968), криминальная драма, реж. П. Йэтс.
«Джеки Браун» (1997), криминальная драма, реж. К. Тарантино.
«Доктор Ноу» (1962), приключенческий боевик, реж. Т. Янг.
«Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу» (1964), комедия, реж. С. Кубрик.
«Дорогая мамочка» (1981), биографическая драма, реж. Ф. Перри.
«Достать коротышку» (1995), криминальная комедия, реж. Б. Зонненфельд.
«Другая женщина» (1988), драма, реж. В. Аллен.
«Друзья Эдди Койла» (1973), криминальная драма, реж. П. Йейтс.
«Дурная слава» (1946), драматический триллер, фильм-нуар, реж. А. Хичкок.
«Дух тьмы» (1994), телевизионный фильм, драма, реж. Н. Роуг.
«Дуэль» (1971), телевизионный фильм, триллер, реж. С. Спилберг.

«Ее звали Никита» (1990), криминальная драма, реж. Л. Бессон.

«Завтрак у Тиффани» (1961), трагикомедия, реж. Б. Эдвардс.
«За пригоршню долларов» (1964), вестерн, реж. С. Леоне и М. Хеллман.
«Звездные воспоминания» (1980), мелодрама, реж. В. Аллен.
«Злые улицы» (1973), криминальная драма, реж. М. Скорсезе.

«Изгоняющий дьявола» (1973), ужасы, триллер, реж. У. Фридкин.
«Иметь и не иметь» (1944), военная мелодрама, реж. Х. Хоукс.
«Искатели» (1956), драматический вестерн, реж. Дж. Форд.
«Иштар» (1987), комедийный мюзикл, приключения, реж. И. Мэй.

«Касабланка» (1942), драма, реж. М. Куртис.
«Китайский квартал» (1974), криминальный детектив, реж. Р. Полански.

«Клюют» (1971), реж. А. Дж. Пакула.
«Космическая одиссея 2001 года» (1968), фантастика, реж. С. Кубрик.
«Красотка» (1990), комедийная мелодрама, реж. Г. Маршалл.
«Крестный отец» (1972), криминальная драма, реж. Ф. Форд Коппола.
«Крестный отец 2» (1974), криминальная драма, реж. Ф. Форд Коппола.
«Криминальное чтиво» (1994), криминальная драма, реж. К. Тарантино.
«К северу через северо-запад» (1959), приключенческий триллер, реж. А. Хичкок.
«Кто боится Вирджинии Вульф?» (1966), драма, реж. М. Николс.

«Леон» («Леон-киллер») (1994), криминальная драма, реж. Л. Бессон.
«Лихорадка джунглей» (1991), драма, реж. С. Ли.
«Лицо со шрамом» (1983), криминальная драма, реж. Б. Де Пальма.
«Лолита» (1962), драма, реж. С. Кубрик.
«Лолита» (1997), драма, реж. Э. Лайн.

«Манхэттен» (1979), комедийная мелодрама, реж. В. Аллен.
«Мертвая зона» (1983), мистический триллер, Д. Кроненберг.
«Мистер Маджестик» (1974), криминальная драма, реж. Р. Флайшер.

«Настоящая любовь» (1993), криминальная драма, реж. Т. Скотт.
«Находка 52» (1986), детективный триллер, Д. Франкенхаймер.
«Непрощенный» (1992), драматический вестерн, реж. К. Иствуд.
«Ночные ходы» (1975), криминальный триллер, реж. А. Пенн.
«Ночь игуаны» (1964), драма, реж. Д. Хьюстон.
«Ночь охотника» (1955), драма, реж. Ч. Лотон.

«Онибаба» (1964), мистическая драма, реж. К. Синдо.
«Основной инстинкт» (1992), триллер, реж. П. Верховен.
«Отважный стрелок» (1967), вестерн, реж. М. Ритт.
«Отчим» (1987), триллер, Д. Рубин.

«План 9 из открытого космоса» (1959), фантастика, реж. Э. Д. Вуд-младший.
«Позднее шоу» (1977), криминальный детектив, реж. Р. Бентон.
«Полиция Майами. Отдел нравов» (1984–1989), сериал, реж. Э. Еркович, Д. Вульф, М.

Дагган и др.

«Порок сердца» (1971), драма, реж. Л. Малль.
«Последнее танго в Париже» (1972), драма, реж. Б. Бертолуччи.
«Последний наряд» (1973), драма, реж. Х. Эшби.
«Похитители велосипедов» (1948), криминальная драма, реж. В. Де Сика.
«Поющие под дождем» (1952), музыкальная мелодрама, реж. С. Донен и Д. Келли.
«Преступления и проступки» (1989), криминальная драма, реж. В. Аллен.
«Происшествие на Саут-стрит» (1953), триллер, фильм-нуар, реж. С. Фуллер.
«Психо» (1960), триллер, реж. А. Хичкок.
«Птицы» (1963), триллер, реж. А. Хичкок.

«Ран» (1985), военная драма, реж. А. Куросава.
«Ребенок Розмари» (1968), триллер, реж. Р. Полански.
«Римские каникулы» (1953), комедийная мелодрама, реж. У. Уайлер.
«Робокоп» («Робот-полицейский») (1987), фантастический боевик, реж. П. Верховен.
«Ровно в полдень» (1952), драматический вестерн, реж. Ф. Циннеман.
«Рокки 3» (1982), спортивный боевик, реж. С. Сталлоне.

«Самурай» (1967), криминальная драма, реж. Ж.-П. Мельвиль.
«Сексуальная тварь» (2000), криминальная драма, реж. Д. Глейзер.
«Синий бархат» (1986), детективная драма, реж. Д. Линч.
«Сияние» (1980), фантастический триллер, реж. С. Кубрик.
«Сканеры» (1981), фантастический триллер, ужасы, реж. Д. Кроненберг.
«Сладкая жизнь» (1960), драма, Ф. Феллини.
«Среди акул» (1994), драматическая комедия, реж. Дж. Хуанг.
«Стик» (1985), криминальная драма, реж. Б. Рейнолдс.
«Судороги» («Мерзость») (1975), фантастический триллер, ужасы, реж. Д. Кроненберг.

«Телевикторина» (1995), драма, реж. Р. Редфорд.
«Техасская резня бензопилой» (1974), триллер, реж. Т. Хупер.
«Трамвай „Желание“» (1951), драма, реж. Э. Казан.
«Третий человек» (1949), детектив, реж. К. Рид.
«Тутси» (1982), комедийная мелодрама, реж. С. Поллак.

«Уолтоны» (1972–1981), телевизионный сериал, семейная мелодрама, реж. Г. Харрис, Ф. Ликок, Р. Вейт и др.

«Французский связной» (1971), криминальная драма, реж. У. Фридкин.

«Ханна и ее сестры» (1986), комедийная мелодрама, реж. В. Аллен.

«Цельнометаллическая оболочка» (1987), военная драма, реж. С. Кубрик.

«Челюсти» (1975), приключенческий триллер, реж. С. Спилберг.
«Четыреста ударов» (1959), криминальная драма, реж. Ф. Трюффо.
«Чужой» (1979), фантастический триллер, реж. Р. Скотт.
«Чунгкингский экспресс» (1994), детективная драма, реж. Вонг Кар Вай.

«Шоугёлз» (1995), драма, реж. П. Верховен. «Шпик» (1972), детектив, реж. Ж.-П. Мельвиль.

«Энни Холл» (1977), комедийная мелодрама, реж. В. Аллен.
«Эта замечательная жизнь» (1946), семейная мелодрама, реж. Ф. Капра.

«39 ступеней» (1935), детективный триллер, реж. А. Хичкок.

СПИСОК ИМЕН⁵⁴

Адлер, Стелла (Stella Adler) (1901–1992) — американская актриса.

Аллен, Вуди (Woody Allen) (р. 1935) — американский сценарист, режиссер, актер, писатель и композитор, трехкратный обладатель премии «Оскар» и многих других высоких наград.

Аль Пачино (Al Pacino) (р. 1940), полное имя Альфредо Джеймс Пачино (Alfredo James Pacino) — известный современный американский актер, сценарист, продюсер и режиссер, удостоенный многих престижных кинематографических призов, включая «Оскар»

⁵⁴ Составлен переводчиком.

и «Золотой Глобус».

Аркетт, Патрисия (Patricia Arquette) (р. 1968) — американская актриса.

Баллхаус, Майкл (Michael Ballhaus) (р. 1935) — немецкий режиссер, оператор, продюсер и актер.

Беркли, Элизабет (Elizabeth Berkley) (р. 1972) — американская актриса.

Бергман, Ингмар (Ernst Ingmar Bergman) (1918–2007) — знаменитый шведский сценарист, режиссер, продюсер, оператор и актер, удостоенный трех премий «Оскар», шести премий «Золотой Глобус» и многих других наград.

Бергман, Ингрид (Ingrid Bergman) (1915–1982) — шведка, одна из самых известных голливудских киноактрис, трижды лауреат премии «Оскар» и четырежды премии «Золотой Глобус».

Бессон, Люк (Luc Besson) (р. 1959) — известный французский режиссер, сценарист, продюсер, оператор и актер.

Бити, Уоррен (Henry Warren Beaty) (р. 1937) — известный американский режиссер, продюсер, актер и сценарист, удостоенный премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и многих других наград.

Богарт, Хамфри (Humphrey DeForest Bogart) (1899–1957) — известный американский актер и продюсер, лауреат премии «Оскар».

Болдуин, Алек (Alexander Rae «Alec» Baldwin) (р. 1958) — американский актер, режиссер и продюсер, обладатель премии «Золотой Глобус» и других наград.

Болдуин, Уильям (William Baldwin) (р. 1963) — известный американский киноактер.

Брандо, Марлон (Marlon Brando) (1924–2004) — выдающийся американский актер театра и кино, режиссер. Дважды лауреат премии «Оскар», на которую был номинирован восемь раз, обладатель многих других наград.

Бриджес, Ллойд (Lloyd Bridges) (1913–1998) — американский актер.

Бронсон, Чарльз (Charles Bronson) (1921–2003), настоящее имя Каролис Бучинскис — известный американский киноактер татарско-литовского происхождения. Удостоен многих престижных наград, включая «Золотой Глобус».

Бьюзи, Гэри (William Gareth Jacob «Gary» Busey) (р. 1944) — известный американский актер, продюсер и композитор, удостоенный премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и других наград.

Бэколл, Лоурен (Lauren Bacall) (р. 1924) — американская киноактриса, дважды лауреат премии «Золотой Глобус».

Верховен, Пол (Paul Verhoeven) (р. 1938) — режиссер, сценарист, продюсер.

Вульф, Вирджиния (Virginia Woolf) (1882–1941), урожденная Вирджиния Эделин

Стефенс — английская писательница, литературовед, переводчик.

Гир, Ричард (Richard Tiffany Gere) (р. 1949) — известный американский актер, продюсер и музыкант, обладатель многих престижных наград, включая «Золотой Глобус».

Годар, Жан-Люк (Jean-Luc Godard) (р. 1930) — известный франко-швейцарский режиссер, оператор, сценарист, актер и продюсер, один из наиболее ярких представителей французской «новой волны».

Голдмен, Уильям (William Goldman) (р. 1931) — американский сценарист.

Гордон, Рут (Ruth Gordon) (1896–1985) — американская актриса и сценарист.

Гриффин, Мервин (Mervyn Edward Griffin) (1925–2007) — известный американский телепродюсер и телеведущий, автор идеи телешоу, транслируемых во многих странах мира. В России к числу таких развлекательных передач относятся «Поле чудес» и «Своя игра».

Грант, Кэри (Cary Grant) (1904–1986), настоящее имя Арчибальд Алек Лич (Archibald Alec Leach) — известный американский актер, родившийся в Англии.

Грин, Грэм (Graham Greene) (1904–1991) — выдающийся английский писатель, сотрудник британской разведки.

Гриффит, Мелани (Melanie Griffith) (р. 1957) — американская актриса, обладательница многих почетных призов, включая «Золотой Глобус».

Гродин, Чарльз (Charles Grodin) (р. 1935) — американский сценарист, режиссер и продюсер.

Де Голль, Шарль (Charles de Gaulle) (1890–1970) — французский военный и общественный деятель.

Де Пальма, Брайан (Brian De Palma) (р. 1940) — известный американский продюсер, актер, режиссер и оператор.

Делон, Ален (Alain Delon) (р. 1935) — знаменитый французский актер, режиссер, продюсер и сценарист.

Джаггер, Мик (Michael Philip «Mick» Jagger) (р. 1943) — известный английский певец, музыкант, играющий на разных инструментах, композитор, актер, продюсер и сценарист, один из создателей и бессменных участников группы «Роллинг Стоунз»; удостоен премии «Золотой Глобус» и других кинонаград.

Джек, Вольфман (Wolfman Jack) (1938–1995), настоящее имя Robert Weston Smith — американский диск-жокей и актер.

Джексон, Сэмюэл Л. (Samuel Leroy Jackson) (р. 1948) — известный американский актер и продюсер, удостоен премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и других наград.

Джойс, Джеймс (James Joyce) (1882–1941) — ирландский писатель и поэт.

Джонс, Томми Ли (Tommy Lee Jones) (р. 1946) — известный американский режиссер,

сценарист, продюсер и актер, удостоен премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и других престижных наград.

Джюисон, Норман (Norman Jewison) (р. 1926) — канадский сценарист, режиссер, продюсер и актер.

Дин, Джеймс (James Dean) (1931–1955) — американский актер.

Дрейфус, Ричард (Richard Stephen Dreyfuss) (р. 1947) — известный американский режиссер, сценарист, продюсер и актер, лауреат премии «Оскар».

Дюваль, Шелли (Shelley Duvall) (р. 1949) — американская актриса и продюсер.

Жид, Андре (André Gide) (1869–1951), французский писатель, драматург и литературный критик, известный ниспровержением литературных традиций.

Зан, Стив (Steven James Zahn) (р. 1967) — американский актер.

Ибсен, Генрик (Henrik Johan Ibsen) (1828–1906) — норвежский драматург.

Иствуд, Клинт (Clint Eastwood) (р. 1930) — известный американский актер, режиссер, сценарист, продюсер и композитор, двукратный лауреат премии «Оскар» и обладатель многих других престижных наград.

Йэтс, Питер (Peter Yates) (р. 1929) — английский режиссер, сценарист и продюсер.

Каан, Джеймс (James Caan) (р. 1940) — известный американский актер и режиссер.

Казан, Элиа (Elia Kazan) (1909–2003) — американский режиссер, продюсер и актер турецкого происхождения.

Каммингс, Эдвард (Edward Estlin Cummings) (1894–1962) — известный американский поэт, писатель, художник и драматург.

Капоте, Трумэн (Truman Capote) (1924–1984), настоящее имя Трумэн Стрекфас Пернос — американский писатель.

Карни, Арт (Arthur William Matthew «Art» Carney) (1918–2003) — известный американский актер и продюсер, удостоенный многих престижных наград, включая премию «Оскар» и премию «Золотой Глобус».

Карсон, Джонни (Johnny Carson) (1925–2005) — американский сценарист, композитор и актер.

Кассаветис, Джон (John Cassavetes) (1929–1989) — известный американский актер, продюсер, режиссер и сценарист, лауреат премии «Оскар».

Кейл, Полин (Pauline Kael) (1919–2001) — известный американский киновед и кинокритик, работала в еженедельнике «Нью-Йоркер».

Кейтель, Харви (Harvey Keitel) (р. 1939) — известный американский актер и продюсер.

Келли, Джин (Eugene Curran «Gene» Kelly) (1912–1996) — известный американский режиссер, продюсер, сценарист, актер, композитор, певец, танцор и хореограф, удостоенный многих наград, включая премию «Оскар» и премию «Золотой Глобус».

Кертис, Майкл (Michael Curtis) (1886–1962), настоящее имя Manó Kertész Kaminer — известный американский сценарист, продюсер и режиссер венгерского происхождения, лауреат премии «Оскар».

Килмер, Вэл (Val Edward Kilmer) (р. 1959) — американский продюсер, режиссер и актер.

Кинг, Стивен (Stephen King) (р. 1947) — известный американский писатель, актер, сценарист и режиссер, работающий в жанрах фантастики, мистики, триллера и ужасов.

Кингсли, Бен (Ben Kingsley) (р. 1943), настоящее имя Кришна Бханджи — британский актер. Отец — врач индийского происхождения с острова Занзибар, мать — британская актриса и модель российского еврейского происхождения. Удостоен премии «Оскар».

Китон, Дайан (Diane Keaton) (р. 1946) — американская актриса, продюсер, режиссер и сценарист. Лауреат премии «Оскар».

Клуни, Джордж (George Timothy Clooney) (р. 1961) — известный американский продюсер, сценарист, оператор и актер, удостоенный многих наград, включая премию «Оскар» и премию «Золотой Глобус».

Кобурн, Джонс (James Coburn) (1928–2002) — американский актер, продюсер и сценарист.

Коппола, Френсис Форд (Francis Ford Coppola) (р. 1939) — известный американский режиссер, композитор, продюсер, сценарист и актер, удостоен многих престижных наград, включая премию «Оскар».

Кристофферсон, Кристоффер (Kristoffer Kristofferson) (р. 1936) — известный американский актер, писатель, певец, композитор и музыкант.

Крозерс, Скэтмэн (Scatman Crothers) (1910–1986) — американский актер.

Кроненберг, Дэвид (David Cronenberg) (р. 1943) — канадский режиссер, сценарист, актер, продюсер и оператор.

Кубрик, Стенли (Stanley Kubrick) (1928–1999) — выдающийся американский режиссер, сценарист, актер, продюсер и оператор, один из самых влиятельных и новаторских кинематографистов второй половины XX столетия.

Купер, Гэри (Gary Cooper) (1901–1961), настоящее имя Фрэнк Джеймс Купер — американский актер и продюсер, дважды лауреат премии «Оскар».

Куросава, Акира (Akira Kurosawa) (1910–1998) — известный японский режиссер, сценарист и продюсер.

Лайн, Эдриан (Adrian Lyne) (р. 1941) — американский режиссер, сценарист и продюсер.

Ландау, Мартин (Martin Landau) (р. 1931) — американский актер и продюсер.

Лаури, Малькольм (Malcolm Lowry) (1909–1957) — англо-канадский писатель, с 1939 по 1954 год живший в канадской провинции Британская Колумбия, где он в 1944 году закончил работу над самым известным своим романом «У подножия вулкана» («Under the Volcano»), опубликованным в 1947 году.

Леммон, Джек (John Uhler «Jack» Lemmon) (1925–2001) — известный американский актер и режиссер, удостоенный многих наград, включая премию «Оскар» и премию «Золотой Глобус».

Лео, Жан-Пьер (Jean-Pierre Léaud) (р. 1944) — французский актер, режиссер, сценарист.

Леонард, Элмор (Elmore Leonard) (р. 1925) — американский писатель и сценарист, специализирующийся на произведениях детективного жанра.

Лестер, Ричард (Richard Lester) (р. 1932) — американский режиссер, актер, продюсер, сценарист, оператор и композитор.

Ли, Спайк (Spike Lee) (р. 1957) — американский актер, продюсер, режиссер и оператор.

Лопес, Дженнифер (Jennifer Lynn Lopez) (р. 1969) — известная американская актриса, певица и танцовщица, удостоенная многих наград, включая премию «Золотой Глобус».

Лотон, Чарльз (Charles Laughton) (1899–1962) — английский сценарист, продюсер, актер и режиссер, удостоенный премии «Оскар» и других наград.

Лукас, Джордж (George Lucas) (р. 1944) — известный американский продюсер, актер, режиссер и оператор.

Маджорани, Ламберто (Lamberto Maggiorani) (1910–1983) — итальянский актер.

Маклахлан, Кайл (Kyle MacLachlan) (р. 1959) — американский актер.

Маккарти, Джозеф (Joseph McCarthy) (1908–1957) — американский сенатор-республиканец.

Маккуин, Стив (Steve McQueen) (1930–1980) — американский актер, продюсер и сценарист.

Малль, Луи (Louis Malle) (1932–1995) — известный французский режиссер, продюсер, сценарист, оператор и актер.

Марли, Боб (Bob Marley) (1945–1981), полное имя Роберт Неста Марли — ямайский музыкант, наиболее известный исполнитель в стиле рэгги. Один из наиболее известных проповедников идей panaфриканизма, нашедших отражение в концепциях растафарианства.

Марли, Зиги (Ziggy Marley) (р. 1968) — ямайский актер.

Мастроянни, Марчелло (Marcello Mastroianni) (1923–1996) — всемирно известный итальянский актер театра и кино.

Мелвилл, Герман (Herman Melville) (1819–1891) — американский писатель.

Мельвиль, Жан-Пьер (Jean-Pierre Melville) (1917–1973), настоящее имя Jean-Pierre Grumbach — известный французский продюсер, актер, сценарист и режиссер.

Миллер, Генри (Henry Valentine Miller) (1891–1980) — известный американский писатель и художник, автор скандальных для своего времени эротических романов «Тропик Рака», «Тропик Козерога» и др.

Митчэм, Роберт (Robert Charles Durman Mitchum) (1917–1997) — американский сценарист, продюсер и актер, награжденный «Золотым Глобусом» и другими премиями.

Молден, Карл (Karl Malden) (р. 1912) — американский актер и режиссер.

Морроу, Роб (Robert Alan Morrow) (р. 1962) — американский режиссер, сценарист, актер и продюсер, удостоен премии «Золотой Глобус» и других наград.

Мур, Майкл (Michael Moore) (р. 1954) — американский журналист, сценарист, режиссер, актер и продюсер.

Мэмет, Дэвид (David Alan Mamet) (р. 1947) — американский режиссер, продюсер, актер и сценарист.

Мэнсон, Чарльз (Charles Milles Manson) (р. 1934) — знаменитый американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств, в том числе известной киноактрисы Шэрон Тейт.

Найт, Шуге (Marion 'Suge' Knight) (р. 1965) — противоречивая фигура в мире рэпа, молодежной субкультуры хип-хоп. Был связан с бандитскими группировками, несколько раз осужден за преступления и отбывал наказания. В 1991 году стал соучредителем компании Death Row Records, выпускавшей популярные среди молодежи записи рэпа. Замешан в ряде громких скандалов.

Николсон, Джек (Jack Nicholson) (р. 1937), настоящее имя Джон Джозеф Николсон (John Joseph Nicholson) — выдающийся американский актер, сценарист, продюсер и режиссер. Двенадцать раз номинировался на премию «Оскар» и трижды был ее удостоен, имеет семь премий «Золотой Глобус» и много других наград.

Ньюман, Пол (Paul Leonard Newman) (1925–2008) — известный американский продюсер, сценарист, режиссер и актер, удостоенный многих призов, включая «Оскар» и «Золотой Глобус».

Нюквист, Свен (Sven Vilhem Nykvist) (1922–2006) — известный шведский сценарист, режиссер, оператор, продюсер и актер, дважды удостоен премии «Оскар», обладатель других наград.

Олдмен, Гэри (Gary Oldman) (р. 1958) — английский актер, продюсер, режиссер и

сценарист; удостоен многих престижных кинопризов.

Олмос, Джеймс (Edward James Olmos) (р. 1947) — американский режиссер, продюсер, актер и композитор.

Олтман, Роберт (Robert Altman) (1925–2006) — американский сценарист, продюсер, режиссер и актер.

Оно, Йоко (Yoko Ono) (р. 1933) — японская актриса, режиссер, сценарист, продюсер, композитор и художник, вдова Джона Леннона.

Пек, Грегори (Gregory Peck) (1916–2003) — знаменитый актер и продюсер, удостоен премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и других наград.

Пенн, Шон (Sean Penn) (р. 1960) — американский актер, режиссер, сценарист и продюсер.

Пинтер, Гарольд (Harold Pinter) (р. 1930) — английский драматург и киносценарист, лауреат Нобелевской премии по литературе (2005).

Питт, Брэд (William Bradley «Brad» Pitt) (р. 1963) — американский актер и продюсер, лауреат премии «Золотой Глобус» и обладатель других наград.

Плат, Сильвия (Sylvia Plath) (1932–1963) — американская поэтесса и писательница.

Полански, Роман (Roman Polanski) (р. 1933), настоящее имя Раймунд Роман Либлинг — известный польский сценарист, продюсер, режиссер и актер, переживший холокост.

Райдер, Вайнона (Winona Ryder) (р. 1971) — американская актриса и продюсер.

Редгрейв, Ванесса (Vanessa Redgrave) (р. 1937) — известная английская киноактриса и продюсер, удостоенная многих почетных премий и наград.

Редфорд, Роберт (Charles Robert Redford) (р. 1936) — известный американский продюсер, актер и режиссер, обладатель премии «Оскар» и других кинонаград.

Рейнолдс, Берт (Burton Leon Reynolds) (р. 1936) — известный американский продюсер, сценарист, режиссер и актер, удостоенной многих призов, включая «Золотой Глобус».

Рид, Донна (Donna Reed) (1921–1986), настоящее имя Donna Belle Mullenger — известная американская актриса, удостоенная премии «Оскар» и премии «Золотой Глобус».

Робертс, Джулия (Julia Fiona Roberts) (р. 1967) — известная американская актриса и продюсер, удостоенная премии «Оскар», премии «Золотой Глобус» и других наград.

Ромер, Эрик (Éric Rohmer) (р. 1920), настоящее имя Jean-Marie Maurice Scherer — французский режиссер, актер и сценарист, представитель «новой волны».

Силверберг, Роберт (Robert Silverberg) (р. 1935) — плодовитый американский писатель, наиболее известный своими научно-фантастическими произведениями, получавшими премии «Хьюго» и «Небьюла».

Симпсон, Джеймс (Orental James Simpson) (р. 1947) — бывший американский футболист, актер и продюсер, в 1995 году обвиненный в зверском убийстве бывшей жены и ее друга.

Скорсезе, Мартин (Martin Scorsese) (р. 1942) — известный американский актер, режиссер, продюсер, сценарист, лауреат премии «Оскар», премии «Золотой Глобус», обладатель призов Каннского кинофестиваля и других наград.

Скотт, Тони (Anthony Scott) (р. 1944) — английский продюсер, актер, оператор, сценарист и режиссер.

Скофилд, Пол (David Paul Scofield) (1922–2008) — известный английский актер театра и кино, лауреат многих престижных премий, включая «Оскар» и «Золотой Глобус».

Слэйтер, Кристиан (Christian Michael Leonard Slater) (р. 1969) — американский актер, режиссер и продюсер.

Содерберг, Стивен (Steven Andrew Soderbergh) (р. 1963) — известный американский продюсер, оператор, сценарист, композитор и актер, удостоенный премии «Оскар» и других наград.

Спилберг, Стивен (Steven Spielberg) (р. 1946) — известный американский режиссер, продюсер, сценарист и актер, награжден несколькими премиями «Оскар» и другими престижными призами.

Спрингстин, Брюс (Bruce Springsteen) (р. 1949) — американский композитор, актер и продюсер.

Стораро, Витторио (Vittorio Storaro) (р. 1940) — итальянский актер и оператор, лауреат премии «Оскар».

Стоун, Оливер (Oliver Stone) (р. 1946) — известный американский режиссер, сценарист, продюсер, оператор и актер, обладатель многочисленных кинонаград, включая четыре премии «Оскар».

Стоун, Филип (Philip Stone) (1924–2003) — английский актер.

Стрип, Мэрил (Meryl Streep) (р. 1949) — американская актриса и продюсер.

Стюарт, Джеймс (James Maitland Stewart) (1908–1997) — известный американский актер, дважды лауреат премии «Оскар» и премии «Золотой Глобус», удостоен также многих других наград.

Сэйнт, Ева Мари (Eva Marie Saint) (р. 1924) — американская актриса.

Тарантино, Квентин (Quentin Jerome Tarantino) (р. 1963) — известный американский продюсер, сценарист, оператор, режиссер и актер, удостоенный многих наград, включая премию «Оскар» и премию «Золотой Глобус».

Таун, Роберт (Robert Burton Towne) (р. 1934) — известный американский продюсер, сценарист, актер и режиссер, в числе других наград удостоен премии «Оскар» и премии

«Золотой Глобус».

Тейт, Шарон (Sharon Tate) (1943–1969) — американская актриса.

Ти, Мистер (Mr. T) (р. 1952), настоящее имя Laurence Tureaud (Лоренс Тьюро) — известный американский актер, прошедший непростой жизненный путь: работал вышибалой, рестлером, телохранителем звезд шоу-бизнеса и т. п.

Томлин, Лили (Mary Jean «Lily» Tomlin) (р. 1939) — американская актриса, писательница, продюсер и сценарист.

Траволта, Джон (John Joseph Travolta) (р. 1954) — известный американский продюсер, сценарист, актер, певец и танцор, удостоенный многих наград, включая премию «Золотой Глобус».

Трюффо, Франсуа (François Truffaut) (1932–1984) — французский сценарист, режиссер, продюсер и актер.

Уивер, Деннис (Dennis Weaver) (1924–2006) — американский актер, продюсер и режиссер.

Уиллис, Гордон (Gordon Willis) (р. 1931) — американский актер, режиссер и оператор, получивший прозвище Князь Тьмы за склонность к съемкам при слабой освещенности.

Уильямс, Теннесси (Tennessee Williams) (1911–1983) — известный американский писатель и сценарист.

Уокен, Кристофер (Christopher Walken) (р. 1943), настоящее имя Ronald Walken — американский продюсер, сценарист, режиссер и актер, лауреат многих премий, включая «Оскар».

Уотерхаус, Джон (John William Waterhouse) (1849–1917) — известный английский художник.

Уэйн, Джон (John Wayne) (1907–1979), настоящее имя Marion Robert Morrison — известный американский актер, продюсер и режиссер, лауреат премии «Оскар», удостоен других наград.

Уэллс, Джордж Орсон (George Orson Welles) (1915–1985) — американский кинорежиссер, актер, писатель. Его фильмы отмечены барочной пышностью стиля и изобретательностью в технических решениях.

Файнс, Рэйф (Ralph Nathaniel Twisleton-Wykeham-Fiennes) (р. 1962) — английский актер и продюсер.

Фассбиндер, Райнер Вернер (Rainer Werner Fassbinder) (1945–1982) — немецкий режиссер, сценарист, оператор, актер, продюсер и композитор.

Феллини, Федерико (Federico Fellini) (1920–1993) — выдающийся итальянский сценарист, режиссер, продюсер и актер, обладатель премии «Оскар» за вклад в искусство, дважды получал призы Московского кинофестиваля и многие другие награды.

Фитцджеральд, Фрэнсис Скотт (Francis Scott Fitzgerald) (1896–1940) — американский писатель.

Формен, Карл (Carl Foreman) (1914–1984) — американский режиссер, сценарист и продюсер.

Фостер, Джоуди (Jodie Foster) (р. 1962) — настоящее имя Алисия Кристиан Фостер — известная американская актриса, двукратная обладательница премии «Оскар» и других наград.

Фридкин, Уильям (William Friedkin) (р. 1935) — известный американский режиссер, актер, сценарист и продюсер, лауреат премии «Оскар», удостоен других престижных призов.

Фррис, Стивен (Steven Frears) (р. 1941) — английский режиссер.

Фэрроу, Миа (Mia Farrow) (р. 1945) — американская киноактриса.

Хадсон, Рок (Rock Hudson) (1925–1985) — американский актер.

Херцог, Вернер (Werner Herzog) (р. 1942) — немецкий сценарист, режиссер, продюсер и актер.

Хичкок, Альфред (Alfred Hitchcock) (1899–1980) — знаменитый английский режиссер, актер, продюсер и сценарист. С 1939 года работал в США. Хичкок умел мастерски создавать в своих фильмах атмосферу тревожной неопределенности, напряженного ожидания, предчувствия чего-то ужасного.

Хоппер, Деннис (Dennis Hopper) (р. 1936) — американский актер, режиссер и сценарист.

Хоукс, Ховард (Howard Winchester Hawks) (1896–1977) — известный американский продюсер, сценарист, актер и режиссер, лауреат премии «Оскар».

Хоффман, Дасти (Dustin Lee Hoffman) (р. 1937) — известный американский актер, режиссер и продюсер, удостоенный многих премий, включая «Оскар» и «Золотой Глобус».

Хьюстон, Анжелика (Anjelica Huston) (р. 1951) — американская актриса.

Хьюстон, Джон (John Huston) (1906–1987) — американский актер, режиссер, сценарист, продюсер и оператор.

Хэкман, Джин (Gene Hackman) (р. 1930) — известный американский актер и продюсер, удостоенный многих премий, включая «Оскар» и «Золотой Глобус».

Хэпберн, Одри (Audrey Hepburn) (1929–1993) — одна из самых известных американских киноактрис, родившаяся в Бельгии. Удостоена многих наиболее престижных кинонаград.

Шакур, Тупак (Tupac Amaru Shakur [2pac]) (1971–1996) — киноактер и культовая фигура среди рэперов. Сотрудничал с Шугом Найтом. Убит в ходе бандитских разборок.

Шоун, Уоллес (Wallace Shawn) (р. 1943) — американский актер и сценарист.

Эберт, Роджер (Roger Joseph Ebert) (р. 1942) — известный американский журналист, кинокритик и телеведущий, лауреат Пулитцеровской премии.

Элиот, Джордж (George Eliot) (1819–1880) — псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс. Роман «Миддлмарч» («Middlemarch»), написанный в 1871–1872 годах, — одно из ее наиболее известных произведений.

Элиот, Томас (Thomas Stearns Eliot) (1888–1965) — известный американо-английский поэт, драматург и литературный критик.

Эминем (Eminem) (р. 1973), настоящее имя Marshall Bruce Mathers III — американский актер, композитор, один из самых известных в мире рэперов, записи которого расходятся миллионными тиражами.

Эстерхас, Джо (Joe Eszterhas) (р. 1944) — американский сценарист и продюсер венгерского происхождения.